

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(НОВОЧЕРКАССКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)**

Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 2008 г.

Периодичность серии 6 номеров в год

№6 2013 г.

Серия Социально-экономические науки

Содержание	Contents
Экономика и управление народным хозяйством	Economics and National Economy Managing
<i>Московченко В. М.</i> Развитие методологии управления транспортом в системе материального обеспечения силовой организации государства.....4	<i>Moskovchenko V. M.</i> Development of the Traffic Management Methodologies for the Logistical Support of the National Security Agencies.....4
<i>Шматков В. В.</i> Технический университет как экономическая система мезоуровня.....9	<i>Shmatkov V. V.</i> Technical University as the Mesolevel Economic System.....9
<i>Абрамович А. М.</i> Гармонизация кибер-физического общества.....13	<i>Abramovich A. M.</i> Harmonization of Cyber-Physical Society.....13
<i>Передерий М. В.</i> Экономические границы современной инновационной инфраструктуры и пространство ее параметров.....21	<i>Perederiy M. V.</i> Economic Limits of the Nowadays Innovation Infrastructure and Its Parameter Space.....21
<i>Наймушин В. Г.</i> Проблемы перехода российской экономики к инновационному развитию.....28	<i>Naimushin V. G.</i> The Aspects of Russian Economy's Transition to Innovation Development.....28
<i>Ерошок Д. Б.</i> Роль лизинга в разработке и реализации стратегии развития субъектов хозяйствования.....35	<i>Eroshok D. B.</i> The Significant Role of Leasing for the Design and Realization of the Business Entities' Development Strategy.....35
<i>Алферов С. А.</i> Механизм взаимодействия головного и дочерних предприятий при формировании портфеля заказов инвестиционных проектов.....46	<i>Alferov S. A.</i> The Ways of Interaction between the Parent Enterprise and the Affiliates, Used for the Investment Projects' Development and Working out the Stock of Orders.....46

Масыч М. А., Шевченко И. К. Система поддержки и обеспечения контроля и реализации проектов в сфере воспитания и молодежной политики.....50	Masych M. A., Shevchenko I. K. Support System for Monitoring and Project Implementation in the Field of Education and Youth Policy.....50
Левченко Н. А. Особенности контроля качества жилищно-коммунальных услуг.....56	Levchenko N. A. Quality Control for the Housing and Communal Services: The Distinctive Features.....56
Анненков И. С. Управление процессами и знаниями с помощью Atlassian JIRA.....63	Annenkov I. S. Using the Atlassian JIRA for Process and Knowledge Management.....63
Захарченков А. С., Мехович С. А. Технологический реинжиниринг машиностроительных предприятий: концептуальный аспект.....69	Zakharchenkov A. S., Mehovich C. A. Re-engineering for the Technology Engineering Companies: Conceptual Aspects.....69
Комиссарова М. А. Особенности региональной инновационной политики в современных условиях.....76	Komissarova M. A. Distinctive Features of the Nowadays Innovation Policy.....76
Зайцева И. В., Зайцев В. Г. Финансовое резервирование как способ снижения степени риска на предприятии...80	Zaitseva I. V., Zaitsev V. G. Financial Backup as a Risk Reduction Method for the Enterprise.....80
Рыбина Ю. В. Возможности применения секьюритизации банковских активов в посткризисный период.....85	Rybina J. V. The Securitization of Bank Assets in the Post-Crisis Period.....85
Савчук В. Ф. Экономические предпосылки формирования системы экологического контроллинга природохозяйственной деятельности.....94	Savchuk V. F. Creating the Environmental Protection Control System for the Nature Management Activities: The Economic Preconditions.....94
Питчак К. Е., Андрищенко О. Г. Совершенствование механизма государственной поддержки экспорта предприятий промышленного сектора экономики на федеральном уровне: экономический и институциональный аспекты.....99	Pitchak K. E., Andriushchenko O. G. The Improvement of the State Support for the Export Mechanism at the Enterprises of Industrial Branch of Economy on Federal Level: Economic and Institutional Aspects.....99
Гишкаева Л. Л. Некоторые аспекты теории и практики заработной платы и трудовых отношений.....108	Gishkaeva L. L. The Theoretical and Practical Aspects of the Wage and Labour Relations.....108
Сааков А. С. Экономическое содержание и развитие дефиниций «несостоятельность» и «банкротство» и пути повышения устойчивости функционирования предприятий.....113	Saakov A. S. The Economic Essence of «The Insolvency» and «The Bankruptcy» Definitions and the Ways of Increasing the Enterprises' Functioning Stability.....113

Экономическая социология	Economic Sociology
<i>Мостовая И. В.</i> Гуманитарные технологии корпоративного строительства.....119	<i>Mostovaya I. V.</i> Liberal Technologies for the Corporate Development.....119
Социальная структура, социальные институты и процессы	Social Structure, Social Processes and Institutions
<i>Исакова О. В., Загороднюк Е. В.</i> Проблемы и риски развития структур самоорганизации молодежи на локальном уровне.....124	<i>Isakova O. V., Zagorodnyuk E. V.</i> Youth Self-Organization Structures' Problems and Risks on the Local Level.....124
<i>Николаева Л. С., Чумакова Т. Н.</i> Основные методологические подходы к изучению эффективности деятельности преподавателей ВУЗов.....129	<i>Nikolaeva L. S., Chumakova T. N.</i> Fundamental Methodological Approaches to the Studing of the University Teachers' Effectiveness.....129
<i>Леонова М. С., Бондаренко О. В.</i> Место религии в системе ценностей российского студенчества.....134	<i>Leonova M. S., Bondarenko O. V.</i> The Position of Religion in the Russian Students' System of Values....134
<i>Воденко К. В., Иванченко О. С.</i> Институализация и институциональное развитие науки: культурные и этические аспекты.....141	<i>Vodenko K. V., Ivanchenko O. S.</i> Institutionalization and Institutional Development of Science: Cultural and Ethical Issues.....141
<i>Позднякова-Кирбятьева Э. Г.</i> Инстаурация жизненного мира в контексте функционирования социальной памяти.....150	<i>Pozdnyakova-Kirbatyeva E. G.</i> Instauration of the Vital World and the Context of Functioning of the Social Memory.....150

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 656.078

РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТОМ В СИСТЕМЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

© 2013 г. В. М. Московченко

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

Проанализировано состояние и предложены направления развития методологии управления транспортом в системе материального обеспечения силовой организации государства. Рассмотрены основные задачи создания организационно-экономического инструментария управления транспортной подсистемой снабжения силовых ведомств.

Ключевые слова: военно-экономическая система; снабжение войск, транспортная подсистема снабжения.

Author analyzed the nowadays conditions of the traffic management methodologies for the logistical support of the national security agencies, and presents some ways of its development. The basic ideas of creating the organizational and economic management instruments for the traffic subsystem of the security agencies' supply are also itemized.

Key words: military economy system; troop supply; traffic subsystem of the supply system.

Проходящие в России преобразования в экономической и военной сферах взаимосвязаны и служат развитию рыночной среды в стране. Связанная с этим децентрализация управления экономикой, в том числе — материальным обеспечением федеральных структур различных силовых министерств и ведомств породили ряд специфических проблем, рассмотренных, в частности, в наших более ранних работах [1; 2].

В этих условиях необходимо учитывать и новую экономическую политику тыла на основе повышения научного ее обеспечения и разработки экономико-математических методов и моделей деятельности органов тыла по материальному обеспечению федеральных силовых структур.

К сожалению, современная российская экономическая наука не располагает достаточными знаниями о методах научного фор-

мирования общей системы материального обеспечения всех силовых структур, которые бы отвечали современным требованиям.

Преодоление этой методологической проблемы возможно при исследовании материальных и информационных потоков в военно-экономической системе.

Военно-экономической системой (ВЭС) называют комплекс взаимосвязанных элементов (производителей продукции, военных потребителей, кредитно-финансовых учреждений и т. д.), совместные действия которых служат для достижения заданной цели. От простой совокупности элементов система отличается в основном наличием у нее свойства эмерджентности, которое заключается в принципиальной несводимости свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и, следовательно, в ее качественной специ-

фике и целостности. Инвариантом системы, устойчиво обеспечивающим ее специфику и целостность, является структура, которую составляют связи между элементами. Структуру военно-экономической системы формально описывает граф, вершины которого соответствуют элементам системы, а дуги — связям между ними. Граф является конечным, если количество его вершин и дуг конечно, и ориентированным, если связи имеют направления. На дугах в качестве их функций задают потоки, которые равны количествам различных субстанций (денег, материальных средств, информации), перемещаемым в единицу времени от вершины к вершине в определенном направлении. Разность сумм потоков, входящих в какую-либо вершину и выходящих из нее, равна дивергенции в этой вершине [3]. Если в вершине (элементе системы) рассматриваемая субстанция возникает, то дивергенция положительна, а если исчезает, то дивергенция равна нулю. Экономический смысл дивергенции в некоторой вершине заключается в том, что она равна сумме эффектов, являющихся следствием взаимодействия указанной и других вершин.

Как правило, в ВЭС имеют место устойчивые зависимости потоков товаров, выходящих из элемента, являющегося производителем продукции, от потоков ресурсов, входящих в него. Потоки в ВЭС могут быть стационарными и нестационарными, детерминированными и неопределенными. Стационарные потоки не изменяются с течением времени, а нестационарные — изменяются. Детерминированный поток зависит только от заданных условий и времени, а неопределенный — также и от случайных факторов. Как правило, для ВЭС характерны нестационарные и неопределенные потоки. Неопределенные потоки подразделяются на два типа: для первого известны только пределы изменения потока, для второго, помимо них, известна еще и функция распределения вероятностей потока как случайной величины. В дальнейшем потоки второго типа будем называть случайными. В том случае, когда функция распределения вероятностей неизвестна, а известны только некоторые ограничения на неопределенный поток, например, на пределы его изменения, целесообразно построение приближенной функции распределения, в

частности, с использованием методов теории информации и вариационного исчисления. Спецификой ВЭС является то, что в процессе решения оптимизационной задачи потоки (денег, материальных средств, информации) рассматриваются во взаимосвязи и взаимозависимости.

Потоки материальных средств в транспортных подсистемах систем материального обеспечения силовых структур лишь частично синхронизированы с потоками поставляемых для них материальных средств из народного хозяйства. Это происходит вследствие случайного характера как спроса на данные материальные средства, так и поставок и, кроме того, из-за непрерывности потребления материальных средств всеми федеральными войсками и силами, и дискретности поставок. В результате неэффективного функционирования транспортной подсистемы системы материального обеспечения силовых структур может возникнуть дефицит материальных средств, а какая-то их часть окажется не использованной по назначению, превратившись в неиспользуемые запасы, которые негде будет хранить.

При принятии решения о создании запасов приходится учитывать следующее противоречие: с одной стороны, их создание приводит к иммобилизации капитала и затратам на хранение, но с другой стороны, они обеспечивают непрерывность материального обеспечения федеральных войск и сил и гарантируют устойчивость обеспечения при невыполнении сроков поставок из народного хозяйства.

Неизбежная погрешность в оценке размера страхового запаса материальных ресурсов зависит, в частности, от количества предварительной информации о спросе на рынке и поставках материальных средств. Чем больше количество информации об этих случайных величинах, тем меньше мера их неопределенности — энтропия. Если энтропия окажется близкой к нулю, то потребности в страховом запасе нет, так как задача о поставках из вероятностной превращается в практически детерминированную.

Любая военно-экономическая система является подсистемой большей военно-экономической или социально-экономической системы, которая, в свою очередь, также яв-

ляется подсистемой. Между системой и ее подсистемами осуществляется взаимодействие, в частности, в виде переноса материальных средств, денег, информации. Система — это среда для включенной в нее подсистемы. Глобальной системой, включающей в себя все экономические объекты в качестве подсистем, является мировая экономика. Поэтому все военно-экономические системы следует рассматривать в теоретическом аспекте как открытые, то есть взаимодействующие со средой. Однако часто для решения задачи оптимизации функционирования военно-экономической системы ее необходимо мысленно изолировать от всех внешних объектов. Чтобы это сделать и одновременно учесть влияние среды, рассматривают условную систему, в которой исследуемая система и среда играют роль подсистем. При этом экзогенные показатели, характеризующие среду, объединяются с эндогенными показателями, характеризующими исследуемую систему, и превращаются в эндогенные показатели новой условной системы.

Решение оптимизационной задачи функционирования транспорта дает лишь приближенные значения управляющих воздействий, так как их определяют не непосредственно для военно-экономической системы, а для ее модели. Модель военно-экономической системы — это ее формализованный, в частности, математический аналог, отражающий не все, а только существенные связи между элементами и основные закономерности ее функционирования. Процесс моделирования военно-экономической системы осуществляется в два этапа: на первом получают ее упрощенный (гомоморфный) образ, а на втором — его взаимно однозначное (изоморфное) отображение. Последнее рассматривается как модель военно-экономической системы. Упрощение на первом этапе заключается в том, что каждой группе элементов, обладающих некоторым свойством реальной системы, становится в соответствие один элемент с тем же свойством гомоморфного образа. Оно должно быть таким, чтобы создать возможность доведения оптимизационной задачи до численности результата, не упустив при этом учета факторов, существенно влияющих на него. Однако особенность моделирования транспортных потоков заключается

в том, что в его процессе экспериментирование почти всегда невозможно, а просто наблюдение редко проходит в неизменных условиях и, следовательно, не может дать высоконадежные рекомендации. Тем не менее, при моделировании военно-экономической системы наблюдение за ее аналогами является основным источником информации, несмотря на заведомо приближенный характер последней. Поэтому решение оптимизационной задачи следует рассматривать лишь как ориентировочное. Оно должно быть проанализировано при помощи эвристических методов, которые базируются на неформальных интуитивных суждениях, связанных с опытом. Эти методы дают возможность хотя бы приближенно оценить точность полученных решений в тех достаточно распространенных случаях, когда статистическая оценка практически не применима из-за невозможности проведения экспериментов и наблюдений или ненадежности их результатов.

Признание значения эвристики не означает умаления роли теоретических моделей транспортных потоков, так как важнейшей предпосылкой успеха в экономической деятельности, несмотря на указанное значение интуиции, является применение рационального подхода, то есть того, на чем построена транспортная логистика, которая, после своего появления как прикладной научной дисциплины, не изменила в концептуальном аспекте подходы к рациональному управлению экономическими системами. Она лишь предложила методологию его оптимизации, теоретически обобщив и математически оформив рациональный подход к экономике, который существовал всегда.

Эвристически оцененные формально оптимальные значения управляющих воздействий на транспортную систему становятся результатом решения задачи только после проверки их внесистемной целесообразности. Эта проверка заключается в сравнении соответствующего им значения целевой функции (критерия оптимизации) с существующими внесистемными нормативами или базовыми аналогами.

Используя указанные методы можно наиболее полно реализовать преимущества интеграции систем материального обеспечения всех силовых структур в рамках единой

транспортно-снабженческой системы. К таким преимуществам следует отнести: улучшение контроля и координации функций органов тыла всех силовых министерств, уменьшение количества и масштабов ошибочных решений при выборе поставщиков и транспортных предприятий-перевозчиков, заключении контрактов; максимальное использование инноваций в технике и организации перевозок, повышение эффективности управления процессом контрактации; уменьшение количества информационных потоков в системе управления перевозками, сокращение количества отчетно-заявочных документов, возможность комплексно использовать транспорт в интересах всех силовых министерств; сокращение управленческого аппарата, возможность избежать создания лишних подразделений, оптимизация численного состава и структуры снабженческих подразделений; минимизация расходов на функционирование каждого силового ведомства.

Создание такой подсистемы транспортного обеспечения снабжения военно-экономической системы требует решения следующих исследовательских задач:

— исследовать содержание, определить сущность, особенности и специфику процесса формирования транспортной подсистемы снабжения силовой организации государства в современных условиях;

— исследовать общее и особенное в системах материального обеспечения силовых структур и в их транспортно-снабженческой инфраструктуре;

— проанализировать особенности материального обеспечения силовой организации государства в новых экономических условиях, установить и исследовать факторы, определяющие ее состояние с позиции транспортного обеспечения;

— обосновать необходимость и целесообразность использования логистической методологии в оптимизации функционирования транспортной подсистемы снабжения силовой организации государства;

— сформировать стратегию и тактику оптимизации инфраструктурного транспортного комплекса при формировании системы снабжения силовой организации государства;

— сформировать научно-методические рекомендации по проведению анализа и оценке эффективности инфраструктуры тыла силовых структур, в т. ч. — их транспортной составляющей;

— обосновать принципы формирования и обеспечения движения материальных и информационных потоков в силовой организации государства;

— выявить и сформулировать кибернетические свойства транспортно-снабженческого комплекса силовой организации государства, особенности его основного контура управления и поддерживающего инструментария;

— создать теоретические основы, уточнить и разработать новый понятийный и методологический аппарат по формированию системы снабжения силовой организации государства и её транспортной подсистемы.

Решение вышеперечисленных задач позволит сформировать новый методологический комплекс для решения задач управления транспортом в системе материального обеспечения силовой организации государства.

Литература

1. *Московченко В. М., Григорьев Ю. П.* К вопросу о трансформации тыла Вооруженных Сил. // Национальная экономика и Тыл Вооруженных Сил: проблемы и перспективы: Сборник материалов II Межвузовской научно-практической конференции (27–28 февраля 2001 г.). — СПб.: ВАТТ, 2001.

2. *Московченко В. М., Воронков А. Н.* Финансово-экономический подход к формированию единой системы материального обеспечения силовых структур. / Депонирована в ЦВНИ МО РФ. — М., 2000.

3. *Ланге О.* Оптимальные решения. — М.: Финансы и кредит, 1997. — 421 с.

Валерий Михайлович Московченко — доктор экономических наук, профессор, генерал-лейтенант Российской Армии, заслуженный военный специалист, академик Петровской академии наук и искусств, начальник Военного института ЮРГПУ (НПИ), автор исследований и разработок в области материально-технического обеспечения войск, экономики и организации военного транспорта.

Valeriy Mikhailovich Moskovchenko — Ph.D., Doctor of Economics, professor, lieutenant general of the Russian Army, Honoured Army Serviceman, academician at the Peter I Academy of Arts and Sciences, head of the SRSPU (NPI) Military Training Institute. Author of numerous research works and learning aids in the field of the army logistical support, economy and organization of the army transportation.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-53-02; e-mail: viurgtu@npi-tu.ru

Международная выставка инноваций и новых технологий ITEX'14

С 8 по 10 мая 2014 г. в Конгресс-центре Куала-Лумпура (KLCC) пройдет 25-я Международная выставка инноваций и новых технологий ITEX — представительное международное выставочное мероприятие, ориентированное на коммерциализацию новаций, организуемое при поддержке Министерства науки, технологий и высшего образования Малайзии.

Представитель Оргкомитета в России:
Ассоциация «Российский дом международного научно-технического сотрудничества»

Тел.: +7 (495) 629-03-51
E-mail: rd-expo@mail.ru

УДК 371.1

ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МЕЗОУРОВНЯ

© 2013 г. В. В. Шматков

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

Исследованы особенности технического университета как мультиагентной системы. Доказано, что социально-экономическая система технического университета может быть отнесена к системам мезоуровня. Предложен основанный на этом подход к формированию стратегий инновационного развития технического университета.

Ключевые слова: *технический университет; мультиагентные системы; системы мезоуровня; инновационные стратегии.*

Author presents the analysis of the technical University as of the multiagent system. It's proved that the technical University's social and economic system is a kind of the mesolevel economic system. Author's approach to working out the innovation development strategy for the technical University is based on this classification.

Key words: *Technical University; multiagent system; system of mesolevel; innovation strategies.*

Для современной экономической науки характерна активизация исследований по проблемам управления социально-экономическими системами мезоуровня, в которых используются элементы теории мультиагентных систем [1; 2; 3].

Одним из направлений развития методологии и инструментария стратегического менеджмента стало появление «гетерогенных» систем управления, основывающихся на разнородности моделей отдельных подсистем. В качестве примеров таких систем называют мультиагентные системы, социальные системы, эколого-экономические системы, организационно-технические системы и др. [1]. Задачи управления ими могут быть отнесены к междисциплинарным областям.

Характерными тенденциями в развитии мультиагентных систем являются децентрализация, миниатюризация, интеллектуализация. Для них характерна необходимость развития нового менеджерского инструментария, в том числе — новой парадигмы принятия решений [2].

В этом контексте интересно использование этих результатов для разработки инно-

вационной стратегии развития технического университета.

Как будет показано ниже, технический университет может быть отнесен к системам мезоуровня, которым присуща междисциплинарная природа. Необходимо отметить различие социально-экономических систем микроуровня и мезоуровня с точки зрения формирования методологии и инструментария управления ими. Как было показано в вышеупомянутой работе [4], это «интуитивно понятное» различие (различие в масштабе задач, которые возникают перед субъектами и др.) оказывается недостаточно четко определенным в научном обороте.

Изначально термин «мезоуровень» обозначал часть экономики, контролируемую крупными корпорациями. Однако в 1990-х гг. ЮНИСЕФ, опираясь на теорию F. Stewart, стал использовать обозначение «мезо-» более широко, обозначая уровень между экономикой страны в целом и уровнем отдельных лиц, компаний и домохозяйств — с тем, чтобы привлечь внимание к процессу принятия решений, в первую очередь, в отношении

государственных финансов. Стратегии на мезоуровне касаются распределительного воздействия макро-стратегий, определяя, какие имущественные и иные социальные группы и отрасли реагируют на эти воздействия [5; 6]. Эта концепция была развита в работе [7]. Основываясь на институциональной экономической теории также используют обозначение «мезо-» для обозначения посреднической роли рынков в передаче сигналов и распределении ресурсов.

Мезоуровень должен способствовать приспособлению общих тенденций к местным специфическим условиям, что даст возможность в нарастающем процессе стандартизации сохранить разнообразие социального мира, защитить уникальность каждой локальной культуры. В отличие от макроуровня, промежуточная ступень обеспечивает возможность операционального выхода на конкретную этнокультурную самобытность, что повышает гарантии защиты и сохранения ее уникальности. Отдельный индивид и государство не могут общаться непосредственно, для этого необходимы соответствующие структуры — посредники, а локальные социумы нуждаются в посредниках для выхода на макросистему. Таким образом, взаимодействие социальных «низов» и «верхов» объективно рождает необходимость мезоуровня.

Роль мезоуровня диктуется задачей снятия противоречий между глобальными и локальными тенденциями, между унифицированной регламентацией всех сфер общественной жизни и местными традициями. Современные мощные макропроцессы, воздействуя на нижние пласты социума, все-таки не способны разрушить разнообразие социального мира, так как неизбежно вызывают ответную реакцию снизу, наталкиваясь на сопротивление этнокультурной микросреды. В сохранении культурного разнообразия важная роль принадлежит мезосреде. Вектор процессов, происходящих в этой среде, направлен на поиск оптимальных форм объединения малых, локальных сообществ, обращение к солидарности — естественному и эффективному способу их защиты и выживания в глобализирующемся мире [8].

Мезоуровень — это уровень, где пересекаются происходящие в координатах «интеграция-дифференциация» векторы социаль-

ных процессов. На этой ступени организации общества происходит своеобразный общесоциальный консенсус, вырабатываются механизмы устойчивости социально-экономической системы.

Границы мезоуровня изменчивы, потому что они зависят от многих переменных, в том числе времени, этнокультурных особенностей социума, а также организационного пространства, в котором происходит взаимодействие основных уровней, циркуляция исходящих из них импульсов и реакций. Здесь важно установить, что считать исходным, первичным уровнем, от которого начинается отсчет. Поэтому в природе мезосистемы имманентно присутствует определенная условность. Мезоуровень, в отличие от двух основных уровней, является своеобразной социальной конструкцией, основная функция которой — социальная регуляция. В этом смысле он не столько объект, сколько субъект. Как правило, роль мезоуровня играют отрасли народного хозяйства или крупные бизнес-группы. В экономической сфере, где иерархия организационных ступеней четко определена, положение и функции мезоуровня наиболее наглядны.

В социально-политической сфере между социальными низами и государством как политическим институтом роль мезоуровня играют различные социальные институты, функционально осуществляющие прямую и обратную связь между микро- и макросредой. Они представлены в виде совокупности различных локальных объединений, ассоциаций граждан, профессиональных союзов, общественных движений и т. п., организующих взаимодействие, в том числе общественный диалог между государственной системой и рядовыми гражданами. Чем продуктивнее функционирует мезосреда, тем стабильнее общественная система [8].

Социально-экономическое понимание объекта (системы) мезоуровня значительно расширяет рамки этого феномена и позволяет свободно выбирать ракурс его изучения в зависимости от условий функционирования и выбранных критериев. В этом случае полнее отражается многозначность и многофункциональность этого объекта, многовариантность его интерпретаций. В каждом конкретном случае выбираются исходные макро- и

микроуровни для определения этого мезопространства, и на этой основе выявляется сочетание признаков, отражающих специфику объекта. Иначе говоря, социально-экономический подход является наиболее широким, универсальным: он включает культурные, исторические, этнические, политические, социально-психологические и другие аспекты жизни социума, связанного с деятельностью исследуемого объекта (системы) мезоуровня.

В практическом плане важно, что в зависимости от того, к какому уровню социально-экономической системы относится тот или иной объект, может быть выбрана методология и создан инструментарий для управления им.

Как было показано в нашей работе [9], социально-экономическая система технического университета может быть отнесена к мультиагентным междисциплинарным системам мезоуровня.

Этим объясняется то, что формирование стратегии развития университета (в частности — инновационной стратегии) должно осуществляться с учетом особенностей мультиагентных междисциплинарных систем мезоуровня.

С определением системного уровня, к которому относится технический университет, тесно связана проблема целеполагания в развитии университета и выбора инструментария, который для этого может использоваться. В этом случае нельзя исходить из чисто «экономического» целеполагания. Он проистекает из традиционного представления о целях деятельности экономических субъектов — предприятий, и декларирует в качестве цели — прибыль. Перенос такого принципа целеобразования на университетскую систему означает примат экономических целевых установок управления. Такой подход к определению целей даже в отношении коммерческих предприятий подвергается серьезной критике. Поэтому мы констатируем изначальную неприемлемость его применения в «чистом» виде.

В известных работах [10; 11] отмечается, что целью деятельности современных российских технических университетов, особенно — университетов, расположенных в российской провинции, является развитие социального капитала и преодоление интеллектуальной деградации российского общества

путем развития созидательной (креативной) деятельности молодежи, в процессе которой у нее будут формироваться позитивные жизненные установки и ценности.

При этом для преодоления интеллектуальной деградации общества необходимо остановить падение интеллектуального уровня населения, по причине резкого снижения креативности профессиональной деятельности, обусловленного остановкой многих высокотехнологичных производств и производств, обладавших определенным инновационным потенциалом; остановить снижение результативности и эффективности общего среднего образования, заменой просветительских целей средней школы целями подготовки выпускников к примитивизированной государственной итоговой аттестации и т. д.

Весьма важен комплексный подход к целеобразованию. В вышеупомянутой работе [3] предложено для этого использовать разработанную в США систему планирования и распределения финансовых ресурсов, сущность, которой, состоит в том, что расходы подразделяются не по их характеру, а по целям и предполагаемым результатам. Эта система получила название «планирование — программирование — финансирование» (PPB — Output Budgeting или Planning — Programming — Budgeting System). Например, расходы на образование в обычном бюджете распределяются по статьям затрат: на заработную плату, на ремонт помещений, на учебный инвентарь и т. д. В системе же PPB бюджет образования строится по затратам на цели: создания учебных заведений нового типа, повышения качества преподавания, улучшения информационной обеспеченности учащихся и т. п. Многие идеи этой системы перекликаются с системой программно-целевого планирования. И та, и другая основаны на формулировании целей экономического развития, их разделении их на подцели более частного характера и выявлении ресурсов, необходимых для их согласованной реализации.

С использованием вышеописанного подхода разработана система стратегического планирования инновационного развития в Южно-Российском государственном политехническом университете (НПИ) им. М. И. Платова. В настоящее время создается управленческий инструментарий для ее реализации.

Литература

1. Новиков Д. А. Проблемы и инженерные методы управления системами междисциплинарной природы [Электронный ресурс] / Химическая наука и образование в России. Семинар по социофизике. — Режим доступа: <http://www.soc-phys.chem.msu.ru/rus/prev/zas-2013-11-12/welcome.html>, свободный. — Загл. с экрана.
2. Макроэкономический анализ и экономическая политика на базе параметрического регулирования. / Под ред. Д. А. Новикова. — М.: Издательство физико-математической литературы, 2010. — 284 с.
3. Сокольская Е. Н. Методические основы целеполагания в социально-экономических системах мезоуровня: Дисс.... канд. экон. наук. — СПб., 2002. — 183 с.
4. Сокольская Е. Н. Проблемы совершенствования управления региональными и муниципальными социально-экономическими системами в рыночных условиях. // Управленческое консультирование. — 2002. — №2.
5. Stewart F. Inequality Technology and Payments Systems, Payment Systems and Third World Development. — London: Macmillan, 1983.
6. Stewart F. Can Adjustment Programmes Incorporate the Interests of Women? — N.Y.: Afshar and Dennis, 1992.
7. Rodgers Y., Cooley J. Outstanding Female Economists in the Analysis and Practice of Development Economics. // World Development. — 1999. — V. 27 (8). — Pp. 1397–1411.
8. Симонян Р. Х. Концепция мезоуровня применительно к региону [Электронный ресурс] / Международный общественный фонд «Янтарный мост». — Режим доступа: <http://www.amberbridge.org/article?id=81>, свободный. — Загл. с экрана.
9. Шматков В. В. Технический университет — социально-экономическая система мезоуровня. // Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). — 2013. — №6.
10. Колбачев Е. Б. Социальная эффективность организационно-экономических решений, влияющих на развитие высшей школы в регионах России. // Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). — 2012. — №1.
11. Зарецкий А. Д. Экономическая перспектива высшего образования современной России. // Успехи современного естествознания. — 2007. — №4. — С. 74–75.

Поступила в редакцию

11 октября 2013 г.

Валерий Викторович Шматков — кандидат технических наук, профессор, проректор ЮРГТУ (НПИ) по стратегическому развитию. Автор исследований по проблемам технологии, экономики и организации строительства, инновационной деятельности, организации научно-инновационной работы в образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

Valeriy Viktorovich Shmatkov — Ph.D., Candidate of Technics, professor, pro-rector for strategic development of SRSPU (NPI). Author's numerous researches are devote to problems of technologies, economy and organization in building industry, innovation activities, organizing of researches in the institutions of higher education.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
 132 Prosveshcheniya st., 346428, Novochoerkassk, Rostov reg., Russia
 Тел.: +7 (8635) 25-53-94; факс: +7 (8635) 24-20-56; e-mail: ngtu@novoch.ru

ГАРМОНИЗАЦИЯ КИБЕР-ФИЗИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2013 г. А. М. Абрамович

*Ведущая государственная лаборатория по разработке программного обеспечения,
Уханьский университет, Китай*

Настоящая статья представляет новый тип облачных услуг, названный «Удовлетворение потребностей как сервис» (SNaaS), который включает в себя инновационный образовательный сервис, который мы назвали «Вездесущее руководство».

SNaaS гармонизирует деятельность людей в рамках иерархии социальных и личных потребностей, обрабатывает данные о текущей ситуации, генерирует и выполняет оптимальные сценарии поведения (или управляет их выполнением).

«Вездесущее руководство» обеспечивает пользователей всесторонними ответами на вопросы, недостающими компетентностями и пошагово инструктирует пользователя в ходе его деятельности.

Ключевые слова: облачный сервис; «Удовлетворение потребности как сервис»; «Вездесущее руководство»; обучение «сверху вниз»; теория потребностей и проблем.

This article highlights a new type of cloud service, named Satisfaction of Needs as a Service (SNaaS) that includes innovative educational approach, named Pervasive Guidance.

SNaaS harmonizes the human activities under hierarchy of social and private needs, processes current situation, generates and carries out optimal scenario of behavior (or guides its implementation).

Pervasive Guidance provides users with comprehensive answers to the questions, with missing competences, and step-by-step instructs users in the implementation of their activities.

Key words: cloud service; Satisfaction of a Need as a Service; Pervasive Guidance; Top-Down eLearning; Theory of Needs and Problems.

1. Introduction

According to the forecast of Cisco company 50 billion things and devices will be connected to the Internet till 2020 year.

The number of sensors and things, successfully applying in many fields, continually grows. For example, Libelium company (Spain), using their own hardware (Wastmote) provides application for Smart Cities, for Smart Environments, for Smart Water, for Security&Emergencies and others [13].

Nevertheless, by now there is no clear view how sensors and things will be represented and available.

EVERYTHING Company [14] thinks about a Facebook for Things™, where individual objects, just like people on social networks, have their own unique digital profiles that enable communications, apps and services (Fig. 1).

«The next step for the ‘Internet of Things’ is to bring physical objects on to the Web to become part of its application environment. In this Web of Things™, applications can be developed on top of the open and simple standards that made Web so successful (REST, XML, HTTP, Atom), physical objects can have the same attributes as other resources on the Web: linkable, discoverable, searchable, mashable and therefore usable» [14].

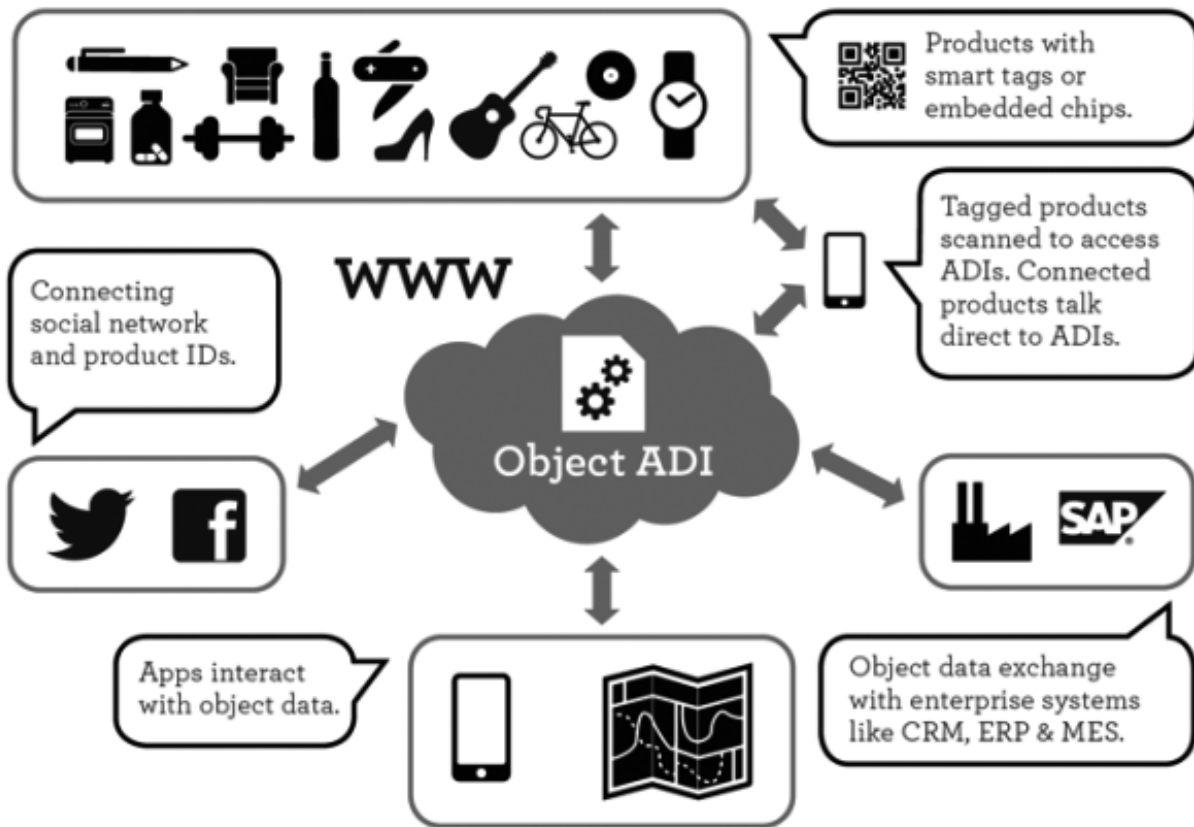

Fig. 1. How Web Object Technology Is Putting Every Physical Thing On The Web (EVERYTHING’s vision)

Similarly, SENSEI (an Integrated Project in the EU’s FP7) offers human Internet-like rendezvous service (directories, search engines, etc.), to allow a user to locate suitable resources based on desirable properties.

«A central entity in the SENSEI system model is the SENSEI resource. Conceptually resources in the SENSEI system provide unifying abstractions for real world information and interaction capabilities comparable to the web resources in the current Web architecture: in the same way as a web user interacts with a web resource (e.g. retrieve a web page), she can interact with real world resources (retrieve sensor data from a sensor resource)» [15].

Such human Web-like vision inevitably will lead to the need for development of semantic search engine in the space of «smart» devices and things. Given that until now Web semantic search engine doesn’t exist, there are not reasons to hope for the solving of same task for IoT.

To successfully find missing information, the keys of its representation and the search re-

quest must match. It means that the same engine should provide both representation and search.

Just such engine provides a functioning of SNaaS.

But Cyber-Physical Society’s (CPS for short) problems are not limited by the need in quick search of the adequate resources. A survival in CPS requires efficient procedure of an Activity Recognition on the one hand, and Guidance of Activity on the other hand.

A need in Activity Recognition is a need for a recognition of processes that runs in the given environment segment.

A need in a Guidance of Activity is a need in automatic processing of data, stemming from cyber-physical environment and user, in a generation of optimal scenario of its behavior, its support and in a processing of intermediate results.

Since cyber-physical ambience is continuously changed, both persons and enterprises more and more find themselves in a middle of obscurity. Soon a Human mind will no longer be able to master new and new competences.

Therefore a Guidance of Activity is CPS's top-priority task.

If a system provides Activity Recognition and Guidance of Activity, it is aware of the user's activities. Such system can coordinate and optimize people's activities to avoid resource squandering and unreasonable consumption of energy.

We represent SNaaS, as a system that satisfies above-mentioned needs of Cyber-Physical Society.

The rest of this article is structured as follows: Section 2 defines basic concepts of Theory of Needs and Problems, a significance of needs' hierarchy for Cyber-Physical Society and nominates SNaaS as Global Needs Satisfaction service of Cyber-Physical Society; Section 3 defines the basic principles of Cyber-Physical Society harmonization; Section 4 provides the conclusion.

2. Hierarchy of Needs

A central entity in the SNaaS system model is *a need*. Fig. 2. defines fundamental needs.

According to Theory of Needs and Problems [1] *a need* is a necessity to obtain something that is vital important for a person, for an enterprise, for a government, for a social group, or for the society as a whole, and *a problem* is a need for a renewal of a process of given need's satisfaction (*an activity*) in cases of its interruption or irregular intermediate results.

Vital to our life activity factors constitute a set of *Basic Needs*.

Social status stipulates certain standard of the well-being (i.e. a certain financial, cultural, family, and educational conditions).

A fundamental spiritual (as well as physical) need is *a need in internal and external harmony*.

In everyday life a person collects, systemizes, updates and puts into practice data, related to his needs.

In the Theory of Needs and Problems such information cluster is known as Need Satisfaction Domain (*NSD* for short). Any *NSD schemata* contain information of the need's origin, methods of the need's detection, available set of need's satisfactions (*workflows*) under different resources and also known possible problems that appear in the course of need's detection or during workflow.

Hierarchy of needs represents directed graph (Fig. 3).

Private NSDs are limited by personal experience, and as a rule, deal with narrow subset of real NSDs.

It is important to note that *individuality is expressed by a set of his needs and by features of these needs' satisfaction*.

Significance of needs' hierarchy for Cyber-Physical Society. An obsolescence of knowledge lasted 100 years in the XVIII and the XIX century. Now it takes about 3 years. In the CPS knowledge environment will be updated permanently.

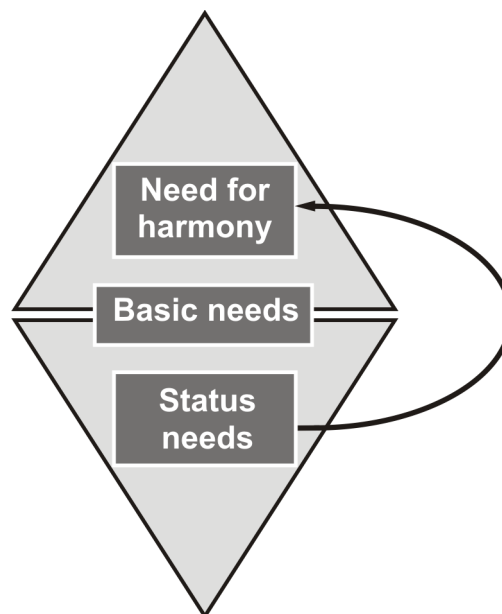

Fig. 2. Fundamental needs

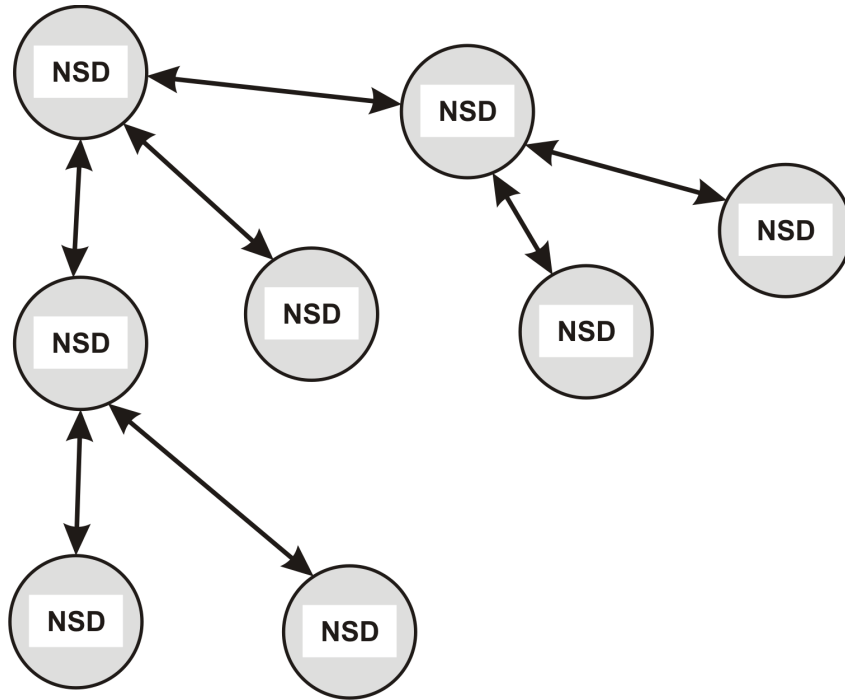

Fig. 3. Fragment of hierarchy of needs

How do people master knowledge?

Philosophers and psychologists from Immanuel Kant to these days [2–8] convincingly proved that knowledge is stored in our mind in form of schemata.

In Theory of Needs and Problems we consider knowledge as an instrument of reasoning, and reasoning as an instrument of a need’s satisfaction.

Since any person (as well as any enterprise, a family, a community or a government) creates his own hierarchy of needs, he builds schemata of NSDs.

But resources (time, place, devices, equipment, finances, skills, actors, etc.) as well as workflows are changed continuously in Cyber-Physical Society. Hence, there is no sense to memorize temporary information, related to resources and activities.

It means that CPS’s member shouldn’t build detailed NSDs’ schemata.

What remains?

Cyber-Physical Society’s members will build and memorize only their own comprehensive hierarchy of needs.

What does comprehensive hierarchy of needs means?

It means that any CPS’s member represents his own needs as causally-ordered composition

of related sub-needs, which are detailed as deep as possible.

Depending on nesting depth, the sub-need’s composition means either preferable set of qualities/actions or generic framework of an activity.

A framework of professional activity should be continually updated and linked with Common Social Hierarchy of needs.

Every professional is obliged to insert into Common Social Hierarchy of needs both his activity in generic form of nested sub-needs and results of any socio-meaningful job, accompanied with a composition of needs that can be achieved by means of these results. Thereby, particularly, all resources and devices will be described in standard form.

What else?

CPS’s members should know how to satisfy their needs in the optimal way under the circumstances.

To achieve this,

- any cyber-physical environment’s object must be uniquely identified;

- any CPS’s member should possess personal device that recognizes unique identifiers;

- CPS should possess *Global Needs Satisfaction service* that receives discovered unique identifiers, defines (or obtains from user) current need’s name, processes relevant segment of

Common Social Hierarchy of needs, *recognizes current activities and generates optimal behavior scenario on the basis of known user's key resources (time, place, finances);*

— furthermore, Global Needs Satisfaction service provides user with comprehensive support of the optimal behavior's scenario (necessary training and explanations, a processing of intermediate results, etc.);

— Global Needs Satisfaction service, being aware of current activities of CPS's members, provides a coordination of their activities for an attainment of maximal efficiency under a minimization of resources and consumption of energy.

We define *SNaas* as *Global Needs Satisfaction service for CPS*.

3. Self Regulation of Cyber-Physical Society

A society develops in the direction of a satisfaction of public and personal needs. Use of high technologies for the satisfaction of needs converts human habitat to heterogeneous and changeable cyber-physical environment.

Cyber-Physical environment embraces clouds, computers, communicating objects (including local area networks), sensors, smart devices and uniquely identifiable Things (IoT) (Fig. 4).

Human activity is serviced by objects of Cyber-Physical environment, which number has been increased recently. Soon it will grow a lot more. In the near future all equipment, tools, mechanisms and devices used by humans, will become smart devices and IoT objects.

Adapting an activity to circumstances (to the situation), a human changes a configuration of used tools and devices.

It becomes more and more difficult to make the optimal decision, in consideration of growth rate of cyber-physical environment, a complexity of modern technologies and a necessity of economy of resources and energy consumption.

In this connection a survival itself (both economical and physical) in the cyber-physical-informational space requires huge expenditure and efforts. Continuous assistance in form of pervasive guidance of human behaviour becomes actual need.

Thus a survival of society as a whole depends on its ability to self-regulation.

Society cannot intervene in the private life and in private business. But it can help people to

optimize and organize private life, private business and adjust it to social needs, social norms and requirements.

Any person, any enterprise, any community regulates life activity, on the basis of hierarchy of one's needs, and manages current activities, to satisfy the needs under optimally allocating resources (budget, time, place, skills, actors, tools, equipment) between activities.

We consider that self-regulation of society is possible to carry out similarly.

A. Cyber-Physical Society.

Hai Zhuge defined the Cyber-Physical Society as «*a multi-dimensional complex space that generates and evolves diverse subspaces to contain different types of individuals interacting with, reflecting or influencing each other directly or through the cyber, physical, socio and mental subspaces*» [11].

We define the Cyber-Physical Society as a *society, where people satisfy their needs using cyber-physical environment*.

We agree with Hai Zhuge that «Connecting various networks and machines with nature, society, and even human minds, we can create a new world...» [12].

We can use Cyber-Physical environment for monitoring of the social and private processes as well as for the harmonization of these processes.

SNaas is destined for the achievement of this goal.

B. Correlators of the Cyber-Physical Society harmonization.

Likewise a regulation of the private life, a harmonization of CPS is a harmonization of actual activities under a hierarchy of needs and a minimization of resources. Theory of Needs and Problems provides unique framework for the accumulation of useful experience in the satisfaction of needs and in problem solving.

Interfaces with cyber-physical resources are inserted, as transactions, into the descriptions of available experience. Cyber-physical resources, used in runtime of any activity, make virtual network, which functionality is caused by current need. A specifics of new situation entails a new topology of cyber-physical resources that is a new virtual network.

Thus SNaas administers cyber-physical environment and dynamically provides network

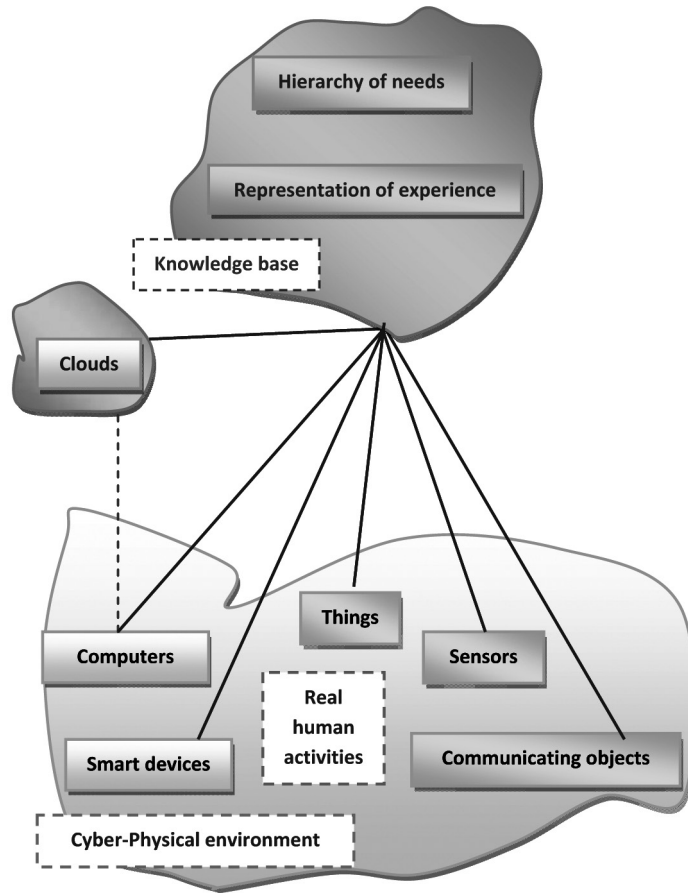

Fig. 4. Components of Cyber-Physical environment

virtualization, by means of which it serves activities, aimed to the satisfaction of needs.

SNaaS notation defines as *CPS correlation vectors* existing limits of resources (of raw material, of energy, of time, of place, of specialists, of human resources, of equipment, etc.) as well as limits of permissible level of radiation, permissible level of carbon dioxide and other ecological parameters.

A harmonization of CPS's state and CPS's processes by means of CPS correlation vectors becomes a key need of modern society that is continuously serviced by SNaaS through a monitoring of cyber-physical environment.

Processing data, stemming from cyber-physical environment, IoT and end-users, SNaaS builds complex services and big data's management by means of a multi-layered cloud service. SNaaS implements correspondent activities and operations, applying cloud services, hierarchically and semantically embedded one into another. Implementing, controlling and supporting end-user activities, SNaaS minimizes energy consumption and human resources.

Being aware of the end-user's needs and their actual activities, SNaaS impacts on socio-economic sphere, combining efforts of different social groups, communities, enterprises and persons in achieving their common or identical goals.

Thus SNaaS creates and supports dynamical social and economical networks, using experience of participants for the achieving their goals in minimal time and with minimal expenses.

4. Conclusion

SNaaS is a provider of innovative intelligent cloud services that satisfies user's needs and solves real-world problems, processing data that stem from end-users, IoT sensors, smart devices, communicating objects, business transactions, social networks, search engine logs, etc. as well as from an innovative knowledge base that accumulates generic and private human experience.

SNaaS is destined to serve a new society of 21 century, namely, Cyber-Physical Society.

References

1. *Abramovich A.* Theory of Needs and Problems [Электронный ресурс] / Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — Режим доступа: http://vestnik-npi.info/upload/information_system_15/5/5/4/item_554/information_items_property_1181.pdf, свободный. — Загл. с экрана.
2. *Kant I.* Critique of Pure Reason [Электронный ресурс] / Adelaide University. — Режим доступа: <http://ebooks.adelaide.edu.au/k/kant/immanuel/k16p/>, свободный. — Загл. с экрана.
3. *Jean Piaget*, The Child's Conception of the World (1926) [Электронный ресурс] / Web Archive. — Режим доступа: http://archive.org/stream/childsconception01piag/childsconception01piag_djvu.txt, свободный. — Загл. с экрана.
4. *Bartlett F. C.* Remembering. — Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
5. *Rumelhart D. E.* Schemata: the building blocks of cognition. In: R. J. Spiro et al. (eds.) Theoretical Issues in Reading Comprehension. — Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1980.
6. *Anderson R. C.* The notion of schemata and the educational enterprise. In: R. C. Anderson, R. J. Spiro and W. E. Montague (eds.), Schooling and the acquisition of knowledge. — Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1977. — Pp. 415–431.
7. *Bunge M.* Causality: The Place of the Causal Principle in Modern Science. — Cambridge, M: Harvard University Press, 1959.
8. *Schenk R. C., Goldman N. M., Rieger C.J.III, Riesbeck C. K.* Conceptual information processing. — Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1975.
9. *Abramovich A., Xu C. Z. et. al.* The Need Language. // Collin 2010 Symposium materials, 2010.
10. *Abramovich A.* Top-Down E-Learning [Электронный ресурс] / Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — Режим доступа: http://www.vestnik-npi.info/upload/information_system_15/4/7/2/item_472/information_items_property_969.pdf, свободный. — Загл. с экрана.
11. *Zhuge H.* Cyber Physical Society. // The 1st Workshop on Cyber Physical Society, in conjunction with the 6th International Conference on Semantics, Knowledge and Grids, Ningbo, China, 2010.
12. *Zhuge H.* Socio-Natural Thought Semantic Link Network: A Method of Semantic Networking in the Cyber Physical Society. // Keynote at IEEE AINA 2010, Perth, Australia, 20–23 April 2010. — Pp. 19–26.
13. Libelium [Электронный ресурс] / Official website. — Режим доступа: <http://www.libelium.com/>, свободный. — Загл. с экрана.
14. EVRYTHNG [Электронный ресурс] / Official website. — Режим доступа: <http://www.evrythng.com>, свободный. — Загл. с экрана.
15. SENSEI [Электронный ресурс] / Project homepage. — Режим доступа: http://www.ict-sensei.org/index.php?option=com_frontpage&Itemid=48, свободный. — Загл. с экрана.

Поступила в редакцию

25 сентября 2013 г.

Александр Марианович Абрамович — доктор математических наук, исследователь Ведущей государственной лаборатории по разработке программного обеспечения Уханьского университета (Китай). Автор более 50 научных публикаций. Руководитель международного исследовательского проекта «Связанные потребности».

Alexander Marianovich Abramovich — M.Sc. in mathematics, visitor researcher (State Key Laboratory of Software Engineering, University of Wuhan, China). Author of more than 50 scientific works. Leader of International research project «Linked Needs».

38/13 Hazionut st., 35312, Haifa, Israel
Тел.: 972-502-1944-36, e-mail: webdao@gmail.com

Выставка EXPO-RUSSIA ARMENIA

Сроки проведения: 22.10.2014 – 24.10.2014

Место проведения: Армения, Ереван, ул. Мелик Адамяна, 1, Дом правительства Республики Армения,

Представитель Оргкомитета в России: Зарубеж-Экспо

Тел.: +7 (495) 637-50-79

E-mail: info@zarubezhexpo.ru

Сайт выставки: <http://zarubezhexpo.ru/exporusarm/>

УДК 330.341

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ПРОСТРАНСТВО ЕЕ ПАРАМЕТРОВ

© 2013 г. М. В. Передерий

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

Проанализированы известные подходы к формированию и управлению деятельностью инновационной инфраструктуры. Рассмотрены особенности информационного пространства и экономических границ современной инновационной инфраструктуры. Предложены пути создания экономического инструментария для управления инновационной инфраструктурой.

Ключевые слова: *инновации; инфраструктура; производственные системы; экономические границы; параметры.*

Author analyzed some well-known approaches to creating and managing of the innovation infrastructure. The features of nowadays innovation infrastructure's informational space and economic limits are also examined. Some ways of creating the economic instruments for the innovation infrastructure management are presented.

Key words: *innovations; infrastructure; production system; economic limits; parameter space.*

Признавая важность инновационной инфраструктуры (ИИ) как средства поддержки процессов формирования новых и развивающихся рынков, как важнейшего института инновационной экономики, обеспечивающего эволюционное развитие производственных систем, разные исследователи по-разному подходят к пониманию ее экономической сущности и моделированию создания и функционирования ИИ.

В известной работе [1] следующим образом сформулированы основные функции и структурные составляющие ИИ: развитие конкуренции для формирования спроса на инновационные товары и услуги и соответствующего предложения; создание новых эффективных высокотехнологичных и наукоемких производств, формирование новых отраслей экономики; диффузия технологий к их потенциальным потребителям; модернизация производственной инфраструктуры; повышение эффективности, креативности и инновационности персонала, занятого инновационной деятельностью; мониторинг

исследовательских проектов, проектных коллективов; государственное законодательство (включая подзаконные акты правительства), регулирующие процессы инновационной деятельности и отношения, связанные с этим; форсайт-системы (центры и проекты); экспертные и исследовательские организации, занятые прогнозированием технологического развития; сообщества и сети; подготовка специалистов по инноватике и предпринимателей в образовательных центрах, институтах и др.; организационные системы технологического трансфера и коммерциализации научных результатов.

На наш взгляд, недостатком такого списка является то, что в нем перечислены как функции, которые должна выполнять ИИ (п.п. 1...8), так и организационные структурные звенья (п.п. 8...1). Кроме того, представляется совершенно неправомерным включение в список такого многопланового элемента, как «центры коммерциализации технологий и разработок». Функция коммерциализации результатов инновационных разработок весьма

разнопланова и представляет собой самостоятельную разветвленную систему, элементы которой, на наш взгляд, должны входить в ИИ в качестве самостоятельных компонентов.

Многие авторы для полноты охвата понятия «инновационная инфраструктура» включают в него максимально возможный (по их мнению) перечень элементов инфраструктуры. Так, в работе [2] в определении инновационной инфраструктуры сельской экономики перечисляются ее элементы: научно-технические и научно-технологические центры, агротехнопарки, бизнес-инкубаторы, научно-производственные объединения и комплексы, специализированные формирования по производству наукоемкой продукции для всех сфер и областей АПК, институты банковской системы, небанковские финансово-кредитные институты, кредитные кооперативы, инвестиционные институты на принципах государственно-частного партнерства.

Известно определение, предложенное А. В. Райхлиной [3]: «...инновационная инфраструктура — это совокупность взаимосвязанных и взаимодополняющих организаций различной направленности и разнообразных организационно-правовых форм, которые предоставляют услуги по обеспечению свободного движения полного объема ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности на всех этапах инновационного процесса...». На наш взгляд, в этом определении главным является положение об обеспечении свободного движения полного объема ресурсов, необходимых для осуществления инновационной деятельности.

Достаточно конструктивен, на наш взгляд, подход Ж. Ю. Улановой [4], которая исходит из того, что конечной целью создания и функционирования инновационной инфраструктуры является создание совокупности хозяйствующих субъектов, скоординировано работающих для обеспечения эффективности инновационной деятельности ради достижения социально-экономических целей всего общества. Последнее представляется наиболее важным, так как не ограничивает цели инновационной деятельности исключительно коммерческими. Также важно, что в этой работе функции субъектов инновационной инфраструктуры рассматриваются как совершенно различные, зависящие от направления

деятельности и особенностей конкретных поддерживаемых инноваций.

В работе П. В. Арефьева [5] предложено определение ИИ на основе комплекса отраслевого, функционального и структурного подходов. Рассматривается ИИ рыночного типа как межотраслевой комплекс, выделившийся в результате общественного разделения труда. Этот автор рассматривает ИИ как комплекс институциональной, информационной, организационной, социальной, производственной и экологической, инфраструктур. Этим автором ИИ определена как отношения между хозяйствующими субъектами, обеспечивающие функционирование инновационной экономики путем накопления, хранения, обработки и передачи нового знания и опыта в производственные системы ради сокращения трансакционных издержек в них. По мнению этого автора (что, на наш взгляд, наиболее важно) ИИ должна выполнять функции поддержки, обслуживания и содействия инновационным проектам и процессам. Главным позитивным моментом этой работы, на наш взгляд, является представление ИИ как средства накопления, хранения, обработки и передачи нового знания и средства оптимизации хозяйственной деятельности за счет уменьшения трансакционных издержек, а также представление ИИ на информационно-экономической основе.

На наш взгляд, большинству из вышеприведенных определений присущ общий недостаток, связанный с тем, что их авторы связывают понятие ИИ с определенной организационной структурой или менее структурированным набором организаций, в то время как конструктивным является подход, основанный на определенном наборе институтов инновационной деятельности, функционирование которых и должна обеспечивать ИИ. Кроме того ИИ должна обеспечивать информационную поддержку инновационной деятельности на предприятиях. Это особенно важно, так как серьезной проблемой предприятий, осуществляющих инновации является неудовлетворительное качество входящей информации о состоянии окружающей среды предприятия. Это положение можно исправить, используя специальную систему организационно-экономического и технико-экономического мониторинга. Однако качес-

твенного инструментария для проведения его на предприятиях, также, нет. В рамках такого мониторинга, на наш взгляд, должны решаться следующие задачи: сбор и первичная обработка информации, необходимой для принятия управленческих решений, касающихся инновационной деятельности; оценка коммерческих результатов деятельности предприятия в целом и его отдельных подразделений до проведения инноваций и после; анализ технологических и организационных факторов, влияющих на эффективность и конкурентоспособность предприятия.

При создании ИИ необходимо сформировать единую информационную базу, включающую внутреннюю информацию и информацию, поступающую из окружающей среды по составляющим STEEP-факторов и факторов конкурентного окружения.

Таким образом, корпоративное (межкорпоративное) информационное пространство, необходимое для создания и развития ИИ, должно включать системы стоимостного управления информацией (информационными ресурсами и потоками информации); экономического проектирования изделий и процессов; управления человеческим капиталом на основе стоимостного управления тезаурусом работников; подсистему экономического мониторинга.

Такой подход в числе прочего требует определения экономических границ ИИ, что, в свою очередь, основывается на ее пространстве параметров. Для решения этой задачи целесообразно использовать известный опыт формирования пространства параметров и экономических границ производственной системы, описанный в работе [6], где было показано, что формирование параметров производственной системы должно осуществляться в результате процесса «целесолагание — формирование признаков — выбор и принятие решений — определение оценок», составляющего сущность проектирования системы. Кроме того, параметры системы представляют собой ее важнейшую информационную характеристику и непосредственно формируют информационную модель, которая в нашем случае является основой облика ИИ.

Из множества возможных параметров ИИ основное внимание в настоящем исследовании должно уделяться параметрам, имеющим

экономическую сущность, или влияющим на экономические характеристики деятельности ИИ. Строго говоря, такая постановка задачи не является достаточно корректной: любой параметр ИИ влияет в той или иной степени на ее экономические характеристики. Однако в нашем случае можно сделать достаточно грубое, но, на наш взгляд приемлемое, допущение о том, что в качестве экономически значимых параметров (и показателей, как будет показано ниже) следует рассматривать те из них, зависимость от которых стоимостных характеристик ИИ известна нам на настоящем этапе. В качестве таких «влияющих» параметров могут выступать не только параметры самой ИИ, но и параметры производственных систем предприятий, охваченных этой инновационной инфраструктурой, производимой в них продукции, проявляющиеся на разных стадиях ее жизненного цикла.

Авторы вышеупомянутой работы [6] исходят из определения параметра как относительно постоянной характеристики моделируемой системы, или процесса, осуществляемого с ее участием. В литературе (особенно по вопросам создания и использования технических объектов и систем) [7; 8] распространено мнение, что параметры системы — это ее характеристики, которые изменяются лишь тогда, когда меняется сама система. То есть, параметры должны быть константами для конкретной системы. На наш взгляд, для ИИ этот подход не вполне точен. Параметры ИИ могут быть и переменными величинами, изменяющимися относительно медленно, например, изменение стоимостных характеристик вследствие инфляционных процессов, идущих в пределах устойчивой тенденции. В этом случае для ограниченных промежутков времени они могут приниматься постоянными.

Вопрос о формировании пространства параметров ИИ необходимо связывать с проблемой получения показателей, их точности и достоверности. Эта проблема исследована в работах А. П. Ковалева, И. Р. Гринмана, И. Р. Бузько [9; 10; 11]. Каждый показатель должен отражать определенные количественные отношения и связи в тех или иных экономических явлениях. Достоверность показателя заложена в корректности методологии его исчисления. Достоверность является обязательной предпосылкой точности пока-

зателя. Бессмысленно повышать или понижать точность расчета, если математическая модель показателя построена на грубых допущениях.

Рассматривая соотношение стоимостных и натуральных показателей функционирования ИИ необходимо обратить внимание на то, что оно в значительной мере отражает интенсивный процесс сближения естественных и общественных наук, являющийся характерной чертой современной научно-технической революции. Некоторые особенности этих процессов были рассмотрены в наших более ранних работах [12].

Представляется целесообразным применение информационно-экономического подхода [13], который, кроме прочего, позволяет заметно продвинуться в решении проблемы моделирования ИИ. В этом случае модели ИИ формируются для количественного описания процессов управления и сопутствующих им понятий: цель, поведение, развитие, устойчивость, оптимальность, экономические показатели ИИ представляются в виде отношения информационных и стоимостных факторов «стоимость продукта производства — стоимость использованной информации», «стоимость информации — стоимость других ресурсов».

Вышеописанные аспекты тесно связаны с особым местом финансовых показателей в общей системе функционирования ИИ в целом и в обеспечении ее устойчивости, в частности. В большинстве работ финансовая стабильность предприятия рассматривается как отдельный (часто главенствующий) фактор, наряду с производственно-хозяйственной деятельностью, технологическим потенциалом и т. д. В нашем случае такой подход не вполне корректен. Финансовое состояние предприятий-участников инновационной инфраструктуры является следствием, с одной стороны, их производственно-хозяйственной деятельности, с другой — внешнего окружения (которому производственно-хозяйственная деятельность каждого предприятия должна быть адекватна). Кроме того, финансовые показатели по сути своей являются одним из многочисленных информационных ресурсов, доступных предприятию, и должны рассматриваться как часть общей ресурсной системы. В этом случае ИИ может рассмат-

риваться как средство пополнения ресурсной системы каждого предприятия-участника инфраструктуры. Такой подход не противоречит фундаментальным основам современной рыночной экономики. Достаточно вспомнить мнение П. Самуэльсона [14] о том, что финансы не являются производственным ресурсом, ибо не участвуют в процессе производства непосредственно. Из этого следует, что финансовые показатели функционирования ИИ не должны рассматриваться изолированно при построении и анализе ее параметрической модели.

Как отмечалось выше, важной частью модели ИИ являются параметры, характеризующие ее границы. Следует отметить многоплановость понятия «граница системы» и ее связь с факторами внешнего окружения. Очевидно, что каждая группа факторов внешнего окружения может быть охарактеризована определенным набором параметров. Множество границ целесообразно классифицировать по нескольким группам, сформированным в соответствии со STEEP-факторами: социальные, технологические, экономические, экологические, политические.

Любые границы, прежде всего, обеспечивают внешнюю ориентацию ИИ. Вместе с тем, именно через границы раскрывается, с одной стороны, общая их природа, их связь со всем внешним окружением, а, с другой, через объединение разнообразных границ формируется конкретная определенность, специфика ИИ.

Совокупный результат внешних воздействий на ИИ определяется не только самими воздействиями, но и ее архитектурой, благодаря которой одни воздействия внешнего окружения воспринимаются активно, другие — слабо, третьи — только в некотором сочетании и т. д. Например, одной из «границ» с внешним окружением является взаимодействие ИИ со своими работниками, которые являются членами окружающего социума, каждому из которых присущи индивидуальные психологические особенности, и, определяя их места в ИИ, надо учитывать эти особенности, предысторию каждого из них и локального социума в целом.

Множественность границ присуща ИИ любого масштаба (как межкорпоративной, так и внутрикорпоративной). Очевидно, что

для внутрикорпоративной ИИ число границ будет меньше.

В контексте нашего исследования важно, что границы ИИ играют роли каналов движения информации, поступающей в систему извне и исходящей из системы. При этом согласно канонам теории коммуникаций в коммуникативной функции связи объекты проявляют себя либо как возбужденные, обеспечивающие усиленную или ослабленную передачу сигнала по различным цепям соединений элементов объекта, либо как бездействующие, не принимающие внешний сигнал, отвергающие его, то в отражательной функции информация выражает интенсивные преобразования сложившихся отношений между элементами объекта. Очевидно, что характер проявления инновационной инфраструктурой своих коммуникативных функций зависит как от ее структуры (обуславливает траекторию движения сигнала по элементам ИИ), так и от характера сигнала, определяющего его актуальность для предприятий-участников ИИ.

Кроме того, из положения о возможных состояниях ИИ в части ее коммуникативных функций вытекает важное, на наш взгляд, следствие о возможности существования потенциальных границ ИИ, которые могут актуализироваться при определенных условиях. Простейшим примером этого может служить начало осуществления с участием ИИ нового инновационного проекта в интересах одного или нескольких предприятий-участников.

Параметром, который характеризует общий результат функционирования ИИ, является стоимость бизнеса (изменение стоимости бизнеса), осуществляемого в производственных системах, в которых реализуются инновационные проекты с участием ИИ. Главным достоинством показателя стоимости бизнеса в системе параметров является то, что он может играть роль интегрального показателя потенциала отдельного инновационного проекта и ИИ в целом, учитывающего и техническую и «кадровую» составляющие.

Общеизвестны методы оценки стоимости бизнеса на основе имущественного, доходного и сравнительного подходов [15]. Разные подходы к оценке бизнеса они могут давать различные, порой противоположные, результаты оценок и представлять интересы

различных сторон, например, разработчиков и потенциальных инвесторов, что приводит к необходимости согласования оценок и поиску компромиссного результата. В этих условиях целесообразна процедура интеграции оценок путем формирования интегрального критерия качества оценки — метода, разработанного Г. И. и В. А. Сычевыми [16].

Как известно, не для всякого объекта, входящего в экономическую систему, стоимость бизнеса может быть рассчитана доходным способом. Для этого необходимо, чтобы этот объект участвовал в производственном процессе и выполнял его организационно выделенную часть, которая непосредственно влияет на стоимость готовой продукции. В то же время любой материальный объект может быть оценен затратным способом, как часть конкретного имущественного комплекса.

В составе любой производственной системы может быть выделен некий минимальный структурный элемент, для которого стоимость бизнеса (ее прирост) может быть оценена и доходным, и затратным путем. Его дальнейшая декомпозиция приведет к образованию элементов, для которых оценка бизнеса доходным путем выполнена быть не может. Данный вывод представляется чрезвычайно важным, так как он позволяет ответить на вопрос о минимальном размере производственной системы, о методологической актуальности которого велась речь выше. При этом важно, что в качестве критериев для установления этого минимального уровня используются исключительно экономические характеристики. Как было показано в упомянутой выше работе [6], целесообразно ввести понятие экономически минимальной производственной системы (ЭМПС) — производственной системы наименьшего размера, для которой доходным способом непосредственно может быть рассчитана стоимость бизнеса (прирост стоимости бизнеса), обусловленная ее использованием. Вклад отдельных элементов ЭМПС в прирост стоимости бизнеса могут быть оценены опосредованно.

ЭМПС образуется только тогда, когда локализируются постоянные части бизнес-процесса, к которым в условиях материального производства относятся основные производственные фонды и постоянная часть информации (включая профессиональный тезаурус работ-

ников). В зависимости от организационно-технологических особенностей производства в качестве экономически минимальной производственной системы может выступать производственный участок (в добывающих отраслях), отдельное рабочее место или технологический агрегат (в обрабатывающих производствах) и т. д. В контексте инновационной деятельности особый интерес представляют ЭМПС, связанные с производством интеллектуальных продуктов: в этом случае экономически минимальной производственной системой оказывается отдельный человек — «генератор идей», формирующий технические и иные решения, обрабатывая потоки информации, поступающей к нему, и комбинируя их с собственными знаниями.

В контексте нашего исследования представляется важным следующее:

Во-первых, организационный облик ИИ, формируемой на информационной основе в зависимости от характера осуществляемых инновационных проектов должен определяться комбинациями ЭМПС, входящих в инфраструктуру. При этом границы ИИ должны быть открытыми и предполагать включение в свой состав внешних ЭМПС, потребность в которых определяется характером осуществляемых инновационных проектов.

Во-вторых, любой инновационный проект должен знаменовать собой изменения в отдельных ЭМПС, образующих производственную систему более высокого уровня и соответствующие бизнес-процессы. Совместное функционирование таких новых (измененных) ЭМПС должно давать синергетический эффект, обуславливающий результат осуществления инновационного проекта.

Не менее важно и то, что с использованием категории ЭМПС может быть реализовано одно из положений эволюционной экономики, лежащей в основе инновационной деятельности, связанное с выбором «генетического» уровня саморазвития экономики [17]. На наш взгляд, именно уровень ЭМПС может рассматриваться в качестве вышеуказанного генетического уровня. Это объясняется тем, что в процессе инноваций происходит, прежде всего, замена или модернизация отдельных рабочих мест, технологических агрегатов и прочих ЭМПС, а также их интеграция в производ-

ственные системы более высоких уровней и в бизнес-процессы.

Обобщая вышеизложенное, можно сформулировать основные положения, на которых, на наш взгляд, должен базироваться экономический инструментарий управления созданием и функционированием инновационной инфраструктуры:

— информационно-экономический подход к управлению, предполагающий интеграцию информационной и стоимостной оценки элементов инфраструктуры и результатов ее функционирования;

— организационный облик инновационной инфраструктуры должен определяться комбинациями входящих в нее экономически минимальных производственных систем, в зависимости от характера осуществляемых инновационных проектов;

— экономически минимальные производственные системы должны рассматриваться в качестве «генетического» уровня, на котором формируются признаки и свойства производственных систем, развивающихся в результате инновационных проектов;

— использование моделей инновационной инфраструктуры, в которых ее экономические границы рассматриваются как средоточие информационных каналов, связывающих элементы инфраструктуры с внешней средой и с производственными системами, в которых осуществляются инновационные проекты.

Литература

1. Будкин В., Петренко З., Нгуен Т. Х. Зоны высоких технологий: мировой опыт и реалии Украины. // Экономика Украины. — 2005. — №10. — С. 68–75.
2. Доржиева Д. Д. Государственное регулирование инновационной системой республики. // Социально-экономическая ситуация и экономическая безопасность Республики Бурятия: Сб. статей. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. — С. 143–149.
3. Райхлина А. В. Роль инфраструктуры в национальной инновационной системе. // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — №3. — Т. 1. — С. 85–89.
4. Уланова Ж. Ю. Развитие инновационной инфраструктуры как фактора экономи-

ческого роста: Дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. — Самара: Самарский государственный экономический университет, 2006.

5. *Арефьев П. В.* Инновационная инфраструктура современной индустриальной экономики: Дисс. на соиск. уч. степ. к.э.н. — Томск: ТГУ, 2007.

6. *Колбачев Е. Б., Колбачева Т. А.* Сущность, пространство параметров и экономические границы современной производственной системы. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Экономические науки. — 2012. — №4 (151). — С. 73–84.

7. *Норенков И. П.* Введение в автоматизированное проектирование технических устройств и систем. — М.: Высш. шк., 1986. — 304 с.

8. *Прохоров А. Ф.* Конструктор и ЭВМ. — М.: Машиностроение, 1987. — 272 с.

9. *Ковалев А. П.* Обеспечение экономичности разрабатываемых изделий машиностроения. — М.: Машиностроение, 1986. — 226 с.

10. *Ковалев А. П., Гринман И. Р.* Обеспечение требуемой точности при оценке стоимости основных фондов. // Стоимостные методы в управлении основными фондами, проектировании, строительстве и эксплуа-

тации мелиоративных и рыбозащитных систем: Сб. тр. — Новочеркасск: Набла, 2000. — С. 23–26.

11. *Бузько И. Р.* Методология анализу та оцінки економічного ризику в інноваційних процесах: Дис. на соиск. уч. степ. д-ра экон. наук. — Донецьк, 1996. — 386 с.

12. *Kolbachev E. B., Perederiy M. V.* Natural science engineering methods for the institutional economy. // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Серия: Экономические науки. — 2013. — №6. — С. 64–71.

13. *Вальтух К. К.* Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. — М.: Янус-К, 2001. — 869 с.

14. *Самуэльсон П.* Экономика. — М.: Алгон, 1992. — 284 с.

15. Оценка бизнеса. / Под ред. А. Г. Грязновой и М. А. Федотовой. — М.: Финансы и статистика, 1998. — 314 с.

16. *Сычева Г. И., Колбачев Е. Б., Сычев В. А.* Оценка стоимости предприятия (бизнеса). — Ростов н/Д: Феникс, 2008. — 384 с.

17. *Маевский В. И.* Экономическая эволюция и экономическая генетика. // Вопросы экономики. — 1994. — №5. — С. 58–66.

Поступила в редакцию

13 августа 2013 г.

Марина Викторовна Передерий — кандидат технических наук, профессор кафедры «Автомобильный транспорт и организация дорожного движения» ЮРГТУ (НПИ). Автор исследований по проблемам механики машин, экономики автотранспорта и организации перевозок, создания инновационной инфраструктуры.

Marina Viktorovna Perederiy — Ph.D., Candidate of Technics, professor at SRSPU (NPI) «Motor Transportation and Road Traffic Organization» department. Author of numerous researches, devoted to machinery mechanics, economy of motor transportation and transportations' organizing, creating the innovative infrastructure.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-56-72; e-mail: pmv_62@mail.ru

УДК 338.242.4

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

© 2013 г. В. Г. Наймушин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Рассмотрены макро- и мезоэкономические аспекты перехода экономики России к инновационной модели развития. Доказано, что высокая инновационная активность корпораций, поднимающая потенциал конкурентоспособности российской экономики, может быть обеспечена только при ясно выраженной промышленной стратегии государства.

Ключевые слова: промышленная политика; инновации; развитие экономики; инвестиции; кредитные ресурсы; конкуренция; налоговые льготы.

Author examined the origin of basic problems that take place during the transition to innovation economics (macroeconomic and mesoeconomic angles). It's proved that increasing of the corporations' innovation activity and, as a consequence, the increasing of Russian economy's competitiveness level, is possible only as a result of purposeful industrial policy of the government.

Key words: industrial policy; innovation; development of the economy; investments; resources; credit competitiveness; tax remissions.

В советское время, несмотря на передовые достижения фундаментальных наук, их претворение в жизнь, как правило, происходило в военной сфере. Гипертрофированный рост ВПК, обусловленный в том числе и международной обстановкой, тормозил развитие гражданского производства. Оно отставало от зарубежных аналогов еще и потому, что в СССР путь от научного открытия через развитие прикладной науки до реализации в производстве занимал минимум в 3 раза больше времени.

Переход экономики на инновационные рельсы не произошел и в 1990-е гг., уже на рыночной стадии развития России. Вставшие у руля экономики псевдолибералы считали, что технический прогресс возникает главным образом из рыночной конкуренции. Так действительно происходит в странах с развитой рыночной экономикой, но не в России, где крайне недостаточны затраты на обновление основных фондов и на НИОКР.

Задача инновационного развития была закреплена как приоритетная в утвержден-

ных в 2002 г. президентом России «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», предусматривающих переход к инновационному пути развития страны; в положениях Посланий президента Федеральному Собранию о повышении конкурентоспособности отечественной продукции и удвоении ВВП за десятилетний период, технологической модернизации реального сектора экономики; в разработанной по поручению президента и одобренной правительством в 2006 году комплексной программе «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», направленной на развитие высокотехнологичных отраслей экономики и ряде других основополагающих актах. Наконец, в Стратегии долгосрочного развития России до 2020 года («Стратегии — 2020»), утвержденной правительством в 2008 году, также говорится о переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. Для этого предполагалось на

порядок повысить показатели инновационной активности, реформировать образование и науку, значительно увеличить долю российских высокотехнологичных продуктов на мировом рынке.

К сожалению, несмотря на выработанные в 2000-х гг. программные установки, каких-либо существенных изменений в технологическом уровне нашей экономики пока не происходит. На практике не показали серьезных результатов ни малые и средние фирмы, ни крупные корпорации.

Ситуация с инновационной активностью на промышленных предприятиях не только не улучшается, но и в значительной степени ухудшается.

В последнее десятилетие доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции снизилась до 4,8% (в конце 1980-х гг. — 30–40%). Доля инновационно активных предприятий в России не превышает 10% (в конце 1980-х гг. — 60–70%) [7].

В результате, Россия утратила почти все секторы мирового рынка высокотехнологической продукции, на которых ранее занимала ведущие позиции. Если в конце 1980-х гг. в нашем экспорте товары с высокой добавленной стоимостью составляли почти 40%, то в 2012 г. — 4,4%. Если в 1991 г. Россия делила второе–третье места в мире среди стран, производящих станки, то в 2012 г. она оказалась третьей от конца и ее доля в производстве мирового станкостроения составила менее 0,3%. Если в 1991 г. наши самолеты составляли около 40% мирового парка гражданской авиации, то в 2012 г. — 1,8%. И такая негативная тенденция наблюдается практически во всех отраслях обрабатывающей промышленности.

Известно, что научно-технологические и иные сдвиги в экономике происходят тогда, когда этим занимаются все предприятия. В России ситуация далека от этого. В особенности нужно выразить тревогу по поводу фатальной незаинтересованности предприятий в НИОКР и научно-технических инновациях. Первопричина данной незаинтересованности в самой истории возникновения нашего предпринимательского сословия — оно складывалось не в результате созидательной конкуренции. Сложившийся слой предпринимателей не несет в себе реального опыта

конкуренции на уровне научно-технического новаторства.

Проведенный в 2011 г. анализ инновационной активности крупного бизнеса показал, что почти 90% крупнейших компаний оказались вообще не готовы представить детальные результаты своей инновационной деятельности. Если в практике высокоразвитых стран компании, прежде всего крупные корпорации, играют ключевую роль в финансировании НИР и создании нововведений, покрывая 2/3 и более общенациональных затрат на НИОКР, то в России положение диаметрально противоположное. У нас за счет бизнес-структур финансируется ежегодно не более 20–25% вложений в НИОКР. Критическая недостаточность этих цифр становится тем более нетерпимой, если учесть, что вся сумма вложений в НИОКР в России все последние годы была на уровне около 1% ВВП, тогда как в США доля затрат на НИОКР в ВВП примерно 2,5–2,8%, в Японии — около 3,3%, Израиле — 4,5% [12].

В свое время в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» было предусмотрено, что «средства на финансирование научных исследований, экспериментальных разработок выделяются из федерального бюджета в размере не менее 4% расходной части бюджета». Однако, эта законодательная норма, через которую государство могло обеспечивать финансирование важнейших приоритетных направлений, способствующих инновационной деятельности, была исключена из действующего законодательства.

Некоторые экономисты видят главное препятствие для развертывания предпринимательской инициативы в административных барьерах и в «избыточном государственном регулировании экономики». Хотя, как известно, в России нет ни индикативного, ни стратегического планирования. Государство не регулирует цены. Мы ввели самое либеральное налоговое законодательство в мире. Российское антимонопольное ведомство не борется с монополизмом. Говорить об избыточности государственного регулирования всерьез в данных условиях не приходится.

Тем не менее, некоторые высокопоставленные госчиновники и экономисты говорят о необходимости снижения масштабов госу-

дарственного регулирования, замене регламентации на рыночные механизмы. На наш взгляд этот тезис достаточно спорный и расходится с позитивной мировой практикой последнего времени.

В этой связи следует вспомнить ход мирового общественного развития и углубление на этой основе экономической теории.

Великая депрессия США 30-х годов прошлого столетия высветила обострившиеся противоречия капитализма. Способом разрешения данного противоречия стала необходимость активного государственного воздействия на капиталистическую экономику, базирующуюся на кейнсианской теории экономического роста. Кейнсианская экономическая теория исходит из того, что «капитализм не является саморегулирующейся системой, способной к бесконечному процветанию; нельзя полагаться на то, что капитализм развивается сам по себе...» [6].

Дж. М. Кейнс отстаивал усиление роли государства — как единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм и как условие для успешного функционирования личной инициативы. Кейнсианские рецепты активно использовались Ф. Д. Рузвельтом, а впоследствии стали идеологической программой смешанной экономики и теории «государства всеобщего благоденствия» Л. Эрхарда.

Поэтому речь сегодня должна идти не о снижении доли государства в экономике, а о степени, мере его участия исходя из объективных потребностей и возможностей национальной экономики, ее роли и месте в мировой экономике в условиях глобализации.

Хорошим примером в этом отношении может служить Китай, экономика которого развивается быстрыми темпами, где доля государственной собственности в стратегических отраслях превышает 70%, что доказывает высокую эффективность государственного управления. Китай сохранил в госсобственности природные ресурсы, естественные монополии, крупные коммерческие банки, а также государственное регулирование наиболее важных для формирования экономических пропорций цен. Даже в период последнего мирового экономического кризиса экономика КНР продемонстрировала свое преимуще-

ство, обеспечивая не падение производства, а высокий экономический рост [4].

Пример Китая показывает, насколько важны организационные меры на государственном уровне для инновационного развития экономики. В России в 5 раз больше ученых на тысячу населения, чем в Китае, в 2,5 раза больше выпускников инженерных специальностей. В то же время на мировом рынке наукоемкой продукции доля Китая достигла 6%, а России — всего 0,3% [10].

Для того чтобы реально достичь роста национальной экономики на инновационной основе, нужны, прежде всего, финансовые ресурсы, инвестиции, причем непосредственно в реальный сектор экономики.

Особая роль должна быть отведена госинвестициям в развитие национальной экономики. Для этого в 1998 г. был принят закон «О бюджете развития Российской Федерации», который предусматривал разделение бюджетов текущих расходов и бюджета развития. Однако на практике формирование бюджета вместе с бюджетом развития не происходило. А затем и вовсе все статьи Бюджетного кодекса, касающиеся бюджета развития, из него были вообще исключены.

Пора понять, что добиться инновационного развития экономики России можно только при условии формирования соответствующего бюджета развития. Это императивное требование.

В «Стратегии — 2020» предлагается поддерживать технологические и научно-исследовательские проекты, «обеспечивающие прорывные позиции России в научно-технологической конкуренции на мировых рынках».

Выделен раздел высокотехнологичных отраслей, из которого виден предлагаемый состав приоритетных отраслей. На первом месте стоят авиационная промышленность и двигателестроение. В состав высокотехнологичных отраслей вошли также ракетно-космическая, судостроительная, радиоэлектронная промышленность, атомного энергопромышленного комплекса и информационно-коммуникативных технологий. По всем названным отраслям приоритет отдается проблемам мирового рынка, в то время как, по нашему мнению, более актуально за счет бюджетной поддержки удовлетворить спрос на внутреннем рынке.

Проблема состоит в том, что при ограниченности инвестиционных ресурсов невозможно одновременно обеспечивать приоритет «прорывам» на мировой рынок и обновлять базовые отрасли, работающие на внутренний рынок. Ставя задачу прорыва на мировой рынок по узкому кругу позиций, по остальным позициям мы неизбежно отдаем внутренний рынок импорту. Что фактически и происходит в течение всего периода экономических реформ. Даже в тех отраслях, которые долгое время, что называется, держались на плаву на накопленном ранее потенциале. Примером может служить электроподвижной состав для железных дорог страны, потребности в котором многие годы полностью удовлетворялись за счет отечественных производителей. Однако в последнее время на смену отечественных электропоездов и электропоездов все чаще приходят импортные. И этот процесс, в связи с приближающимися Олимпийскими играми в Сочи и чемпионатом мира по футболу в 2018 г. в нашей стране ускоряется. А ведь речь идет о продукции стратегической важности, от которой зависит транспортная безопасность России.

Если в инновационную систему России входят проекты и прорывные технологии лишь для приоритетных отраслей, значит, базовые отрасли остаются вне национальных инновационных программ. Такого не было ни в одной развитой стране мира.

Совершенно очевидна необходимость отдавать приоритет проблемам внутреннего, а не мирового рынка. Так как, во-первых, крупнейшими участниками на внутреннем рынке высокотехнологичной продукции являются корпорации оборонного комплекса. Во-вторых, мировые затраты на НИОКР составляют триллионы долларов [2]. Поэтому серьезные «прорывы» на мировой рынок, даже по названным приоритетным отраслям, после 20 лет отсутствия полноценных НИОКР невозможны в сравнительно короткий период до 2020 г.

В качестве примера можно привести ситуацию с отечественным железнодорожным машиностроением, в частности — с электровозостроением.

Известно, например, что государственные инвестиции стран ЕС, Японии, США в развитие железнодорожного транспорта со-

ставляют 4–9 млрд. долларов в год. Это позволяет производителям железнодорожной техники этих стран занимать лидирующее положение на мировом рынке [8].

В России же, несмотря на то, что еще в 2007 г. Правительством утверждены «Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 года» и «Стратегия развития транспортного машиностроения в 2007–2010 гг. и на период до 2015 года», предусматривающие ежегодное выделение 2,5 млрд. руб. государственных средств на проведение НИОКР по созданию нового электроподвижного состава, фактически, за пять лет, прошедших после утверждения Стратегий, из госбюджета не было выделено ни одного рубля на проведение НИОКР, в том числе научным центрам отечественного электровозостроения.

Что же касается промышленных предприятий подотрасли электровозостроения, то они все последние годы на НИОКР тратят всего 0,3–0,4% средств от объема выручки.

В результате, по сравнению с ведущими на мировом рынке производителями электроподвижного состава, вложения в инновационные разработки у нас крайне недостаточны. При таком уровне финансирования НИОКР невозможно получить научно-технические результаты мирового уровня. И это, естественно, и близко не обеспечивает конкурентоспособность нашей продукции на рынках.

Реально Россия сейчас вытеснена не только с мировых, региональных, но и с внутреннего рынка товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости.

Высокая доля товаров и услуг обрабатывающей промышленности была и остается важнейшим критерием эффективности национальной экономики крупной страны независимо от того, какая часть этой продукции экспортируется.

России необходимо сначала довести финансирование НИОКР по всем базовым отраслям экономики до требований сегодняшнего дня, а потом уже переходить к финансированию по приоритетам.

Надо помнить, что ядром инновационного развития является машиностроение. Понятно, что все виды машиностроения должны быть наукоемкими и высокотехнологичными, что требует разработки соответствующей стратегии по всем видам машино-

строения. Высокая доля НИОКР в стоимости современных машин и оборудования обуславливает широкую бюджетную поддержку разработки и освоения в производстве новых моделей техники, а также лизинга и других форм стимулирования обновления машин и оборудования.

Пока же, к сожалению, распределение инвестиционных ресурсов и показатели рентабельности, складываются далеко не в пользу машиностроения (см. табл. 1).

В России наблюдается ускоренный рост импорта машин и оборудования. Отношение импорта к экспорту за период 2005–2010 гг. возросло по машинам и оборудованию с 4,7 до 13,4, по металлообрабатывающему оборудованию — с 4,5 до 17, что свидетельствует о нарастании отставания отечественного производства машин и оборудования от уровня передовых индустриальных стран, об усилении зависимости от импорта важнейших видов техники [11].

Надежды на удовлетворение потребностей в машинах и оборудовании за счет импорта не оправдались ни в одной отрасли. Нельзя привести ни одного примера, когда бы в каком-то крупном производстве благодаря импорту произошло обновление производственного аппарата.

Все дело в том, что теория инновационного развития утверждает, что инновации бывают разные: есть базисные, улучшающие, дополняющие и «псевдоинновации», имитирующие подлинные инновации, но качественно не меняющие ни само производство, ни производимый продукт, а изменяющие лишь его вид или форму. Все эти «айфоны»,

«смартфоны», «айпады» и т. п. — это все псевдоинновации. Частный капитал, как правило, не вкладывается в базисные инновационные технологии, пока государственный капитал не возьмет на себя основные издержки по их созданию.

Согласно данным опроса, проведенного в 2005 г. международным консалтинговым агентством The PBN Company, только 3% зарубежных инвестиций проявляют интерес к России в проведении научных исследований, технологическом сотрудничестве и инновационной деятельности, а почти 80% рассматривают ее в качестве рынка сбыта товаров и услуг [13].

Переходя на импорт продукции машиностроения, включая импорт через «отверточную сборку», Россия лишается миллионов рабочих мест в высокотехнологичных и наукоемких видах деятельности.

В плане инновационного развития экономики следует выделить меры, направляемые в последнее время на укрепление военно-промышленного комплекса (ВПК). Дело не только в том, что от производства новых поколений оружия зависит безопасность России. Во-первых, накопленный в ВПК в советский период и еще нерастраченный интеллектуальный потенциал может и должен быть использован для инновационного развития сугубо гражданских отраслей. Во-вторых, в стране существует реальная возможность выйти на концепции «двойных инноваций» для их одновременного использования в военном и гражданском секторах экономики. Опыт США это наглядно показал. В 1990-е гг. Минобороны США обозначило и профинан-

Таблица 1

**Структура инвестиций и рентабельность
по отраслям промышленности (2011 г., в%) [3]**

	Инвестиции в основной капитал	Рентабельность товаров (работ, услуг)
Промышленность — всего	100	10
Добыча топливно-энергетических ресурсов	34,9	31,9
Металлургическое производство	8,4	21,3
Химическое производство	8,6	19,2
Производство машин и оборудования	6,1	6,9

сировало реализацию 22 «критических технологий». Из них 75% имело двойное назначение [10]. В результате был создан мощный импульс для инновационного развития американской экономики.

Существенный инвестиционный ресурс для формирования инновационной экономики содержится в справедливом перераспределении доходов, использовании прогрессивной налоговой шкалы, как во всем мире, введении налогов на роскошь. Россия — единственная страна в мире, где доходы населения облагаются по твердофиксированной ставке 13%, дивиденды — 9%.

Между тем, максимальная ставка налога в Германии составляет 45%, в Японии — 50%, в Швеции — 57%. В Китае минимальная ставка 5%, а максимальная — 45%. И все платят налоги [4].

С очень больших доходов, а они в России получаются, в основном, за счет природных ресурсов, налоги должны быть не менее 50%.

Для поддержки научной и инновационной деятельности необходимо создать систему льгот и преференций. Среди таких мер большая роль принадлежит налоговым рычагам. Практически во всех странах инновационные вложения освобождаются от налогов. Так, в США существует более ста льгот, стимулирующих разработку и внедрение инноваций. В Англии, Канаде, Франции, Италии предусматривается стопроцентное исключение из облагаемого налогом дохода затрат на инвестиции [12].

Однако органы государственной власти, отстаивая принцип равных возможностей всех хозяйствующих субъектов, лишили инновационные предприятия, НИИ и КБ даже тех льгот, которые они имели раньше, в том числе льгот по налогу на прибыль, на имущество, на землю.

Сейчас основная проблема, мешающая становлению условий инновационного хозяйствования, заключается, прежде всего, в слабости политики государства по поддержке воспроизводства промышленного капитала. Сектор малых и средних предприятий не в состоянии выйти на позиции, сравнимые с ТНК высокоразвитых стран и не служит базой для создания эффективных хозяйственных структур. Проблема эффективного предпринимательства не может быть решена лишь в плос-

кости предоставления государством больших свобод частному капиталу. Решение видится в создании вертикально интегрированных корпораций, сопоставимых по концентрации промышленного капитала и инвестиций с ведущими ТНК мира [9]. Секторов, в которых возможно их создание, немало — это авиостроение, электровозостроение, судостроение, приборостроение и т. д.

Более высокая инновационная активность корпораций, поднимающая потенциал конкурентоспособности российской экономики, может быть обеспечена только при ясно выраженной промышленной стратегии государства.

На наш взгляд, скорейшее решение основных вышеперечисленных проблем, позволит осуществить долгожданный переход от дискуссий и деклараций о необходимости построения в России инновационной экономики к широкомасштабной разработке, практическому внедрению и массовому распространению инновационной продукции, как на внутреннем, так и на мировом рынках.

Литература

1. *Акаев А.* О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года. // Вопросы экономики. — 2012. — №4. — С. 97–116.
2. *Амосов А.* Вопросы перехода к инновационному типу воспроизводства. // Экономист. — 2008. — №5. — С. 23–32.
3. *Водомеров Н.* О теоретических основах политики модернизации. // Экономист. — 2012. — №4. — С. 18.
4. *Воронин Ю.* «Новая экономика» по Путину. // Советская Россия. — 2012. — №13, 9 февраля.
5. *Дежина Н. П.* Тройная спираль в инновационной системе России. // Вопросы экономики. — 2007. — №12.
6. *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. — М., 1978. — С. 398–399.
7. *Кучуков Р., Савка А.* Проблемы конкурентоспособности народного хозяйства. // Экономист. — 2008. — №8. — С. 7.
8. *Наймушин В. Г.* Развитие науки — ключевой фактор перехода к инновационной эко-

номике. // TERRA ECONOMICUS. — 2010. — Т. 8. — №3. — С. 32–35.

9. Наймушин В. Г. «Постиндустриальные» иллюзии или системная неоиндустриализация: выбор современной России. // Экономист. — 2009. — №4. — С. 47–52.

10. Примаков Е. М. Стратегические ориентиры и показатели политики государства. // Экономическая наука современной России. — 2008. — №1 (40). — С. 110.

11. Сайфиева С., Ермилина Д. Машиностроение: состояние и тенденция. // Экономист. — 2012. — №2. — С. 36.

12. Тарубин А. В. «Узкие места» инновационного процесса. // Экономист. — 2008. — №10. — С. 57–58.

13. Федорова Н. Иностранцев пугает коррупция. // Экономика и жизнь. — 2005. — №11. — С. 35.

Поступила в редакцию

5 октября 2013 г.

Валерий Григорьевич Наймушин — доктор экономических наук, профессор кафедры Политэкономии и экономической политики Южного федерального университета.

Valeriy Grigoryevich Naimushin — Ph. D., Doctor of Economics, Professor at the Political Economy and Economic Policy department of the Southern Federal University.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88
88 M. Gorkogo st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (928) 12-49-075; e-mail: naimushin.vg@mail.ru

УДК 338.2

РОЛЬ ЛИЗИНГА В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

© 2013 г. Д. Б. Ерошок

ЗАО «Сбербанк Лизинг», г. Москва

В статье рассматриваются перспективные модели лизинговой деятельности как инструмента реализации стратегии хозяйствующих субъектов. Раскрываются особенности реализации и роль лизинговых компаний в осуществлении инвестиционных проектов.

Ключевые слова: *инвестиции; лизинг; лизинговый бизнес; модели лизинга; инновационное развитие.*

The article concerns the promising models of leasing activities as of an implementation tool for the business entities' strategy. The peculiarities of the implementation and the role of leasing companies for carrying out the investment projects are also considered.

Key words: *investments; leasing; leasing business; leasing models; innovation development.*

Лизинг как самостоятельный сегмент бизнеса начал формироваться в России в период становления рыночной экономики и активного развития финансовых институтов.

«Законодательный старт» лизинга как самостоятельного финансового инструмента был положен Указом Президента Российской Федерации от 17 сентября 1994 г. №1929 «О развитии финансового лизинга и инвестиционной деятельности» [1], согласно которому базовой задачей нового финансового инструмента выступало повышение эффективности конверсии оборонных отраслей промышленности.

В 1995–1996 гг., как продолжение Указа, были приняты Постановления Правительства (№633 от 29 июня 1995 г. [2] и №528 от 23 апреля 1996 г. [3]) «О развитии лизинга в инвестиционной деятельности», которые включали Временное положение о лизинге. В нем лизинг определялся как вид предпринимательской деятельности, направленный на инвестирование временно свободных или привлеченных финансовых средств в имущество, передаваемое по договору физическим и юридическим лицам на определенный срок.

В качестве объектов лизинга Временное положение определяло любое движимое и

недвижимое имущество, относимое к основным средствам.

Кроме того, были определены субъекты лизинговых отношений, требования к договору лизинга, права и обязанности участников договора лизинга, структура и порядок лизинговых платежей.

В качестве первоочередных задач лизинга выделялись:

— создание координационного центра по развитию лизинга в оборонных отраслях промышленности в рамках инициативы Министерства Российской Федерации по атомной энергии и подготовки предложения о развитии лизинга в конверсии и техническом перевооружении предприятий;

— в целях укрепления рыночных отношений в сельском хозяйстве и развитии фермерских хозяйств предполагалось содействие государства в создании экспериментальных акционерных лизинговых компаний в Центральном регионе Российской Федерации;

— предполагалось создание акционерных лизинговых компаний, специализирующихся на операциях со строительными машинами и оборудованием с привлечением для этих целей капитала коммерческих структур.

Уже в первых нормативных документах была подчеркнута необходимость активного обмена опытом с Европейской ассоциацией лизинговых компаний с целью последовательного изучения опыта и интеграцией с мировым сообществом в этой области, т. к. в развитых странах лизинг является одним из наиболее действенных механизмов. Его доля составляет до 35% от общего объема инвестиций в обновление основных производственных фондов.

За текущие годы принималось множество постановлений, и был принят Федеральный Закон (№164-ФЗ) «О лизинге», который существенно менялся в 2002 г. и в 2006 г. [4]. Серьезные дискуссии по совершенствованию

законодательства о лизинге ведутся в настоящее время. Лизинговым сообществом обсуждаются проекты изменений лизингового законодательства, разработанные Министерством экономического развития, Ассоциацией российских банков.

Несмотря на различные мнения по поводу Федерального закона о развитии лизинговых отношений, следует отметить, что сложившийся практический опыт позволяет предложить комплексные изменения в законодательстве, тем или иным образом касающиеся реализации лизинговых проектов с учетом всех заинтересованных сторон, включая государство.

Таблица 1

Статистические данные о лизинге в России [5]

	2005	2008	2009	2010
	В процентах к итогу			
Общая стоимость договоров финансового лизинга	100	100	100	100
В том числе лизинга:				
зданий и инженерных сооружений (недвижимости)	2,3	3,7	5,3	2,4
машин и оборудования	33,6	41,1	35	41,6
из них компьютеров и компьютерных сетей	1,3	0,5	0,6	1,2
транспортных средств	63,8	55	59,3	56
из них:				
автомобилей (включая автобусы и троллейбусы)	15,9	27,8	13,9	21,5
судов	0,5	0,2	0,03	0,1
железнодорожных транспортных средств	5,3	7	15,7	28,9
воздушных летательных аппаратов	32,6	12,2	28,7	4,8
скота	0,3	0,2	0,4	0,02
	Миллиардов рублей			
Общая стоимость договоров финансового лизинга	129,7	372,1	264,2	447
В том числе лизинга:				
зданий и инженерных сооружений (недвижимости)	2,9	13,7	14	10,5
машин и оборудования	43,6	153	92,4	186,2
из них компьютеров и компьютерных сетей	1,7	1,7	1,5	5,4
транспортных средств	82,8	204,7	156,6	250,2
из них:				
автомобилей (включая автобусы и троллейбусы)	20,6	103,6	36,8	96
судов	0,7	0,9	0,1	0,5
железнодорожных транспортных средств	6,9	26	41,5	129,3
воздушных летательных аппаратов	42,3	45,3	75,9	21,5
скота	0,4	0,7	1,2	0,1

Проведенный анализ российского рынка лизинга показал, что наибольший прирост объемов нового бизнеса наблюдался в 2007 г.: по сравнению с 2006 г. рынок вырос на 75%. По данным ведущих аналитических рейтинговых агентств, с 1998 г. Россия в мировом рейтинге переместилась с 34 на 7 место, а в европейских рейтингах — с 20 на 5 место, что позволяет охарактеризовать рынок лизинговой деятельности как наиболее динамично развивающийся.

В настоящее время объемы договоров лизинга устойчиво растут, о чем свидетельствуют данные Федеральной службы статистики Российской Федерации (табл. 1).

Число лизинговых организаций достаточно устойчиво, а общее число лизинговых организаций, не относящихся к субъектам малого и среднего предпринимательства, выросло с 2008 г. по 2010 г. с 205 до 279, при этом средний срок работы организаций на рынке лизинговых услуг составляет в среднем 7 лет.

Средний срок действия договоров финансового лизинга в 2008–2010 гг. колеблется от 4 до 5 лет. На долю крупных лизинговых компаний в 2008–2010 гг. приходилось от 62,3% до 84,5% (2009 г.).

Структура договоров финансового лизинга по видам экономической деятельности основных его потребителей характеризуется следующими данными (табл. 2).

Несмотря на определенные успехи в развитии лизинга в России анализ работы лизинговых компаний и сравнение видов лизинговых договоров, реализуемых в развитых странах и в России, показывает, что механизм лизинга до сих пор используется недостаточно, ограничиваясь его традиционной формой. В этом случае классический финансовый (и оперативный) лизинг предполагает, что лизинговая компания осуществляет только посреднические роли — доведение до потребителя предмета лизинга, потребность в котором обусловлена его деятельностью. При этом лизинг, основной характеристикой которого в современном понимании является предметность (согласно ФЗ «О лизинге», «... договор лизинга — договор, в соответствии с которым лизингодатель обязуется приобрести в собственность указанное будущим лизингополучателем имущество у определенного их продавца и предоставить лизингополучателю это имущество за плату во временное владение и пользование» [4]). Именно это определяет лизинговой компании роль пассивного посредника в текущей сложившейся форме реализации лизинговых отношений. Вместе с тем эта же особенность лизинговых механизмов могла бы стать отправной точкой для кардинального изменения роли лизинговых компаний в развитии современной экономики и сформировать ус-

Таблица 2

Структура договоров по видам экономической деятельности лизингополучателей [6]

	2005	2008	2009	2010
Лизингополучатели по видам экономической деятельности, %	100	100	100	100
В том числе:				
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	14,6	8,5	29,2	3,4
добыча полезных ископаемых	7,6	4,9	5,7	14,1
обрабатывающее производство	33,3	28,8	23,1	25,6
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	8,9	5,6	2,2	8,5
строительство	16,2	28,3	13,7	37,5
оптовая и розничная торговля	6	5,7	2,3	2
транспорт и связь	7	10,8	15	2,8
здравоохранение	0,6	0,4	0,7	—
другие виды деятельности	5,8	7	8,1	6,1

ловия для комплексной технологической модернизации, задача которой и преследовалась еще на этапе становления лизинга в России.

Понимание перспектив развития отрасли в настоящее время достаточно часто основывается на статистических показателях прошлых периодов, а прогнозы развития рынка зачастую строятся на оценках руководителей лизинговых компаний, макроэкономической конъюнктуре, потенциальной лизингоемкости единичных отраслей, «проявивших» себя ранее.

По данным рейтингового агентства «Эксперт РА», на протяжении нескольких лет драйвером роста лизингового рынка является лизинг железнодорожного подвижного состава. При этом в ежегодном опросе топ-менеджеров, проводимом на конференции «Лизинг в России», выделяется отдельный вопрос: «Что будет происходить с лизингом железнодорожной техники?». Более того, сокращение сделок с подвижным составом воспринимается как тревожный сигнал всей лизинговой отрасли и влияет в целом на динамику ее развития. При этом по объему профинансированных средств в 2012 году на долю пяти крупнейших лизинговых компаний из 129, представленных в рэнкинге РА «Эксперт», приходится 42% всех средств, а следующие пять компаний в рэнкинге дают еще 15% от общего объема средств [7].

В условиях же стагнации экономики, при которой спрос на услуги финансового лизинга резко падает (как показал опыт кризиса 2008–2009 гг.), реализация крупных инвестиционных проектов, в том числе потенциально лизингоемких откладывается, либо происходит на основе государственной финансовой поддержки. Как показывает анализ зарубежного опыта, этого в современных условиях совершенно недостаточно.

Исследования показывают, что в мировой экономике лизинг является одним из самых распространенных способов инвестирования, масштабы применения которого ежегодно возрастают. Крупнейшие западные компании используют механизм лизинга для решения таких задач как привлечение дополнительных инвестиций, частичное финансирование долгосрочных проектов, замена устаревшего оборудования, обновление парка техники дочерних компаний.

В этом случае лизинговая компания исполняет роль навигатора в использовании современной техники, позволяющую реализовать наиболее современные технологии и соответствующую бизнес-процессам. Кроме того, хорошо ориентируясь на рынке основных поставщиков оборудования, машин и механизмов, лизинговая фирма с большим основанием может выбрать наиболее надежного поставщика. В этом случае лизингополучатель получает двойной эффект от лизингового договора — экономический эффект от использования лизинговых отношений и эффект от использования информации о качестве и надежности приобретаемого оборудования, которой владеет лизингодатель.

При таком подходе к выбору объекта лизинга компания может стать инициатором реализации проектов в субъектах хозяйствования — клиентах компании, предлагая им замену старого оборудования, возможность приобретения оборудования, ориентированного на инновационные технологии и производство инновационных продуктов. Кроме того, лизинговая компания может предлагать проекты реконструкции и реинжиниринга отдельных бизнес-процессов, зная опыт такой работы своих партнеров в других странах.

К сожалению, в России лизинг в большой мере ограничивается поставкой единичного оборудования, т. е. передачей отдельных видов техники лизингополучателю. Этим определяются особо высокий удельный вес лизинговых договоров по приобретению транспортных средств. Практика же показывает, что за рубежом такие объекты лизинга получают по договорам оперативного лизинга (в настоящее время термин оперативного лизинга исключен из лизингового законодательства). По договорам финансового лизинга лизингополучатели обеспечиваются комплексом машин и механизмов, реализующих завершённые бизнес-процессы, те виды техники, которые позволяют провести комплексное техническое переоснащение и реконструкцию производства. В этом случае лизинговая компания принимает на себя решение более сложных задач, способствуя реальному повышению эффективности деятельности лизингополучателя.

Проведенные исследования позволяют выделить следующие базовые модели лизинговой деятельности по объектам лизинга:

- лизинг оборудования, не требующего монтажа;
- лизинг оборудования, требующего монтажа;
- лизинг объектов недвижимости;
- реконструкция объектов и передача их в лизинг;
- строительство новых объектов и передача их в лизинг.

Выявлены основные характеристики моделей, разработаны этапы реализации и схемы взаимодействия участников лизингового процесса.

Как показал анализ деятельности российских лизинговых компаний, использование модели «Лизинг оборудования, не требующего монтажа», является традиционным для рынка России. Объектами лизинга, как правило, являются транспортные средства, техника и производственное оборудование, строительные механизмы, производственный инструмент, измерительные и другие приборы, компьютеры и оргтехника и др.

Отличительной особенностью модели «Лизинг оборудования, требующего монтажа» является дополнительная обязанность лизинговой компании по организации проведения монтажных и пуско-наладочных работ с целью доведения оборудования до полной готовности к использованию.

Однако главное состоит в том, что если оборудование требует монтажа, то, как правило, это связано с введением системы машин, реализующих законченные бизнес-процессы, что свидетельствует о серьезных технических изменениях в процессе производства.

Применение моделей «Реконструкция объектов и передача их в лизинг» и «Строительство объектов и передача их в лизинг» позволяет лизинговой компании использовать все преимущества лизинговых механизмов для усиления контроля и совершенствования управления крупными инвестиционными проектами.

В этом случае лизинговая компания становится организатором крупного инвестиционного проекта со всеми вытекающими последствиями.

Опыт развитых стран показал, что одним из перспективных направлений деятельности лизинговых компаний является использование модели «Лизинг объектов недвижи-

мости». В качестве объекта лизинга могут выступать здания, сооружения производственного и непромышленного назначения. Преимущества лизинга недвижимости для лизингополучателя заключаются в том, что он позволяет реализовать возможности использования больших производственных или административных площадей без крупных единовременных затрат.

В России это направление лизингового бизнеса получило определенное развитие и связано с формированием особого направления бизнес-девелопмента.

Характеристика базовых моделей лизинга представлена в таблице 3. Исследование эволюции моделей позволяет сделать вывод о том, что лизинг начинает выполнять новые для него управленческие функции и может рассматриваться как инновационный инструмент проектного управления.

Эволюция лизинговых отношений свидетельствует не только об инвестиционном характере данного инструмента, но и о серьезном потенциале его использования в управленческой деятельности, в частности, делает возможным принципиальное изменение роли и функций лизинговых компаний при осуществлении крупных инвестиционных проектов.

Согласно ФЗ «О лизинге» базовыми целями данного Федерального Закона выступают развитие форм инвестиций в средства производства на основе лизинга и обеспечение эффективности инвестирования. При этом под лизингом понимается «совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе приобретением предмета лизинга».

Несмотря на то, что в настоящее время существует проект закона «О лизинге», подготовленный Министерством экономического развития, предполагающий передачу в лизинг предмета, созданного в рамках договора подряда, на сегодняшний день договор лизинга предполагает только возможность включения условий оказания дополнительных услуг и проведения дополнительных работ, в то время как сам предмет лизинга должен быть приобретен для последующей передачи в лизинг в рамках договора купли-продажи. Создание предмета лизинга для последующей передачи требует использования более сложных механизмов, выходящих

Таблица 3

Характеристика базовых моделей лизинговой деятельности

Название модели лизинга	Участники	Этапы реализации
Лизинг оборудования, не требующего монтажа	лизингодатель, лизингополучатель, продавец (поставщик)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подготовительная работа по заключению Договора лизинга (заявка на предоставление имущества в лизинг, поставочной спецификации, направляемой лизингодателем поставщику; кредитный договор). 2. Юридическое оформление лизинговой сделки, которое осуществляется в: <ul style="list-style-type: none"> — договоре лизинга; — договоре поставки предмета лизинга; — кредитном договоре; — договоре залога; — договоре на страхование объекта. 3. Эксплуатация предмета лизинга. 4. Исполнение лизингополучателем всех обязательств, предусмотренных договором лизинга, и оформление лизингодателем передачи права собственности на предмет лизинга по окончании срока лизинга.
Лизинг оборудования, требующего монтажа	лизингодатель, лизингополучатель, продавец (поставщик), подрядчик	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подготовительная работа по заключению Договора лизинга. 2. Юридическое оформление лизинговой сделки (договора лизинга; договора поставки предмета лизинга; кредитный договор; договора залога; договора на страхование предмета лизинга). 3. Выполнение лизингодателем дополнительной обязанности по осуществлению монтажа и пуско-наладке предмета лизинга. 4. Эксплуатация предмета лизинга. 5. Исполнение лизингополучателем всех обязательств, предусмотренных договором лизинга, и оформление лизингодателем передачи права собственности на предмет лизинга по окончании срока лизинга.
Лизинг объектов недвижимости	лизингодатель, лизингополучатель, продавец (поставщик)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подготовительная работа по заключению Договора лизинга. 2. Юридическое оформление лизинговой сделки. 3. Эксплуатация предмета лизинга. На данном этапе лизингополучатель эксплуатирует лизинговое имущество и выплачивает лизингодателю лизинговые платежи, в том числе за счет доходов от использования данного имущества. 4. Исполнение лизингополучателем всех обязательств, предусмотренных договором лизинга, и оформление лизингодателем передачи права собственности на предмет лизинга по окончании срока лизинга.

Окончание таблицы 3

Реконструкция объектов и передача их в лизинг	лизингодатель, лизингополучатель, заказчик, проектировщик, подрядчики	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подписание договора лизинга и договора купли-продажи. 2. Оформление прав на земельный участок. 3. Оформление разрешительных документов на проведение реконструкции. 4. Организация лизингодателем работ по реконструкции. 5. Организация приемки объекта после реконструкции. 6. Передача предмета лизинга в лизинг.
Строительство новых объектов и передача их в лизинг	лизингодатель, лизингополучатель, заказчик, проектировщик, генеральный подрядчик, подрядчики	<ol style="list-style-type: none"> 1. Подписание с будущим лизингополучателем предварительного договора лизинга. 2. Решение вопросов с местной администрацией по выделению земельного участка. 3. Проведение лизингодателем совместно с заказчиком тендерных процедур по выбору проектировщика и генподрядчика. 4. Получение лизингодателем банковского кредита на финансирование строительного проекта. 5. Организация строительства объекта. 6. Организация приемки построенного объекта. 7. Оформление лизинговых отношений. 8. Передача построенного объекта лизингополучателю в лизинг.

за рамки ФЗ «О лизинге» в плоскость проектного финансирования, требующих выработки индивидуальных организационно-финансовых решений.

Такие сложно структурированные проекты требуют наличия в лизинговых компаниях соответствующих профессиональных компетенций и, соответственно, становятся реализуемыми только в крупных лизинговых компаниях, созданных при ФПГ и ведущих банках, с другой стороны — становятся для них на второй план в условиях роста лизингового рынка хорошо освоенных и понятных лизинговых продуктов, и реализуются, в итоге, к примеру, как сделки инвестиционного кредитования.

Опыт практической работы показывает, что с усложнением предмета лизинга, компаниям, оказывающим данные финансовые услуги, уже недостаточно использования возможностей оказания дополнительных услуг и работ, связанных с доведением

предмета лизинга до эксплуатационной готовности. Лизинговые компании (или их дочерние компании) готовы брать на себя роль интегратора проекта, выступая зачастую генеральным подрядчиком при создании предмета лизинга с нуля, забирая на себя все риски, связанные с тем, что на момент заключения договорных отношений предмет лизинга еще не существует.

Несмотря на то, что данный подход является достаточно новым и востребованным, открывая определенные перспективы как для лизинговой отрасли, так и для ее потребителей, лизинговая компания не является инициатором проекта. В настоящее время лизинговыми компаниями (как универсальными, так и ориентированными на конкретную отрасль или финансово-промышленную группу) уже накоплен определенный опыт в области материально-технического и технологического обеспечения той или иной компании, отрасли или межотраслевого комплекса. Однако

взаимодействие с поставщиками и лизингополучателями в рамках реализации договора лизинга носит характер обслуживающего процесса.

Невозможность гибко реагировать на изменяющийся спрос со стороны потенциальных лизингополучателей делает данный финансовый инструмент уязвимым, не обеспечивающим комплексное решение задач технической модернизации промышленности и создание эффективной инфраструктуры экономики. Решением данной проблемы стало бы построение системы стратегического лизинга как на уровне отдельного предприятия, так и отрасли региона и экономики в целом на основе комплексного перспективного взаимодействия всех заинтересованных сторон: государства, потенциальных лизингополучателей в лице производственной сферы экономики (создание и потребление предметов лизинга — отраслей промышленности, межотраслевых комплексов, производственных кластеров), непромышленной сферы как потребителя предметов лизинга, обслуживающей сферы экономики (финансовые институты, банки и т. д.) и самих лизинговых компаний, обеспечивающих понимание долгосрочных потребностей и направлений развития того или иного сектора экономики.

Включение лизинговых компаний в финансирование крупных проектов может иметь большую перспективу, прежде всего, с позиций реализации инфраструктурных проектов, которые характерны для регионов. В этом случае лизинговая компания могла бы выступать в качестве организатора закупки комплекса оборудования, необходимого для реконструкции транспортной системы города, объектов жилищно-коммунального обслуживания, развития социальной сферы. При этом лизинговые компании способны обеспечить закупку надежного высококачественного оборудования у производителей, учитывая гармоничное сочетание отдельных видов техники и создания условия для организации в дальнейшем единого центра их технического обслуживания и ремонта при тесном взаимодействии с производителем.

Достаточно перспективны такие отношения лизинговых компаний с крупными акционерными обществами, в которых материнская компания во многом определяет бюджеты

инвестиционной деятельности и принимает активное участие в оценке перспективности инвестиционных проектов, в том числе их стратегическом аудите.

Не менее важны и результативны такие договоры лизинга с представителями группы малых и средних компаний, связанных в предпринимательской цепи единством бизнес-процесса производства конечной продукции. В данном случае лизинговая компания может выполнять дополнительную роль эксперта по оценке совместимости приобретаемого оборудования и его гармонизации с обеспечением необходимого качества бизнес-процессов по точности и надежности технических характеристик оборудования.

Поскольку в предпринимательские сети часто объединяются малые и средние предприятия, предпочитающие сохранить свою полную экономическую самостоятельность, такая форма работы лизинговых компаний с предпринимательскими сетями может быть новой формой их консультационной поддержки.

Бесспорно, в этом случае с лизинговой компанией должны быть проведены соответствующие структурные изменения, в частности, созданы новые подразделения, на которые возлагаются функции, связанные с маркетингом и активизацией контактов с производителями и потребителями техники. Это, в первую очередь, связано с изучением перспективного спроса на средства производства на уровне экономики в целом, на уровне отраслей и межотраслевых комплексов, региональном уровне, уровне конкретных субъектов хозяйствования и стратегического мониторинга экономических субъектов с позиций определения долгосрочных перспектив развития и технической модернизации на основе бенчмаркетинга и аккумулирования отечественных и зарубежных НИР и ОКР.

Вместе с тем лизинговые компании должны в активном порядке изучать тенденции изменения структуры производителей техники, динамику основных ее технических характеристик, разнообразие моделей, динамику цен, что позволит эффективно выполнять посреднические работы, соединяя взаимозаинтересованных изготовителей оборудования (учредители лизинговой компании или их партнеры) и лизингополучателей (потребителей оборудования). Однако в этом

случае посредническая деятельность дополняется новыми важными чертами двухсторонней консультационной деятельностью по отношению к производителям оборудования, которые получают информацию о запросах на определенный ассортимент своей продукции (гарантированный сбыт) и лизингополучателей которые получают информацию о производстве новых видов или моделей оборудования, позволяющих реконструировать и модернизировать их производство. Бесспорно, сами потенциальные лизингополучатели не могут оставаться безучастными, а должны ориентироваться на создание стратегических планов развития, привлекая, в том числе, информацию, предоставленную лизинговыми компаниями о новом оборудовании.

Для решения поставленных задач лизинговых компаний в качестве дочерних может быть создана консультационная, а при увеличении числа проектов, по которым она выступает в роли организатора, управляющая компания. При этом важно четко регулировать функции между собственно лизинговой и дочерней компанией.

В отличие от лизинговой компании, осуществляющей взаимодействие с заказчиками и соинвесторами (частично лизинговая компания может инвестировать свои средства),

управляющая компания осуществляет оперативное управление проектом и несет ответственность за качество и сроки выполнения работ. Распределение функций между лизинговой и управляющей компанией представлено в таблице 4.

В рамках реализации проекта с участием лизинговой компании можно выделить инвестиционную и эксплуатационную стадии. Инвестиционная стадия включает проведение проектно-изыскательских работ, поставку оборудования, строительство, либо реконструкцию производственных и инфраструктурных объектов, монтажные и пуско-наладочные работы и т. п. Для проведения этих работ управляющая компания осуществляет выбор генерального подрядчика, выполняющего координационную роль и поиск субподрядных организаций. Расходы на инвестиционной стадии возникают с начала проекта и могут покрываться как за счет собственных средств лизинговой компании, так и за счет привлеченных.

Реализация проектов, связанных с реконструкцией и строительством новых объектов, с участием лизинговой компании, позволяет избежать расходов и рисков, связанных с приобретением, поставкой, строительством, монтажом, и получить уже готовый объект,

Таблица 4

Распределение функций между лизинговой и управляющей компанией

Функции лизинговой компании	Функции управляющей компании
1. Взаимодействие с заказчиком, рассмотрение заявки;	1. Мониторинг внешней среды, анализ конкуренции;
2. Разработка бизнес-плана лизинговых операций;	2. Подбор поставщиков и подрядных организаций, осуществляющих проектирование поставку оборудования, строительство;
3. Принятие решения об инвестировании проекта, выбор источников финансовых средств;	3. Осуществление оперативного планирования работ по проекту;
4. Создание управляющей компании;	4. Координация работ, выполняемых участниками проекта;
5. Контроль деятельности управляющей компании по реализации проекта;	5. Контроль выполнения хода работ по проекту;
6. Контроль бюджета дочерней компании, включая возврат инвестиций.	6. Отчетность перед лизинговой компанией.

способный генерировать потоки доходов от операционной деятельности. Таким образом, у лизингополучателя возникают дополнительные доходы в рамках периода отсрочки приобретения объекта при дефиците собственных средств. Для заказчика (государственные структуры, муниципальные органы) данная схема имеет несомненное преимущество, так как нагрузка на бюджет распределяется равномерно на определенный период, и объемы ее могут быть запланированы на этапе проведения конкурса, что позволяет заблаговременно планировать расходы.

Что касается государственных и региональных органов управления, то они должны, прежде всего, создать благоприятные условия, мотивирующие лизинговые компании к реализации такого типа проектов. Это связано, во-первых, с уточнением нормативно-законодательной базы лизинга. Во-вторых, в активном подключении к реализации проектов бюджетных средств, что предусмотрено в действующем законодательстве и особенно важно при разработке и реализации инфраструктурных проектов. В-третьих, в формировании концепций и стратегических планов развития отраслей и регионов, четко определяющих требования к созданию новых производств, реконструкции и модернизации действующих структур, определении коммуникаций между организациями. Особое значение это имеет при реализации социальных программ.

Рассматривая первоочередные задачи региональных органов управления в развитии лизинговой деятельности, необходимо подчеркнуть ее значимость в развитии малого бизнеса. В связи с этим весьма перспективным может быть формирование организаций по вторичному лизингу оборудования. Это особенно актуально для сельскохозяйственных малых предприятий и предприятий сферы бытового обслуживания (ремонтно-строительных организаций, организаций сферы обслуживания населения — обувные мастерские, ремонт одежды и т. д.). В данном случае лизинговая организация может выступать в роли организатора проекта по вторичному использованию техники — прямому, если крупные наукоемкие производства выводят из эксплуатации технику, неудовлетворяющую их по техническим характеристикам, но

в хорошем физическом состоянии (т. е. в результате ее морального износа). В этом случае лизинговая компания может выступать в роли посредника по передаче этой техники, обеспечивая ее выкуп у списывающего технику предприятия и снижая риск списания недоамортизированной техники, что ведет к снижению прибыли организации, и продавая ее малому бизнесу на условиях лизинга, т. е. с рассрочкой платежей. Этот проект может быть усложнен, если лизинговая компания, привлекая предприятие-производителя этой техники, организует ее ремонт и восстановление, используя экономичную систему безличного ремонта. Это может значительно ускорить обеспечение технического переоснащения малого бизнеса при относительно небольших финансовых вложениях.

Нельзя не отметить необходимость изменения отношения к оперативному лизингу. Учитывая тот факт, что до сих пор в России велик удельный вес договоров по лизингу отдельных видов техники, в первую очередь строительной, дорожной, сложных приборов, вычислительной техники, передача ее в оперативный лизинг имеет большую перспективу, особенно учитывая расширение функций лизинговых организаций, когда они могут стать инициаторами создания бизнес-инкубаторов, технопарков, центров инновационного развития, что особенно важно для малого бизнеса.

Отмеченные направления развития лизинга, как самостоятельного вида бизнеса, четко раскрывают его возможности в содействии разработки и успешной реализации стратегических планов развития экономики с учетом задач инновационного развития.

Литература

1. Указ Президента РФ «О развитии финансового лизинга в инвестиционной деятельности» №1929 от 17 сентября 1994 г. [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4477, свободный. — Загл. с экрана.

2. Постановление Правительства РФ от 29 июня 1995 г. №633 «О развитии лизинга в инвестиционной деятельности» [Электрон-

ный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15319, свободный. — Загл. с экрана.

3. Постановление Правительства РФ от 23 апреля 1996 г. №528 «О внесении дополнений в Постановление Правительства РФ от 29 июня 1995 г. №633 «О развитии лизинга в инвестиционной деятельности» [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10181, свободный. — Загл. с экрана.

4. Федеральный закон от 29.10.1998 №164-ФЗ (ред. от 28.06.2013) «О финансовой аренде (лизинге)» [Электронный ресурс] / Справочная правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148282, свободный. — Загл. с экрана.

5. Общая стоимость договоров финансового лизинга, заключенных организациями,

осуществляющими деятельность в сфере финансового лизинга [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в России. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_56/IssWWW.exe/Stg/02-29.htm, свободный. — Загл. с экрана.

6. Структура договоров финансового лизинга машин, оборудования, транспортных средств по видам экономической деятельности основных его потребителей [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. Инвестиции в России. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_56/IssWWW.exe/Stg/02-33.htm, свободный. — Загл. с экрана.

7. Лизинг в России: итоги 2012 г. [Электронный ресурс] / Эксперт РА. — Режим доступа: http://raexpert.ru/researches/leasing/leasing2012_itogi/part1, свободный. — Загл. с экрана.

Поступила в редакцию

14 сентября 2013 г.

Дмитрий Борисович Ерошок — кандидат экономических наук, генеральный директор ЗАО «Сбербанк Лизинг». Автор работ по проблемам развития лизинга в России, развитию форм участия лизинговых компаний в реализации инвестиционных проектов.

Dmitriy Borisovich Eroshok — Ph.D., Candidate of Economics, General Director of «Sberbank Leasing» CJSC (Moscow). Author of numerous works on the actual problems of leasing businesses development in Russia, appearance of the new leasing companies' stake in forms for the investment projects' realization.

119285, г. Москва, Воробьевское ш., д. 6
6 Vorobyovskoye ln., 119285, Moscow, Russia
Тел.: +7 (495) 780-73-00; e-mail: info@sberleasing.ru

МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОЛОВНОГО И ДОЧЕРНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ПОРТФЕЛЯ ЗАКАЗОВ И ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

© 2013 г. С. А. Алферов

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

Предложены способы совершенствования механизма взаимодействия головного и дочерних предприятий при формировании портфеля заказов и инвестиционных проектов с использованием квазиконкурентных процедур.

Ключевые слова: *корпорация; головные предприятия; дочерние предприятия; портфель заказов; инвестиции; квазиконкурентные процедуры.*

Author presents some ways of improvement for the interaction mechanisms between the parent enterprise and the affiliates, which mechanisms and procedures of quasi-competition are used for the investment projects' development and working out the stock of orders.

Key words: *corporation; parent enterprise; affiliates; stock of orders; investments; procedures of quasi-competition.*

В рамках современного российского законодательства (как и законодательств большинства других государств) дочерняя компания существует в сложных условиях участия материнского предприятия в ее капитале. То есть, она находится в зависимом состоянии от головного офиса.

Отношения между головными и дочерними предприятиями основываются на принципе ответственности основной компании по обязательствам учрежденных ею предприятий. Они солидарно отвечают по сделкам, заключаемым во исполнение обязательных указаний головного предприятия [1].

В этих условиях становится актуальным создание и совершенствование механизмов взаимодействия головного и дочерних предприятий при формировании портфеля заказов и инвестиционных проектов.

Здесь мы исходим из того, что экономический механизм в общем виде представляет собой систему взаимосвязей экономических явлений, которые возникают в определенных условиях под воздействием начального им-

пульса. Характер механизма можно выявить только на основе исследования условий его действия: основные составляющие, фигурирующие одновременно, — исходное событие, результирующее событие и процесс, заполняющий интервал между ними. Можно предположить, что экономических механизмов может существовать ровно столько, сколько существует начальных явлений в каждой системе взаимосвязанных событий в рамках заданных условий [2]. Данное определение описывает взаимодействие хозяйственных явлений, взаимосвязи и взаимоотношения между ними.

Можно сказать, что экономический механизм — это система объединенных в группы экономических процессов и явлений, протекающих внутри системы, направленных на достижение поставленных целей, своевременно и точно реагирующих на изменение внешних и внутренних факторов.

Предлагаемая модель взаимодействия головного и дочерних предприятий при формировании портфеля заказов и инвестиционных

проектов должна допускать гибкое изменение норматив расчетов с учетом динамики факторов, образующих стоимостные характеристики.

Головное предприятие должно превентивно корректировать платежи за услуги дочернего предприятия, поэтому возникает необходимость краткосрочного прогнозирования показателей, используемых при расчете составляющих аддитивной модели. Прогноз этот должен быть мобильным и краткосрочным.

Как было показано в известных работах [3; 4], предприятия — члены консолидационных группировок имеют существенные конкурентные преимущества. Одним из них является возможность создания единой маркетинговой службы, позволяющей получать крупные заказы. Однако при этом возникает проблема распределения корпоративного заказа между отдельными дочерними предприятиями в составе корпорации.

Для решения этой задачи в вышеупомянутой работе [3] рассматривают n дочерних предприятий, входящих в корпорацию, и некоторый корпоративный заказ объемом R (в единицах продукции). Q_i — величина заказа, которую может выполнить отдельное предприятие, C_i — себестоимость (прямые затраты) этой продукции на данном предприятии. Проблема возникает только в случае возникновения неравенства

$$\sum_{i=1}^n Q_i > R,$$

то есть — когда величина заказа меньше, совокупных производственных мощностей дочерних предприятий. Если x_i — величина заказа, выполняемого предприятием I , то если x_i заданы, то маржинальная прибыль всех предприятий ПК составит:

$$\Pi = \sum_{i=1}^n (\Pi_d - C_i) x_i,$$

где Π_d — договорная цена продукции при ограничениях

$$0 \leq x_i \leq Q_i, \quad \sum_{i=1}^n x_i = R.$$

Поставим задачу определения $x_i, i = \overline{1, n}$, так, чтобы прибыль была максимальной при вышеприведенных ограничениях.

Если предприятия — члены кластера проранжированы по возрастанию себестоимости C_i :

$$C_1 \leq C_2 \leq C_3 \leq \dots \leq C_n,$$

(или по убыванию маржинальных рентабельностей).

$$Pi = \frac{\Pi_d - C_i}{C_i}.$$

При этом можно выявить предприятие k такое, что

$$\sum_{j=1}^k Q_j < R \leq \sum_{j=1}^{k+1} Q_j.$$

В оптимальном случае первые k предприятий получают максимальный заказ

$$x_i^0 = Q_i, \quad i = \overline{1, k},$$

а следующее за ними предприятие $(k+1)$ получает остаток заказа

$$x_{k+1}^0 = R - \sum_{j=1}^k Q_j,$$

при этом остальные предприятия заказа не имеют.

Как показали В. Н. Бурков с соавторами [5], проблема в этом случае связана с реализацией данной модели в условиях, когда корпоративный центр — головное предприятие (ГП) не обладает полной и достоверной информации о себестоимостях C_i . Иными словами, возникает ситуация информационной асимметрии, создающая благоприятные условия для оппортунистического поведения (в данном случае — со стороны дочерних предприятий).

Конкурсные механизмы распределения заказов и финансовых ресурсов достаточно хорошо известны [6; 7]. Как было показано в известном исследовании [8], конкурентные механизмы являются наиболее эффективными не только в условиях конкурентной борьбы, но и в условиях со-конкуренции (конкурентного сотрудничества) и квазиконкуренции. Последнее имеет место и в рассматриваемом случае.

Известен простой конкурсный механизм [5], при котором заказ распределяется в первую очередь предприятиям с наименьшими оценками себестоимости. Такая модель представляется приемлемой, несмотря на опре-

деленные упрощения, заложенные в ней: необходимо иметь в виду, что в данном случае конкурсный механизм совпадает с т. н. «прямым» конкурсным механизмом, так как предполагается, что имеет место непрерывный конкурс (предприятие может получить любую величину заказа от 0 до Q_i), что является достаточно грубым допущением ввиду реальной дискретности процедур конкурсного механизма; кроме того, в модели конкурсных механизмов распределения корпоративного заказа делается допущение о «взаимозаменяемости» предприятий, входящих в корпорацию, в части из производственных возможностей, структуры активов и ресурсов, игнорируется наличие у предприятий ключевых компетенций и сложившейся специализации. Эта особенность была детально рассмотрена в упомянутом выше исследовании [3].

Последнее представляется наиболее важным, так как при распределении корпоративного заказа необходимо обеспечить не только приоритеты наиболее рентабельным предприятиям, но и обеспечить должное качество выполнения заказа, и, тем самым, поддержание конкурентоспособности корпорации в целом. Такой механизм будет работоспособным при балансе интересов головного и дочерних предприятий. Иными словами — в том случае, когда будет исключено оппортунистическое поведение со стороны дочерних предприятий, заключающееся в предоставлении искаженных экономических параметров.

В случае оппортунистического занижения оценок себестоимости увеличивается расчетная прибыль, отчисляемая дочерним предприятием головному:

$$\pi_i = U_d - S_i > U_d - C_i,$$

если $S_i < C_i$.

В вышеупомянутой работе В. Н. Буркова с соавторами [5], используется норматив отчислений от планируемой прибыли головному предприятию ϕ . При этом прибыль, остающаяся в распоряжении дочернего предприятия, составит

$$\pi_i^0 = (U_d - C_i) - \phi(U_d - S_i),$$

а маргинальная рентабельность заказа определяется как

$$P_i^0 = \frac{(U_d - C_i) - \phi(U_d - S_i)}{C_i}.$$

Если обозначить через P_m минимальную величину рентабельности, при которой предприятию целесообразно выполнение корпоративного заказа, то с уменьшением оценки S_i уменьшается и маргинальная рентабельность P_i^0 . Поэтому, если при $S_i = C_i$ (то есть при сообщении достоверной оценки себестоимости) имеет место $P_i^0 \leq P_m$, то предприятие i не будет заинтересовано занижать оценку себестоимости.

Исходя из вышеизложенного, можно получить условие, при котором возможно занижение оценки себестоимости предприятием i . Для этого предположим $S_i = C_i$ и рассмотрим неравенство

$$\frac{(U_d - C_i) - \phi(U_d - S_i)}{C_i} > P_m,$$

которое после преобразований приводится к виду

$$(1 - \phi)P_i > P_m,$$

где

$$P_i = \frac{U_d - C_i}{C_i} -$$

маргинальная рентабельность продукции для i -го предприятия.

Применение вышеописанного механизма позволяет создать стройную и непротиворечивую систему взаимодействия головного и дочерних предприятий. При этом подобный конкурсный механизм может использоваться и при решении задач распределения ресурсов на выполнение инвестиционных проектов на предприятиях.

Определенное исключение из этого может составить случай, когда материальные потоки между головным и дочерним предприятием обусловлены некоторыми технологическими условиями, изменение которых практически затруднительно. В нашей более ранней работе [9] такая ситуация была рассмотрена применительно к условиям предприятий трубопроводного транспорта, входящих в корпорацию «Газпром». В этом случае целесообразно использовать модели затрат на услуги дочернего предприятия и методики прогнозирования расходов будущих периодов.

Независимо от характера применяемого конкурсного механизма решение вопросов о конфигурации сквозных бизнес-процессов,

охватывающих несколько дочерних предприятий, должно основываться на построении экономически оптимальных бизнес-единиц и бизнес-процессов. Использование для этого квазиконкурентных механизмов дает возможность сформировать целесообразную систему формирования бизнес-процессов и стратегических бизнес-единиц и выработать методическую основу для реструктуризации действующих предприятий — членов корпорации.

Литература

1. Макарова Е. Дочерняя компания [Электронный ресурс] / ФБ.ру — размещение и публикация статей. — Режим доступа: <http://fb.ru/article/39915/dochernyaaya-kompaniya>, свободный (16.10.2012). — Загл. с экрана.

2. Кульман А. Экономические механизмы. Пер. с фр. / Общ. ред. Н. И. Хрустальной. — М.: АО «Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. — С. 309.

3. Зеленская О. А. Формирование и функционирование современных промышленных кластеров. — М.: Бизнес-пресса, 2011. — 216 с.

4. Зарецкий А. Д., Иванова Т. Е. Развитие экономических отношений в современной России от сообщества к обществу. // Региональная экономика: теория и практика. — 2011. — №21. — С. 2–6.

5. Бурков В. Н., Данев Б., Еналеев А. К. и др. Большие системы: моделирование организационных механизмов. — М.: Наука, 1989. — С. 46–49.

6. Бурков В. Н., Дорохин В. В., Балашов В. Г. Механизмы согласования корпоративных интересов. — М.: ИПУ РАН, 2002. — 73 с.

7. Бурков В. Н., Ириков В. А. Модели и методы управления организационными системами. — М.: Наука, 1994.

8. Колбачев Е. Б., Колбачева Т. А. Конкурентное сотрудничество, открытые инновации и развитие управленческого инструментария. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского гос. политехн. ун-та. Серия: Экономические науки. — 2013. — №4.

9. Алферов С. А. Совершенствование механизма взаимодействия головного и дочернего предприятий. // Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2009. — №2.

Поступила в редакцию

29 июня 2013 г.

Сергей Александрович Алферов — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» ЮРГТУ (НПИ). Автор работ по проблемам внутрикорпоративных связей и формирования бизнес-групп.

Sergey Aleksandrovich Alferov — Ph.D., Candidate of Economics, docent at SRSPU (NPI) «Production Management and Management of the Innovations» department. Author's works are dedicated to problems of associations inside the corporation and business groups' formation.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (86352) 55-1-54, факс: +7 (86352) 55-6-66, e-mail: volball@bk.ru

УДК 338.2

СИСТЕМА ПОДДЕРЖКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНТРОЛЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ВОСПИТАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

© 2013 г. М. А. Масыч, И. К. Шевченко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

В статье рассматриваются проблемы информационной поддержки реализации инновационных проектов молодежи и студенчества в контексте их мониторинга и контроля реализации органами государственной власти. Одним из решений проблемы является разработка информационной системы, позволяющей осуществлять мониторинг инновационных проектов, их сопровождение, в том числе подготовку конкурсной документации, проведение конкурсных процедур, а также процедуру заключения контрактов.

Ключевые слова: информационная система; обеспечение контроля; инновационные проекты; молодежная политика.

The article deals with the problem of information supporting for the development of youth and students' innovative projects in the context of monitoring and project implementation control by the authorities. One solution is to develop an information system that allows monitoring of innovation projects, their support, including the preparation of tender documentation, tender procedures and contract procedures.

Key words: information system; control; innovation projects; youth policy.

Центральным объектом современных исследований, направленных на поиск путей повышения эффективности научных исследований и их результатов, является, в настоящее время, деятельность научных коллективов и их лидеров. Современные исследовательские проекты все чаще являются междисциплинарными, а монодисциплинарные проекты предполагают разделение предметных и организационных функций внутри. С 1990-х годов в силу процессов глобализации существенно вырос объем инвестиций в междисциплинарные исследовательские инициативы на основе распределенных международных научных коллективов.

Общепризнанной является важность инновационной деятельности образовательных учреждений, построения моделей, способствующих развитию и распространению образовательных инноваций. В настоящее время экономика основывается на знаниях и инновационных технологиях. Уровень инновацион-

ности экономической среды зависит от многих факторов, основными из которых являются накопленный интеллектуальный потенциал, соответствующая нормативно-законодательная база и институциональная основа, наличие инвестиционных ресурсов рискованного характера (венчурного типа). Значительный потенциал кадрового обеспечения инновационной деятельности сосредоточен в системе высшего образования в форме различных творческих коллективов, научных групп, студенческих конструкторских бюро, ядро которых составляют студенты средних и старших курсов, аспиранты.

В связи с этим необходима система поддержки учащейся молодежи в их научно-технической активности, так как студенты являются основным источником кадров для научной среды. Это связано, прежде всего, с тем, что на этапе обучения в вузе, в соответствии с требованиями федеральных государственных стандартов, необходимо привить студенту основные компетентности и

желание заниматься научной деятельностью [1; 2]. Научные мероприятия, проводимые в рамках поддержки инновационных проектов молодежи и студенчества, дают возможность творческим личностям найти новый круг общения и в перспективе создать новый научный коллектив.

В настоящее время существует ряд государственных программ, которые в том числе включают и направления по развитию и поддержке инновационной деятельности молодежи и студенчества: Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 годы; Федеральная целевая программа «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2013 годы»; Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 годы; Программы У.М.Н.И.К. и «СТАРТ» Фонда содействия развитию малых форм предпринимательства в научно-технической сфере. Однако, в настоящее время, несмотря на определенный интерес к научным проектам молодежи и студенчества со стороны государства, проявляемый в рамках конференций, конкурсов, грантов, как правило, после их проведения интерес к этим проектам пропадает. В связи с этим снижается и мотивация научного коллектива, его заинтересованности в результатах своей научной работы. В настоящее время имеются информационные системы поддержки коммерциализации инновационных проектов, но, как правило, направленные на поддержку уже сложившихся, добившихся определенных успехов коллективов и инновационных предприятий [3; 4]. Проблема информационной поддержки реализации инновационных проектов молодежи и студенчества в части доступа, неполноты и неточности представления информации остается актуальной.

Данные причины подтверждаются и статистическими опросами. Большинство молодежных инновационных коллективов просто не представляют себе, какие существуют инструменты государственной поддержки инновационной деятельности, которыми они могли бы эффективно воспользоваться на текущий момент [5]. Причем государственные информационные ресурсы являются самыми

востребованными в обществе, и именно государство является владельцем самого большого объема социально-значимой информации, однако многие государственные органы публикуют неполные и неточные данные [6].

Таким образом, развитие информационной поддержки реализации инновационных проектов молодежи и студенчества, а также взаимодействия на базе интернет-технологий как научных коллективов, так и научных коллективов и заказчиков инновационной продукции позволит: проводить поиск талантливой молодежи, молодежных научных коллективов и созданных ими малых инновационных предприятий; анализировать потребности молодежных научных коллективов в формах и видах поддержки инновационной деятельности; повысить эффективность участия молодежных научных коллективов в программах, направленных на стимулирование инновационной деятельности; выявлять и анализировать факторы, оказывающие отрицательное влияние на реализацию программ, направленных на стимулирование инновационной деятельности молодежных научных коллективов.

Органы государственной власти также имеют потребность в специализированных информационных системах поддержки сопровождения, мониторинга и контроля реализации научно-исследовательских проектов. Так, в рамках НИР «Разработка и внедрение модели взаимосвязи реализации инновационных проектов молодежи и студенчества с социально-экономическим развитием страны», сотрудниками ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет» была разработана информационная система «Инициатива+».

Научно-исследовательский проект направлен на формирование модели реализации инновационных проектов молодежи и студенчества, с учетом их связи с программами социально-экономического развития страны. Модель позволяет осуществлять мониторинг инновационных проектов, их сопровождение, в том числе подготовку конкурсной документации, проведение конкурсных процедур, а также процедуру заключения контрактов. Сформированные базы данных и информационная система, как основные результаты работы, предназначены для реализации

функций мониторинга, контроля и сопровождения проектов развития.

Отправной точкой необходимости создания подобной системы послужили следующие предпосылки: большой документооборот, финансовые средства и поручения, которые необходимо систематизировать и «привязать» к направлениям деятельности и проектам департамента, обеспечение тем самым непрерывных процессов.

Целью разработки информационной системы «Инициатива+» являлось создание базы данных инициатив, которые создаются отделами департамента государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи Министерства образования и науки РФ.

Задачами проекта явились:

— обеспечение информационной поддержки базы данных создаваемых инициатив, проектов и контрактов;

— обеспечение автоматизированного учета и контроля прохождения инициатив, проектов и контрактов от начальника отдела (специалиста отдела) до директора департамента государственной политики в сфере воспитания детей и молодежи и обратно;

— безопасный доступ к содержимому инициатив, проектов, заключенных контрактов в пределах в пределах своей компетенции;

— получение сведений об инициативах, проектах о заключенных контрактах по различным критериям поиска.

Информационная система позволяет проводить администрирование следующих инициатив:

— возможность создания проектов на основе созданных и утвержденных инициатив;

— подготовка конкурсной документации;

— проведение конкурсных процедур;

— заключение контракта;

— оплата проекта.

Инициативы могут создаваться начальниками или специалистами отдела, могут быть следующих видов: мероприятия; федеральная адресно-инвестиционная программа (ФАИП); поручения.

Инициатива обладает статусом согласования и статусом выполнения. Если инициатива обладает статусом согласования, с ней можно выполнять те или иные действия:

«Черновик» — в этом статусе инициатива находится после ее создания до тех пор, пока

руководитель отдела не закончит подготовку инициативы к согласованию.

«Проект» — в этом статусе инициатива находится, пока заместитель директора не согласует инициативу.

«Согласовано» — в этом статусе инициатива находится, пока директор не утвердит ее.

«Утверждена» — в этом статусе инициатива находится после утверждения директором.

Если инициатива обладает статусом исполнения, то во время работы с инициативами пользователь имеет возможность сменить статус выполнения инициатив на один из следующих: «в работе»; «проведено»; «не приступал».

Так, например, инициатива «мероприятие» имеет следующий список полей:

— код направления по плану;

— наименование мероприятия;

— даты начала и окончания проведения;

— место проведения;

— исполнитель;

— соисполнители;

— требуемая сумма по годам;

— оператор;

— описание инициативы;

— основания.

Каждый отдельный проект создается руководителем отдела. Для этого необходимо выбрать инициативы из числа утвержденных. Для создания проекта нужно заполнить поля «название проекта», «номер проекта», «дата создания проекта». Имеется возможность удаления инициативы из проекта, и включения ее в другой проект.

При подготовке конкурсной документации в разработанной информационной системе предусмотрено заполнение двух форм: аннотации по проекту и обоснования стоимости по проекту.

Аннотация проекта включает в себя следующие позиции: название проекта; наименование мероприятия; финансирование проекта по годам; обоснование актуальности выполнения проекта; область практического использования и применения результатов выполнения проекта; цели и задачи, краткое описание проекта; ожидаемые результаты; обоснование стоимости; название вида работ в рамках проекта; основные количественные характеристики вида работ; задача; стоимость.

Обоснование стоимости проекта предусматривает внесение следующих данных: на-

звание вида работ в рамках проекта; основные количественные характеристики вида работ; задача; стоимость.

При проведении конкурсной процедуры информационная система предусматривает отражение следующей информации: дата вскрытия (дата и время); дата рассмотрения (дата и время); адрес рассмотрения; ссылка на сайт государственных закупок; шифр конкурса; номер конкурса.

По итогам конкурсной процедуры вводятся следующая информация: детализированный план; нефинансовые обязательства по контракту; реквизиты исполнителя.

На основе введенной информации информационная система «Инициатива+» предполагает формирование следующих документов: финансовый акт, нефинансовый акт, детализированный план, номер этапа, наименование работ, плановый срок исполнения, фактический срок исполнения.

В системе предусмотрены следующие роли пользователей: руководитель отдела (начальники отделов департамента и/или специалисты отдела), заместитель директора департамента, директор департамента, администратор системы.

Каждому пользователю может быть определена только одна роль. К компетенции руководителя отдела относятся следующие действия:

1. Вносит инициативу и корректирует ее до тех пор, пока редактирование инициативы разрешено в системе.

2. После утверждения инициатив создает проект на основе одной или нескольких инициатив.

3. Подготавливает конкурсную документацию.

4. Может просматривать только свои инициативы на любой стадии работы с ними.

5. Может получать отчеты только по своим инициативам.

Компетенции заместителя директора:

1. Согласование вносимых инициатив, направление инициативы с написанием соответствующей резолюции — на утверждение директору, на доработку инициатору, полное отклонение инициативы.

2. Определение исполнителя созданного проекта.

Компетенции директора:

1. Утверждает инициативы и пишет соответствующую резолюцию.

2. Имеет возможность получения любых отчетов по всем инициативам, проектам и контрактам, предусмотренным в системе.

Компетенции администратора системы:

1. Редактирует справочники.

2. Разрешает или блокирует доступ к системе пользователей.

3. Проводит конкурсные процедуры.

4. Авторизует/блокирует доступ к системе для пользователей.

5. Наделяет правами (ролью) пользователей.

6. Разрешает/блокирует доступ пользователей к системе и может предоставлять определенные права для определенного подразделения.

Общую схему бизнес-процессов информационной системы можно представить в виде, представленном на рис. 1.

Разрабатываемая информационная система соответствует действующим тенденциям научно-технического развития страны и отвечает техническим требованиям перспективного научно-технического развития, направлена на поддержку реализации Указа Президента РФ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки», Бюджетного послания Президента РФ Федеральному собранию «О бюджетной политике в 2013–2015 гг.», Федерального закона №94-ФЗ.

Разработанная система направлена на повышение эффективности реализации инновационных проектов с учетом программ социально-экономического развития России. Научная и практическая значимость разработанной системы заключается в возможности ее применения в Департаменте дополнительного образования детей, воспитания и молодежной политики Минобрнауки РФ, возможности оценивать, контролировать и сопровождать проекты развития за счет имеющихся баз данных и информационной системы.

Литература

1. Боровская М. А., Шевченко И. К., Развадовская Ю. В., Бечвая М. Р. Система стимулирования как инструмент повышения результативности научно-образовательной

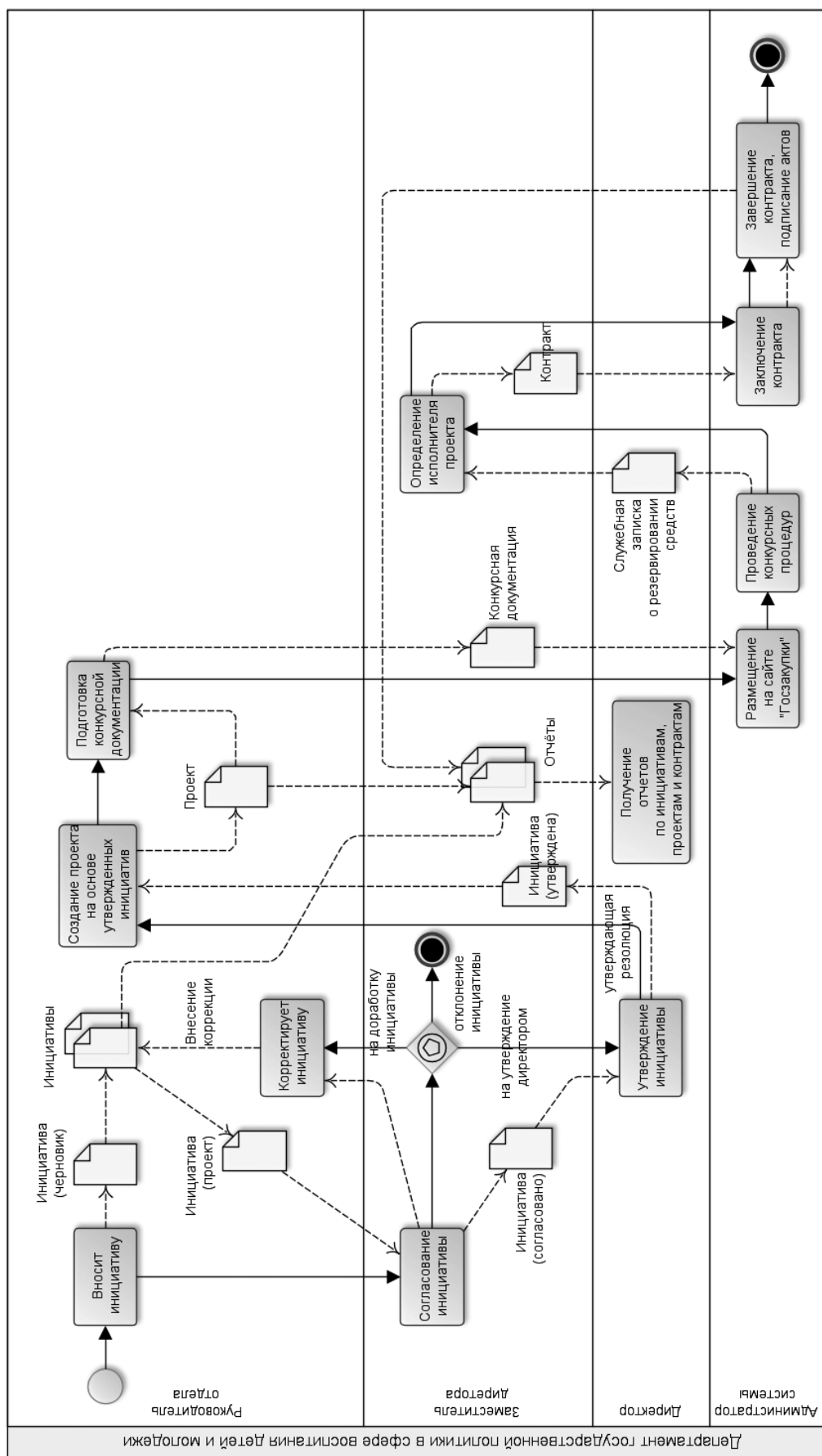

Рис. 1. Схема бизнес-процессов информационной системы «Инициатива+»

деятельности: опыт федеральных университетов. // Университетское управление: практика и анализ. — 2013. — №4. — С. 79–86.

2. Боровская М. А., Масыч М. А., Шевченко И. К. Эффективный контракт в системе стимулирования научно-педагогических работников. // Высшее образование в России. — 2013. — №5. — С. 13–20.

3. Масыч М. А., Федосова Т. В. Развитие методического инструментария для процедур отбора проектов в инновационной сфере. // Экономический анализ: теория и практика. — 2010. — №31(196). — С. 16–21.

4. Боровская М. А., Масыч М. А., Шевченко И. К. Инструментарные средства квали-

метрирования результативности деятельности научно-педагогических сотрудников в системе управления вузом. // Бизнес информ. — 2013. — №5. — С. 106–112.

5. Митрофанов А. С., Митрофанов С. А. Инновационная деятельность учащейся молодежи: монография. — М.: РГУИТП, 2011. — 401 с.

6. Гусев А. В. Государственные и негосударственные интернет-ресурсы и их влияние на молодежную аудиторию. // «Новые информационные технологии». Тезисы докладов XVIII Междунар. студ. конференции-школы-семинара. — М.: МИЭМ, 2010. — С. 3–13.

Поступила в редакцию

8 июля 2013 г.

Марина Анатольевна Масыч — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятия Южного федерального университета.

Marina Anantoliyevna Masych — Ph.D., Candidate of Economics, docent at the Business Economics department of the Southern Federal University.

347922, Ростовская обл., г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44
44 Nekrasovskiy ln., 347922, Taganrog, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8634) 37-14-44; e-mail: mamasych@sfn.edu.ru

Инна Константиновна Шевченко — доктор экономических наук, доцент, декан факультета управления в экономических и социальных системах Южного федерального университета.

Inna Konstantinovna Shevchenko — Ph.D., Doctor of Economics, docent, Dean at the Faculty of Management for the Economic and Social Systems of the Southern Federal University.

347922, Ростовская обл., г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44
44 Nekrasovskiy ln., 347922, Taganrog, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8634) 37-14-44; e-mail: ikshevchenko@sfn.edu.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ

© 2013 г. *Н. А. Левченко*

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

Рассмотрены условия предоставления коммунальных услуг в современной России и связанные с этим особенности контроля их качества. Предложены направления совершенствования управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства с помощью новых информационных технологий.

Ключевые слова: *жилищно-коммунальные услуги; качество; контроль.*

Author analyzed the terms and conditions of the housing and communal services in the nowadays Russia and the distinctive features of quality control methods for these services. The idea of using the modern informational technologies as of the way to improve the quality control methods for the housing and communal services branch is also presented.

Key words: *housing and communal services; quality; quality control.*

Условия предоставления коммунальных услуг закреплены в новых Правилах предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 06.05.2011 г. №354.

Условия предоставления коммунальных услуг связаны [1]:

- с началом предоставления коммунальных услуг;
- с составом коммунальных услуг;
- с характером предоставления коммунальных услуг;
- с объемом предоставления коммунальных услуг;
- с качеством коммунальных услуг.

Состав коммунальных услуг определяется степенью благоустройства многоквартирного дома (МКД) и жилого дома:

- холодное водоснабжение;
- горячее водоснабжение;
- водоотведение;
- электроснабжение;
- газоснабжение;
- отопление.

Согласно новым Правилам, коммунальная услуга интерпретируется как подача соответствующего ресурса с целью обеспечения благоприятных и безопасных условий использования:

- жилых помещений в МКД;
- нежилых помещений в МКД;
- общего имущества в МКД;
- жилых домов (домовладений), а также земельных участков, на которых они расположены.

Кроме того, введены в оборот понятия централизованных сетей инженерно-технического обеспечения, внутриквартирного оборудования и несколько изменено определение внутридомовых инженерных сетей (ВИС). Согласно Правилам, ресурсоснабжающая организация осуществляет подачу коммунальных ресурсов посредством централизованных сетей инженерно-технического обеспечения, а исполнитель коммунальных услуг — с помощью внутридомовых инженерных сетей.

Очевидно, что перечисленные системные изменения в описании каждой коммунальной услуги изложены с учетом указанных новов-

Таблица 1

Характеристика предоставляемых жилищно-коммунальных услуг

№	Коммунальная услуга	Описание коммунальной услуги
1.	Холодное водоснабжение	<p>Снабжение холодной питьевой водой, подаваемой по централизованным сетям холодного водоснабжения и внутридомовых инженерных систем:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в жилой дом (домовладение); — в жилые и нежилые помещения в МКД; — в помещения, входящие в состав общего имущества в МКД; — до водоразборной колонки в случае, когда МКД или жилой дом (домовладение) не оборудован внутридомовыми инженерными системами холодного водоснабжения.
2.	Горячее водоснабжение	<p>Снабжение горячей водой, подаваемой по централизованным сетям горячего водоснабжения и внутридомовых инженерных систем:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в жилой дом (домовладение); — в жилые и нежилые помещения в МКД; — в помещения, входящие в состав общего имущества в МКД. <p>При отсутствии централизованного горячего водоснабжения снабжение горячей водой потребителей в МКД осуществляется исполнителем путем производства и предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению с использованием внутридомовых инженерных систем, включающих оборудование, входящее в состав общего имущества собственников помещений в МКД.</p>
3.	Водоотведение	<p>Отвод бытовых стоков:</p> <ul style="list-style-type: none"> — из жилого дома (домовладения); — из жилых и нежилых помещений в МКД; — из помещений, входящих в состав общего имущества в МКД, по централизованным сетям водоотведения и ВИС.
4.	Электроснабжение	<p>Снабжение электрической энергией, подаваемой по централизованным сетям электроснабжения и ВИС:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в жилой дом (домовладение); — в жилые и нежилые помещения в МКД; — в помещения, входящие в состав общего имущества в МКД.
5.	Газоснабжение	<p>Снабжение газом, подаваемым по централизованным сетям газоснабжения и внутридомовых инженерных систем:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в жилой дом (домовладение); — в жилые и нежилые помещения в МКД; — в помещения, входящие в состав общего имущества в МКД. <p>Продажа бытового газа в баллонах.</p>
6.	Отопление	<p>Подача по централизованным сетям теплоснабжения и внутридомовых инженерных систем тепловой энергии, обеспечивающей поддержание определенной температуры воздуха:</p> <ul style="list-style-type: none"> — в жилом доме; — в жилых и нежилых помещениях в МКД; — в помещениях, входящих в состав общего имущества в МКД. <p>Продажа твердого топлива при наличии печного отопления.</p>

ведений. Так, предоставление (в жилое и нежилое помещения, помещения общего имущества, жилые дома) коммунальной услуги согласно новым Правилам задействует как централизованные сети инженерно-технического обеспечения, так и внутридомовые инженерные сети. Следовательно, статус товарищества собственников жилья (управляющей компании), обслуживающего данные системы, как исполнителя коммунальных услуг, не является формальным. Кроме того, установлено, что в ситуациях отсутствия централизованного горячего водоснабжения или отопления исполнитель производит их с применением оборудования, входящего в состав общего имущества собственников помещений в МКД.

В целом же действующие Правила комментируют качество коммунальных услуг следующим образом. Непосредственно информация о бесперебойности предоставления и качестве коммунальных услуг изложена достаточно кратко (п. 3 новых Правил). Предупреждению нарушений законодательства о регулировании тарифов в рассматриваемой сфере способствует своевременное осуществление мониторинга проектов правовых актов органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления.

Процедура надзора за соблюдением законодательства в области государственного регулирования тарифов на электрическую и тепловую энергию, а также процесс оказания услуг организациями жилищно-коммунального комплекса приобретают особую значимость в период мирового финансового кризиса по причине их особой значимости в обеспечении процесса жизнедеятельности населения.

Региональные органы регулирования должны осуществлять надлежащий контроль применения регулируемых цен (тарифов), проводить проверки правильности применения устанавливаемых тарифов, применять меры по привлечению виновных лиц к административной ответственности.

В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. [7] детально отрегулированы полномочия органов местной власти, а именно изложен перечень вопросов местного значения,

за которые отвечает муниципалитет. Среди этих вопросов значительное внимание уделено вопросам организации на территории муниципального образования электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжение населения топливом; обеспечение малоимущих граждан, проживающих на территории муниципального образования и нуждающихся в улучшении жилищных условий, жилыми помещениями в соответствии с жилищным законодательством; организация строительства и содержания муниципального жилищного фонда, создание условий для жилищного строительства и др.

Решению указанных задач способствует реализация национальных приоритетных проектов, включая проект «Доступное и комфортное жилье», что предполагает соблюдение законов и основанных на них иных нормативных правовых актов, направленных на обеспечение жилищных прав граждан. Эта сфера настолько важна для жизни людей, что, например, отступления от требований законов при установлении тарифов в сфере ЖКХ, как показывают многочисленные примеры последних лет, способны вызвать массовое недовольство, выступления граждан, социальную напряженность.

Важно подчеркнуть, что регулирование тарифов в сфере ЖКХ на коммунальные услуги осуществляется в значительном объеме нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления и их должностных лиц. Тарифы на электрическую и тепловую энергию представляют собой систему ценовых ставок, по которым осуществляются расчеты потребителей за электрическую энергию (мощность) и тепловую энергию (мощность). В соответствии с ФЗ от 14 апреля 1995 г. «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» [8], и ФЗ от 30 декабря 2004 г. «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» [9], регулирование тарифов на электрическую и тепловую энергию осуществляется государством на основе установления экономически обоснованных тарифов (цен, платы за услуги) на электрическую и тепловую энергию и их предельных уровней. Тарифы устанавливаются, как пра-

вило, ежегодно и не могут изменяться чаще одного раза в год.

Необходимо заметить, что предельные уровни тарифов на электрическую и тепловую энергию, поставляемую энергоснабжающими организациями потребителям, в том числе для населения, устанавливаются постановлениями Правительства РФ ежегодно до внесения проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год в Государственную Думу Федерального Собрания РФ и вводятся в действие с начала очередного финансового года. Надо также иметь в виду, что в рамках предельных уровней, установленных Правительством РФ, органы исполнительной власти субъектов федерации в области государственного регулирования тарифов также устанавливают тарифы на электрическую и тепловую энергию, поставляемую энергоснабжающими организациями потребителям, в том числе населению, на очередной финансовый год.

Органы местного самоуправления своими правовыми актами устанавливают надбавки к тарифам на электрическую энергию, поставляемую энергоснабжающими организациями потребителям, а также надбавки к тарифам на товары и услуги организаций коммунального комплекса — производителей товаров и услуг в сфере электро- и теплоснабжения, в том числе тарифы этих организаций на подключение и тарифы на подключение к системам коммунальной инфраструктуры в сфере электро- и теплоснабжения.

Вместе с тем, органы местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения в пределах своих территорий (поселений, муниципальных районов и городских округов) самостоятельно регулируют тарифы на товары и услуги организаций коммунального комплекса, тарифы на подключение к системе коммунальной инфраструктуры, тарифы организаций коммунального комплекса на подключение, надбавки к тарифам на товары и услуги организаций коммунального комплекса, надбавки к ценам (тарифам) для потребителей [6].

Очевидно, при определении тарифов важно, чтобы правовой акт был принят компетентным органом или должностным лицом, а также соответствовал требованиям Закона о регулировании тарифов, не ущем-

лял законные права и интересы граждан, был доведен до сведения потребителей. В этой связи представляется, что совершенствование деятельности органов местного самоуправления в вопросах жилищно-коммунального обслуживания должно осуществляться в двух основных направлениях. Первое направление базируется на оптимальном правовом регулировании полномочий федеральных, региональных и муниципальных органов власти в части установления тарифов на услуги жилищно-коммунального комплекса. Актуальным является интегрирование всех норм жилищно-коммунального комплекса в единый нормативно-правовой акт федерального значения (сегодня нормы разбросаны в десятках актов разного уровня, и в них трудно разобраться даже специалистам).

Второе направление связано с задачей монополизации жилищно-коммунальной отрасли. Очевидно, приоритетным является увеличение конкуренции между хозяйствующими субъектами, что будет способствовать соблюдению жилищно-коммунальных прав граждан.

В целом, инновации в жилищно-коммунальном хозяйстве целесообразно разделить на три группы [4]:

— относительно простые, не требующие закупки дополнительного оборудования и обучения персонала;

— средней степени сложности (требуется закупка дополнительного оборудования, специальной техники, помещений и обучение персонала);

— сложные и повышенной сложности внедрения (требуется закупка или переоборудование предприятия и повышение квалификации персонала).

Основными принципами управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства на основе инноваций являются следующие:

1. Внедрение инноваций в процесс производства жилищно-коммунальных услуг следует производить только в том случае, когда это может дать существенный экономический либо экологический эффект.

2. Внедрение инноваций в процесс производства жилищно-коммунальных услуг должно быть выгодно как для их производителей, так и для их потребителей.

3. Государством должны быть предложены льготы по уплате налога на прибыль, на добавленную стоимость, по уплате налогов, отчисляемых в бюджет субъекта (земельный налог), распространяемых на предприятия, осуществляющие производство и внедрение отечественного инновационного оборудования в сфере услуг жилищно-коммунального хозяйства.

4. Государство должно участвовать в стимулировании и финансовой поддержке инициативы строительных компаний и объединений собственников жилья по мероприятиям, направленным на децентрализацию отопления (мини-ТЭЦ, индивидуальные котельные).

5. При производстве энергии с применением инноваций следует уделять больше внимания использованию природных энергетических ресурсов: солнечному излучению, геотермальным источникам, силе ветра, низким температурам воздуха в зимние месяцы для охлаждения и т. д.

6. Недопущение потерь энергоносителей в инженерных сетях жилищно-коммунального хозяйства. Для этого они должны быть надежно защищены от негативного воздействия окружающей среды: коррозии, деформации.

7. Для энергии, которую потребитель не в состоянии израсходовать в полной мере, нужно найти покупателя.

8. Применение инноваций в потреблении электроэнергии позволяет ее аккумулировать (в виде тепла, сжатого воздуха и т. д.).

9. Внедрение инноваций в области снижения энергопотребления зданий или оборудования не приведет к экономии ресурсов или денежных средств без установки узлов учета на всем пути производства, транспортировки и потребления энергоресурсов.

10. Следует уделять повышенное внимание скрытым способам регулирования теплопотребления.

11. Качество услуг жилищно-коммунального хозяйства в совокупности будет тем выше, чем больше предприятий и многоквартирных домов участвует в процессе внедрения инноваций.

12. Качество услуг жилищно-коммунального хозяйства зависит от своевременного выявления причин несовпадения фактических результатов работы системы в целом и

отдельных ее элементов с желаемыми, формулировки и решения проблем, оценки ожидаемых и учета реально полученных эффектов от внедрения инноваций в процесс производства жилищно-коммунальных услуг.

Технико-экономическими показателями повышения качества услуг жилищно-коммунального хозяйства на основе инноваций являются следующие:

1) Изменение состояния жилищного фонда и прилегающих инженерных сетей, а также состояния придомовой территории в динамике (оценка объектов по шкале: новое (от 1 до 3 лет), относительно новое (от 4 до 7 лет), средней изношенности (от 8 до 25 лет), высокой изношенности (от 26 до 40 лет), ветхое (свыше 40 лет) и аварийное). Высокой эффективностью будут обладать инновации, после внедрения которых применительно к конкретному дому, его состояние будет оценено как отличное при большем возрасте.

2) Изменение технического состояния оборудования, инженерных сетей и производственных мощностей поставщика жилищно-коммунальных услуг в динамике.

3) Уровень бесперебойности и соответствия нормативам предоставляемых жилищно-коммунальных услуг.

4) Изменение скорости (времени) и качества выполнения заявки после внедрения инновации.

К экологическим показателям относятся:

1) Изменение качества (цвет, вкус, химический состав) поставляемой в дома воды в динамике.

2) Уровень заболеваемости граждан — потребителей воды, в динамике.

3) Изменение уровня загрязненности окружающей среды (выбросом вредных веществ в почву, атмосферу, сливом токсичных отходов в воду и т. д.) в динамике (до и после внедрения инновации).

Таким образом, используя предложенный метод совершенствования управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства на основе инноваций, предприятие жилищно-коммунального хозяйства повысит качество предоставляемых потребителям жилищно-коммунальных услуг с минимальными затратами. Для повышения качества услуг жилищно-коммунального хозяйства предлагается внедрение информационных техно-

логий и объединение их в интегрированную информационную систему:

— в сфере начисления платежей за услуги жилищно-коммунального хозяйства, включая ведение взаиморасчетов между поставщиками услуг и населением, в объектовом учете (контроль поставщиками услуг количества проживающих, начислений, оплаты, сведения о долгах и должниках, работа с приборами учета, инженерным оборудованием, премирование сотрудников предприятия жилищно-коммунального хозяйства и т. д.);

— в системе управления заявками и качеством услуг в электронном виде (мониторинг полученных заявок и процесса их выполнения) с использованием локальных сетей, серверов, в аварийно-диспетчерских службах.

На основе зарубежного опыта автором предложены следующие направления совершенствования управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства с помощью новых информационных технологий:

1. Разработка и совершенствование нормативно-правовой базы обеспечения контроля жилищно-коммунального хозяйства с помощью информационных технологий.

2. Стимулирующая налоговая политика в отношении фирм-разработчиков программного обеспечения для автоматизации управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства.

3. Создание и внедрение комплексной системы мониторинга развития жилищно-коммунального хозяйства в РФ, а также государственная финансовая поддержка застройщиков при строительстве нового жилья с применением энергосберегающих технологий.

4. Предоставление при сдаче дома застройщиком пакета документов, включающего его паспорт, в электронной версии и регистрация в базе данных городских органов власти.

5. Предоставление государством информации инвесторам, производителям и потребителям о преимуществах внедрения информационных технологий в процесс управления качеством услуг жилищно-коммунального хозяйства.

Литература

1. *Калинина И. Н.* Предоставление коммунальных услуг: требования и условия. // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2011. — №10.

2. *Козырева С. Н.* Новые правила предоставления коммунальных услуг. // Жилищно-коммунальное хозяйство: бухгалтерский учет и налогообложение. — 2011. — №6.

3. *Михайлова К. А.* Административная ответственность за нарушения, связанные с содержанием жилых домов и оказанием населению коммунальных услуг. // Жилищное право. — 2011. — №5.

4. *Стрельченко В. В.* Инновационные решения в системе менеджмента качества на предприятиях жилищно-коммунального хозяйства [Электронный ресурс] / Современные проблемы науки и образования (электронный журнал). — Режим доступа: <http://www.science-education.ru>, свободный. — Загл. с экрана.

5. *Шишкина Е. Н.* Обеспечение жителей муниципальных образований качественными жилищно-коммунальными услугами: проблемы правового регулирования и практики органов местного самоуправления. // Общество и право. — 2009. — №1.

6. *Паламарчук А.* Надзор за исполнением законодательства, регулирующего установление тарифов на тепловую и электрическую энергию, товары и услуги организаций жилищно-коммунального комплекса. // Законность. — 2009. — №4.

7. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. (ред. от 15.04.2008 г.).

8. Федеральный закон «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации» от 14 апреля 1995 г.

9. Федеральный закон «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» от 30 декабря 2004 г.

Наталья Александровна Левченко — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление и экономическая теория» Южно-Российского государственного технического университета (НПИ).

Natalya Aleksandrovna Levchenko — Ph.D., Candidate of Economics, docent at the South-Russian State Technical University (NPI) «Public and Municipal Administration and the Economic Theory» department.

132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел. +7 (8635) 2-5-01-28; e-mail: novochocho@rambler.ru
346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132.

Гранты (стипендии) для обучения в магистратуре по программе MARiHE в Европе и Китае

Принимаются заявки на обучение в магистратуре по программе MARiHE – Master in Research and Innovation in Higher Education (Научные исследования и инновации в высшем образовании), учрежденной и администрируемой Европейской комиссией в рамках программы Erasmus Mundus.

К участию в программе приглашаются выпускники вузов, имеющие диплом бакалавра или специалиста, планирующие совершенствоваться в административной сфере высшего образования.

Консорциум университетов MARiHE образован тремя европейскими и одним китайским университетом:

- Danube University Krems (Austria) – Дунайский университет г. Кремс, Австрия;
- Beijing Normal University (China) – Пекинский педагогический университет, Китай;
- University of Applied Sciences Osnabrück (Germany) – Университет прикладных наук г. Оснабрюк, Германия;
- University of Tampere (Finland) – Университет Тампере, Финляндия.

В рамках программы обучение проходит по двум направлениям:

- исследования и аналитика;
- менеджмент.

Ближайший срок приема документов для претендующих на получение стипендии – 9 декабря 2014 года.

Подробная информация опубликована на сайте программы:
<http://www.marihe.eu/index.php?id=1>

УДК 378.1

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ И ЗНАНИЯМИ С ПОМОЩЬЮ ATLISSIAN JIRA© 2013 г. **И. С. Анненков*****Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова
Российской академии наук, г. Москва***

Рассматривается управление знаниями, которое реализуется при использовании Atlassian JIRA, предназначенной для управления процессами. Описаны основные функционалы JIRA, а также инструменты, с помощью которых кодифицируются данные, информация и производятся знания.

Ключевые слова: *управление знаниями; управление бизнес-процессами; кодификация; аналитика; отчеты; JIRA.*

Author examined the knowledge management methods, realized by using Atlassian JIRA system that is worked out for the daily used intended for the process management. The basic functionality of JIRA, and also the set of tools for data and information codification, and production of knowledge are described.

Key words: *knowledge management; management of the business process; codification; analytics; reports; JIRA.*

В современных компаниях, особенно тех, что работают в сфере ИТ (Information Technology — информационные технологии), очень быстро растут объемы информации, она постоянно видоизменяется, устаревает или снова становится актуальной, что создает определенные сложности в ее обработке и превращении в знания. Последнее необходимо для извлечения прибыли и повышения эффективности работы организации.

Превращение информации в знания и поддержание их в актуальном состоянии позволяет создать надежную основу для информационных проектов, кроме того, сами по себе знания имеют большую ценность, т. к. представляют собой не сырье, как информация, а конечный продукт.

Тем не менее, в условиях, когда с информацией происходят различные непрогнозируемые метаморфозы, знания, полученные из этой информации, должны сохранять тот же динамический потенциал, а значит повторять весь путь, иными словами — необходимо сохранять все этапы процесса, которые проходит информация.

Информация, которая участвует в производственных процессах, может изменяться хаотически, однако, любой поворот происходит на строго определенных этапах — этапах рабочего процесса. В качестве примера можно взять организации, работающие в сфере электронной торговли и производящие свои веб-интерфейсы (системы взаимодействия пользователя с программным обеспечением, размещенным на сервере, с помощью своего браузера, например, управление собственным заказом в интернет магазине). Такая разработка всегда проходит следующие этапы:

- постановка задачи;
- выполнение задачи разработчиком;
- тестирование задачи;
- дополнительные работы по задаче, такие как документирование, дизайн-контроль и т. д.;
- внедрение задачи.

Именно на каждом таком этапе информация может изменяться, поэтому для фиксации каждого изменения, необходимо четко фиксировать все, что происходит на каждом

этапе. Естественно, вручную это сделать невозможно, поэтому используются различные программные комплексы, например Atlassian JIRA.

Atlassian JIRA — платформа с открытым кодом, предназначенная для управления жизненным циклом рабочих процессов. Используется для организации технического сопровождения функционирования ИТ и иных систем (например, Service Desk — программное решение, предназначенное для организации технического сопровождения функционирования программно-технических комплексов, коммуникационных сетей, бизнес-приложений). Позволяет отслеживать актуальный статус решения задач в режиме реального времени. Разработана австралийской компанией Atlassian Software Systems.

Платформа также предоставляет функционал для управления проектами и позволяет разбивать их на этапы, настраивать типы задач, связывать задачи между собой, назначать ответственных по различным направлениям, настраивать роли участников процессов, формировать отчеты. Работа в Atlassian JIRA происходит через веб-браузер без установки клиентских приложений на рабочих местах. Система масштабируема и подходит как для организаций с небольшим количеством сотрудников (менее 10 человек), так и для более крупных предприятий (от 200 человек).

Atlassian JIRA не единственное решение подобного плана, однако, в связи с политикой открытого кода и удобством использования оно является наиболее популярным на сегодняшний день, об этом говорит список компаний, которые его используют, среди них страховая группа МСК; Билайн; Яндекс; Альфа-Банк; АльфаСтрахование; Газпромбанк; Ренессанс страхование; Тинькофф; Спортмастер; Уралсиб; КИТФинанс; Alpari; Qiwi; Intouch; Skype; Apache Foundation; Alfresco и др.

Данный продукт имеет большое значение, если рассматривать его в контексте управления знаниями: сейчас ситуация складывается так, что само по себе управление знаниями не представляет большого интереса для организаций, однако, свою актуальность и необходимость оно не потеряло, а стало основой для решений, подобных JIRA. Дело в том, что данный комплекс в первую очередь позволяет быстро и в рамках установленных

процессов кодифицировать всю информацию и данные, которые касаются производственной деятельности организации (мы говорим о сфере ИТ, где производственной деятельностью является разработка программных решений, создание и проверка кода, тестирование и аналитика), а также с помощью хорошей системы формирования отчетов и фильтров — генерировать знания.

Фиксация всех этапов рабочего процесса в одном, уникальном объекте учета представляет собой эффективный подход, т. к. такие объекты учета сохраняются длительное время и в любой момент времени можно обратиться к ним и понять как, кем, когда, зачем, почему и каким образом была выполнена конкретная задача, какие проблемы возникали в процессе ее решения и как они разрешались.

Основным объектом учета и управления в Atlassian JIRA является страница с задачей, которая называется «запрос», этот запрос содержит информацию о том, что нужно сделать, о том, что сделано, кем сделано, какой путь уже прошел данный запрос, и сколько времени было затрачено каждым участником процесса во время работы с этим запросом (рис. 1).

Именно эта страница и является документом, где сохраняются данные и знания. В поле «описание» указывается, для чего нужен данный запрос, и каким образом его рассматривать и выполнять. После этого запрос назначается на исполнителя, в него включаются и другие роли, которые будут участвовать в процессе работы, при этом данный запрос попадает от одного участника к другому по нажатию кнопки, без каких-либо иных сложных процедур — все пользователи работают с одним и тем же документом, по необходимости, изменяя и дополняя его.

Например, разработчик закончил создание некоего функционала, теперь функционал нужно проверить на наличие ошибок и соответствие заданию, поэтому разработчик переводит запрос на тестировщика, снабжая запрос необходимыми комментариями.

Если проанализировать подобный процесс, то можно сделать вывод о том, что здесь решается сразу ряд проблем управления знаниями:

Во-первых, при создании, запрос уже может содержать большое количество по-

лезной информации — заголовок, требуемые действия над запросом (документирование, дизайн-контроль, код ревью и т. д.), тип запроса, его приоритет и важность, принадлежность запроса и т. д., причем все эти позиции могут быть изменены и настроены с помощью администраторской панели управления Atlassian JIRA, т. е. можно изначально задавать те необходимые поля и условия их заполнения, которые необходимы в конкретном проекте.

Во-вторых, в поле «описание» формулируются требования и детали запроса, иными словами, кто-то должен потратить время и кодифицировать информацию и данные, превратив их в описание запроса.

В-третьих, происходит постоянное логирование (сохранение данных об изменениях) всего, что происходит с запросом, таким образом, сохраняется информация о том кто, когда и что именно делал с этим запросом.

Таким образом решается основная проблема управления знаниями: интеграция сотрудников в систему управления знаниями — в данном случае интеграция отпадает как ру-

диментарный элемент, для людей управление знаниями становится неразрывно связано с рабочим процессом и не может быть разделено без нарушения последнего. Таким образом, мы можем заметить, что использование систем типа Atlassian JIRA приводит к тому, что люди не только активно кодифицируют информацию и данные, но также и используют саму систему для генерации знаний, пользуясь поиском, создавая отчеты и фильтры и как результат — новые запросы.

Для того чтобы понять, каким образом кодифицируется информация и генерируются знания, необходимо рассмотреть основной функционал.

Atlassian JIRA позволяет создавать проекты (в рамках проектной деятельности либо обработки запросов пользователей в рамках системы Service Desk) и управлять ими с помощью набора функций, сгруппированных следующим образом:

- типы объектов учета;
- бизнес-процессы;
- настройки (общие опции конфигурации проекта);

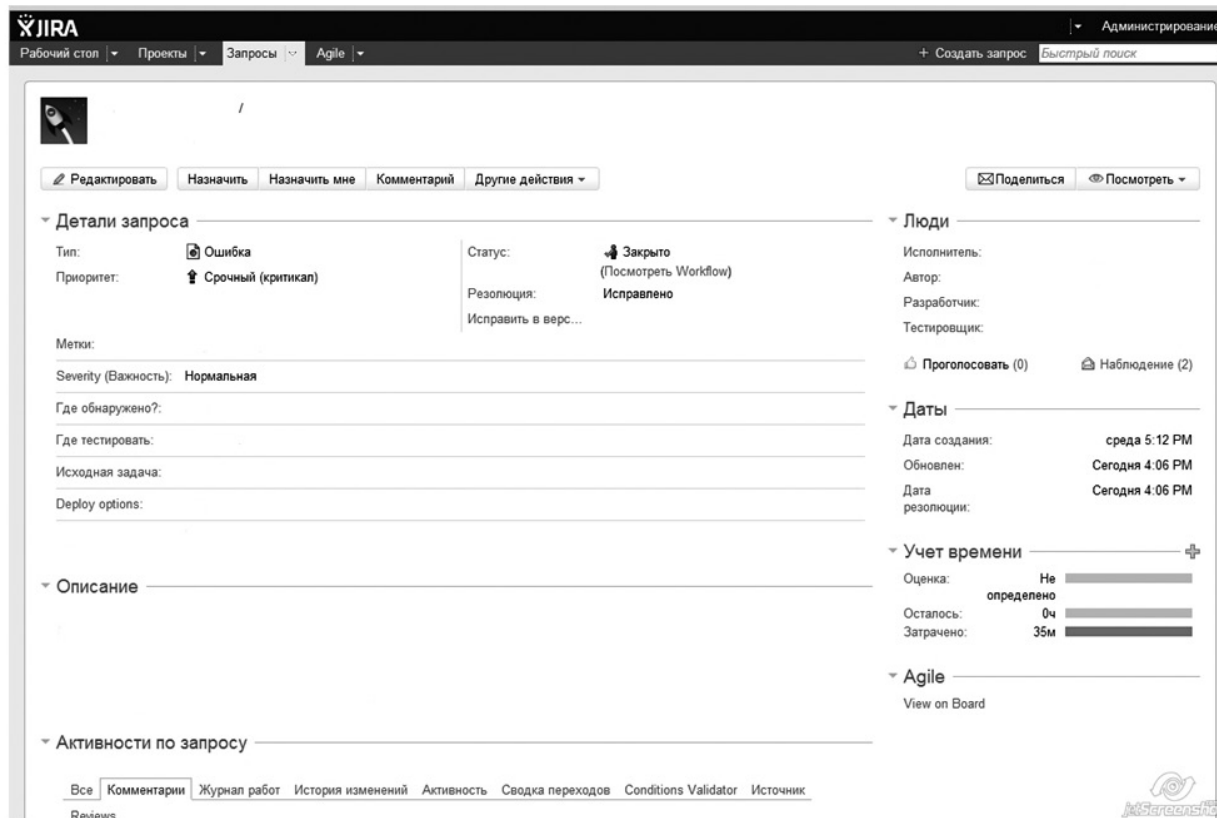

Рис. 1. Страница запроса

- пользователи/роли пользователей;
- продукты/версии продуктов;
- компоненты проекта;
- схема прав доступа;
- схема уведомлений;
- схема управления экранами проекта;
- настройки дополнительных пользовательских полей.

Atlassian JIRA позволяет искать задания в проекте по целому набору критериев и со-

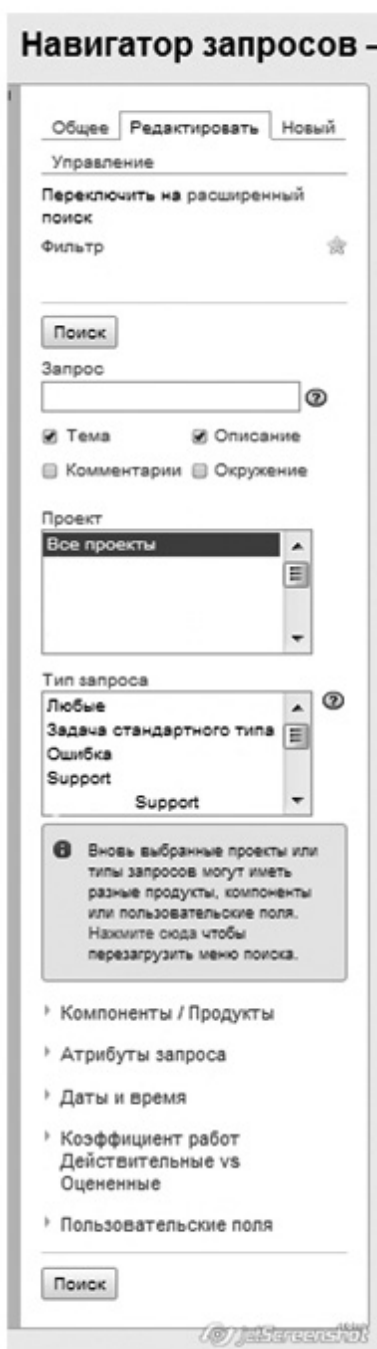

Рис. 2. Панель фильтров

здавать фильтры, которые можно сохранить и использовать постоянно, а также сделать общедоступными и организовать автоматическую рассылку результатов работы фильтров членам рабочей группы.

Каждая функция обладает большим количеством настроек, что позволяет тонко настраивать JIRA под нужды конкретного проекта. Немаловажным фактором также является и то, что каждый проект может содержать разные бизнес-процессы для отдельных типов задач. Например, есть разработка нового функционала, а есть эксплуатация и исправление ошибок в существующем, это два разных процесса, которые необходимо разделять, не выходя при этом за рамки проекта.

Для организации работы с пользователями Atlassian JIRA позволяет образовывать группы пользователей и назначать им роли. Платформа обладает гибкой системой разграничения и контроля доступа к проектам, задачам и функциям, основанной на членстве пользователей в группах и их ролях.

Типичные роли участников проекта в Atlassian JIRA включают:

- администратора;
- руководителя проекта;
- исполнителей, работающих над проектом;
- сторонних сотрудников, которые опосредованно причастны к проекту.

Для аналитических целей Atlassian JIRA создает карту проекта (project roadmap), позволяет просматривать загрузку каждого пользователя и позволяет создавать следующие стандартные отчеты для эффективного управления проектами:

- нерешенные высокоприоритетные задачи;
- количество задач, созданных одним пользователем;
- среднее время решения задачи;
- отношение реального и запланированного времени решения задач;
- количество задач, созданных в день, неделю, месяц, год;
- задачи, назначенные для указанной версии или этапа;
- задачи, имеющие определенные статус;
- задачи, имеющие определенный приоритет;

- отчет по использованию времени;
- отчет о затратах времени на выпуск определенной версии;

- отчет о нагрузке на разработчиков.

Atlassian JIRA может работать через защищенное соединение с применением SSL. Имеется возможность просмотра хранилища файлов CVS (система конкурентных версий). JIRA имеет опубликованный программный интерфейс, обеспечивающий программный доступ к основным функциям системы (SOAP API), расширения, позволяющие дополнять систему собственными сервисами для решения специфических задач предприятия.

Платформа позволяет создавать задачи через e-mail, что автоматизирует и убыстряет работу. Решение может интегрироваться не только с распространенными системами версионного контроля Subversion и Git, но и с другими системами (Perforce, VSS, Mercurial, Bazaar), а также с Salesforce.com, Agile, инструментами Rally Software, системой управления тестами Zephyr и десятками других. Благодаря архитектуре с поддержкой плагинов, возможности расширения системы практически безграничны. Существует уже более 100 готовых бесплатных расширений, не говоря уже о возможности написания собственных с помощью инструмента SDK, предоставляемого Atlassian.

При анализе Atlassian JIRA с точки зрения управления знаниями можно выделить основные направления, которые позволяют генерировать новое знание: задачи; фильтры; отчеты.

Задачи — являются основным способом создания нового знания, оно получается в результате всего рабочего процесса, по этапам которого движется запрос. Когда запрос входит в систему, он представляет собой совокупность необработанных данных, на выходе же запрос представляет собой решенную задачу. При этом запрос остается в системе и к нему можно вернуться в любой момент.

Фильтры — система позволяет пользователю создавать как собственные фильтры, так и использовать открытые фильтры других пользователей (необычный подход, обычно использующийся в социальных сетях). С помощью фильтров можно следить за определенными процессами и статусами запросов.

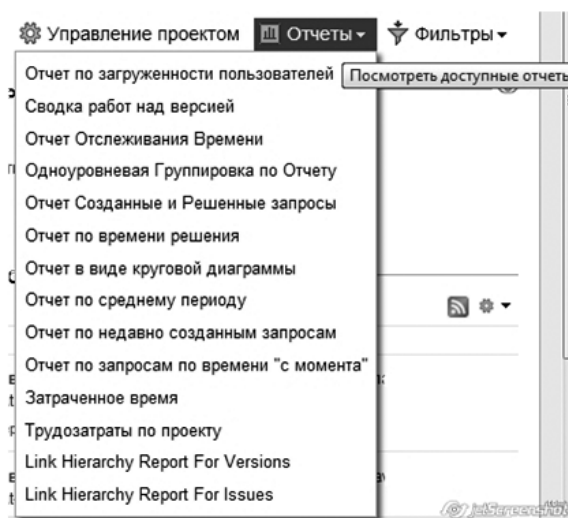

Рис. 3. Доступные отчеты по проекту

Фильтры позволяют осуществлять быстрый поиск, а также есть возможность создавать отчет по результатам работы фильтров (рис. 2).

Отчеты — необходимый элемент аналитики, отчеты строятся как по определенным фильтрам, так и по всему проекту в целом. В меню управления проектом есть пункт, в котором можно выбрать любой из доступных отчетов, этот список можно настраивать. Особое внимание можно уделить отчетам по затраченному времени, из которых хорошо видно, какие задачи были приоритетны (рис. 3).

В условиях высокой конкуренции, введение отдельных и уникальных систем управления знаниями могут позволить себе только крупные корпорации, мелким и средним компаниям нужно находить компромиссные решения, одним из которых можно назвать Atlassian JIRA и ее аналоги. С помощью данного продукта можно не только строить и контролировать бизнес-процессы, но и кодифицировать данные, информацию с последующим анализом и выгрузкой отчетов, при этом фиксируются все действия, сделанные на каждом из этапов работы над задачей и можно в любой момент поднять эти записи и использовать их.

Литература

1. Atlassian Jira [Электронный ресурс] / PingWin Software. — Режим доступа: <http://>

www.pingwinsoft.ru/pages/resheniya/platformi/atlassian-jira, свободный (18.08.2013). — Загл. с экрана.

2. Кто уже использует Jira [Электронный ресурс] / Atlassian Platinum Expert. — Ре-

жим доступа: <http://www.teamlead.ru/pages/viewpage.action?pageId=3375261>, свободный (18.08.2013). — Загл. с экрана.

Поступила в редакцию

15 июля 2013 г.

Иван Сергеевич Анненков — научный сотрудник Института проблем управления им. В. А. Трапезникова Российской академии наук.

Ivan Sergeevich Annenkov — research officer at the V. A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of Russian Academy of Sciences.

117997, г. Москва, ул Профсоюзная, 65
65 Profsoyuznaya st., 117997, Moscow, Russia
Тел.: +7 (495) 334-89-10; e-mail: Annenkovivan@gmail.com

Машиностроение-2014

5-я Международная специализированная выставка продукции машиностроения, промышленного оборудования, производственных технологий, станков и инструмента

Сроки проведения: 08.04.2014 – 11.04.2014

Место проведения: Белоруссия, Минск, пр-т Победителей, 20/2

Организатор: ЗАО «Минскэкспо»

Тел.: +375-17-226-91-93

E-mail: metall@minskexpo.com

Сайт выставки: http://www.minskexpo.com/r_calendar2014_31

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РЕИНЖИНИРИНГ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

© 2013 г. А. С. Захарченков, С. А. Мехович

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт», г. Харьков, Украина*

В статье изложены концептуальные вопросы технологической санации проблемных машиностроительных предприятий. Отдельное внимание уделено реинжинирингу производства, как наиболее привлекательному механизму инновационных преобразований. Рассмотрены сущность и виды составляющих технологического реинжиниринга.

Ключевые слова: технологические процессы; технологический реинжиниринг; конкурентоспособность; инновационные преобразования; гибкие производственные системы; эффективность; машиностроение; концепция.

Authors present a list of actual and conceptual questions that should be decided during the technological reorganization of the inefficient machine-building enterprises. Authors' special attention is also paid to the re-engineering of the production, as to the most appeal way of developing the innovation reformation. The ideas and «component parts» of the technological re-engineering processes are examined.

Key words: technological processes; technological re-engineering; competitiveness; innovations; flexible production systems; efficiency; engineer; concept.

Процессы, связанные с формированием рыночных отношений на постсоветском пространстве, повлекли за собой существенные структурные изменения в промышленном секторе экономики. Оставшиеся «на плаву» промышленные предприятия стран СНГ оказались неконкурентоспособными. Произошло глобальное перераспределение рынков сбыта. Изменились требования и к современному производству, основными из которых можно назвать гибкость, быстрое реагирование на запросы рынка и другие. Решить эти задачи без использования прогрессивных технологий и внедрения новых, зачастую комбинированных технологических процессов без их комплексной автоматизации, роботизации и применения гибких производственных систем (ГПС) невозможно.

Наиболее актуальной задачей, стоящей перед наукой и производством при разработке современных технологических систем в

машиностроении, является развитие базовых технологий, на основе которых проектируются технологические процессы, создаются ГПС и формируются основные бизнес-процессы. Чтобы справиться с этой задачей, необходимо решить ряд проблем, имеющих научно-прикладное значение.

К числу таких проблем необходимо отнести, прежде всего, методики проведения реинжиниринговых преобразований технологической основы машиностроительных предприятий одновременно с выпуском основной продукции (дискретный характер производства это позволяет), поскольку это является главным источником финансирования инноваций. В настоящее время отсутствует методологическая база проведения диагностического анализа функционально-технологической основы машиностроительного производства для осуществления необходимых реинжиниринговых преобразований, учи-

тывая их интерактивный характер. Не решен пока еще вопрос создания методики экономической оценки синергетической эффективности реинжиниринговых преобразований и ряд других не менее важных проблем.

Авторами реинжинирингового подхода к проведению организационных изменений являются М. Хаммер и Дж. Чампи. Они определили реинжиниринг как принципиальное переосмысление и радикальную перестройку бизнес-процессов, а сама суть реинжинирингового подхода по их мнению состоит в том, чтобы управлять компаниями через эти процессы [1]. Проблемы реинжиниринга исследовал К. Гринт [2]. Основываясь на анализе исторических предпосылок разнообразных организационных изменений, которые М. Хаммер и Дж. Чампи приписывают реинжинирингу, он утверждает, что реинжиниринг не является ни чем-то особенно новым, ни внутренне последовательным. К. Гринт считает, что причину популярности реинжиниринга надо искать в совместимости между идеями сторонников реинжиниринга и сторонников других современных концепций, а также между новизной этих идей [2]. Методические вопросы проведения реинжиниринга в своем исследовании рассматривали Т. Хесс и Л. Брехт [3]. Они пришли к выводу, что вторым после информационных технологий ключевым фактором успешного проведения реинжиниринговых преобразований можно считать командную работу. Они также установили, что пока еще нет общепринятого способа анализировать и определять бизнес-процессы. Наряду с принятием на Западе концепции реинжиниринга, она была подвергнута и жесткой критике. Одни считали, что ее надо просто отклонить как недолгую причину управления. Другие утверждали, что в реинжиниринге нет ничего нового и что это не что иное, как старые идеи, облеченные в новые формы [4]. В определенной мере была подвергнута сомнению и эффективность реинжиниринга.

М. Хаммер считал, что причина критики кроется в отсутствии широкой реинжиниринговой практики. По его мнению, одной из причин, по которой реинжиниринговые инициативы оказались неспособными достичь ожидаемых результатов было то, что для перепроектирования выбирались не те

процессы, которые могли бы в корне изменить производительность организации. Как авторы основной концепции реинжиниринга, М. Хаммер и Дж. Чампи отстаивают позицию, что все неудачи связаны с неправильным его использованием или непониманием его сущности, а отнюдь не с недостатками, присущими самой концепции.

Тем не менее, несмотря на противоречивое отношение к реинжинирингу, он продолжает оставаться достаточно популярной концепцией в управленческой литературе. Его также нередко рассматривают в числе подходов к изменениям бизнес-процессов во многих консалтинговых фирмах и организациях. Особая активность в поиске эффективных механизмов реинжиниринга характерна для последнего десятилетия прошлого века. В этих исследованиях можно выделить три методологических подхода: теоретический, консалтинговый и пользовательский. Все они декларируют возможность повышения конкурентоспособности на основе совершенствования бизнес-процессов.

Целью проведенного авторами исследования является анализ процесса проведения реинжиниринга и формирование концептуальной основы технологического реинжиниринга, как инструмента для осуществления инновационно-технологического прорыва в машиностроении.

В западном мире (и, в первую очередь, в США) реинжиниринг приобретает все большую и большую популярность. Чтобы проиллюстрировать эту тенденцию, приведем несколько цифр. Компании США затратили на проекты по реинжинирингу бизнес-процессов (BPR) в 1994 году около 37 млрд. долларов. В последующие годы рост затрат на решение этих задач держится на уровне около 19% в год. По данным компании Ernst & Young, 100 крупнейших банков Северной Америки затратили в 1999 году около 3,9 млрд. долларов только на реинжиниринг своих подразделений. За последние полтора года правительство США инициировало более 250 проектов по реинжинирингу, а сегодняшний рынок инструментальных средств поддержки BPR оценивается более чем в 100 млн. долларов и растет со скоростью около 60% в год. По результатам опроса, проведенного Ernst & Young среди финансовых

директоров 80 крупнейших компаний США, основной мотивацией проведения реинжиниринга было улучшение сервиса и качества продукции (услуг), а также снижение расходов [12]. В этом контексте концептуально было бы неверным суживать понятие реинжиниринга только к радикальному перепроектированию бизнес-процессов. Реинжиниринг производственного предприятия проявляется в радикальном совершенствовании технологической основы путем внедрения инноваций, изменении организации производства и логистики, участия менеджмента в решении социальных проблем.

Исходя из этого, можно выделить инновационную, организационную и логистическую составляющие технологического реинжиниринга.

Технологическая составляющая базируется на постулате о том, что технология является важнейшим фактором производства. Ее проведению предшествует оценка прогрессивности технологических решений и выбор приоритетных направлений технологического развития в условиях рынка.

Инновационная составляющая направлена на инновационное развитие предприятия. Важными его этапами являются выбор варианта обновления, управление внедрением и тиражированием новшеств. Для инновационной составляющей технологического реинжиниринга должна быть характерна ее рыночная ориентация. Потребность в инновационном инжиниринге обуславливается внутренними и внешними факторами, а также мотивами внедрения инноваций. Эффективность инновационного инжиниринга зависит от уровня диффузии новшества в производственно-технологическую основу предприятия.

Организационное перепроектирование в рамках технологического реинжиниринга основывается на концепции необходимых организационных изменений, в рамках которых осуществляется выбор и проектирование более эффективных и рациональных структур предприятия. Ближе всего к этой составляющей относится реинжиниринг бизнес-процессов (BPR). По определению его авторов [1], одной из основных особенностей BPR является ориентация реинжиниринга не на функции, а на процессы. Причем из всех концепций менеджмента, основанных на

процессах, BPR рассматривается как наиболее эффективная, революционность которой обусловлена современным развитием информационных технологий. Реинжиниринг бизнес-процессов ориентирован на коренную перестройку всей деятельности предприятия, а не на частичные изменения в той или иной сфере управления. Как научно-практическое направление, реинжиниринг бизнес-процессов стал одним из ведущих и активно развивающихся направлений IT-менеджмента.

Логистическая составляющая технологического реинжиниринга проявляется при смене оборудования и реструктуризации технологических процессов, так как изменяется логистика поставок сырья, материалов, полуфабрикатов и заготовок. Логистика должна обеспечить непрерывность производственного процесса на основе соответствия изменившейся инфраструктуры целям и задачам реинжиниринговых преобразований. Например, при создании гибких производственных систем и глубокой автоматизации производства изменяются не только система и маршруты подачи заготовок, сырья, полуфабрикатов, но и временные параметры этого процесса, которые обычно оформляются как система JIT (just in time).

Анализ внутреннего содержания каждой из составляющих технологического реинжиниринга позволяет проследить их тесную взаимосвязь. Внедрение новых технологий, совершенствование организации и управления, социально-организационные изменения, согласование всех элементов производственного процесса — все это подчинено одной цели: обеспечить предприятию конкурентные рыночные преимущества. Логика состоит в том, что именно на основе изменяющихся технологических процессов на промышленном предприятии формируются соответствующие производственные отношения, включая бизнес-процессы, преобразовывается система управления.

По мнению экспертов, структурная перестройка в ведущих странах продлится еще от трех до пяти лет, после чего начнется новая длинная волна экономического роста. При этом баланс негативных и позитивных эффектов будет определяться скоростью развития новых производств, компенсирующих сжатие устаревающей части экономики.

Практика применения реинжиниринга в развитых в экономическом отношении странах показала, что этот баланс необходим, особенно в условиях проведения глобальной экономической реформы и активного внедрения страны в мировую экономическую систему.

С этой целью на основе формируемой общей концепции инновационных преобразований необходимо разрабатывать модели проведения технологического реинжиниринга. Выбор концепции формирования модели преобразования предприятия строится на основе анализа факторов внешней среды и создания его будущего образа. Модель роста бизнеса определяется в зависимости от жизненного цикла конкретного предприятия.

Не отрицая важности теоретической разработки этих вопросов, авторы считают, что главные проблемы в экономике России и Украины и, в частности, на предприятиях машиностроения, не ограничиваются только бизнес-процессами, а скорее лежат в плоскости принципов формирования и функционирования современных технологических процессов.

Следует заметить, что научные публикации и практические рекомендации по вопросам общей санации ориентированы, в основном, на процессы организационной реструктуризации и реинжиниринг бизнес-процессов на действующих предприятиях. В то же время для обеих наших стран нет актуальнее вопроса, чем вопрос об инновационном преобразовании ведущих отраслей экономики. Какое место в структуре реформируемой экономики должно принадлежать промышленности вообще и машиностроению в частности? Какие технологии и какие инструменты уже сегодня могут обеспечить технологический прорыв?

Здесь могут быть различные подходы. Можно отказаться от развития собственной промышленности и остаться придатком мировой экономики и рынком сбыта китайских, немецких, японских, корейских и других производителей. Собственно это событие в определенной мере уже произошло небезуспешно для последних. Второй путь — открыть двери мировым производителям и с их помощью построить рабочие места для населения наших стран, что Россия уже начала делать. Следует заметить, что в этом случае придется

создать такую законодательную базу и инновационную среду, которые были бы не хуже, а лучше чем, например, в Китае, и обеспечили бы интерес у иностранных предпринимателей и инвесторов к нашему общему рынку.

Третий путь — определить стратегию развития национальной экономики, ее место в мировом процессе разделения труда и на основе мирового опыта начать целенаправленно, по кирпичикам, восстанавливать пока еще потенциально дееспособную промышленность.

Ее основой должны стать самые современные, прорывные технологии и очень важно сегодня не ошибиться в выборе направления. Подобные задачи решаются на основе программ общеотраслевой технологической реструктуризации. Методологическим и методическим вопросам подготовки и проведения соответствующей реструктуризации на украинских предприятиях уделено достаточно внимания в экономической литературе [6].

В то же время, вопросы технологического реинжиниринга требуют более глубокого изучения, как с методологической, так и практической точек зрения. Недостаточную разработку этих вопросов можно объяснить существующим в наших странах дефицитом профессионалов в области радикальных инновационных преобразований производства, имеющих реальный практический опыт, что совпадает с мнением М. Хаммера [1]. Решение проблемы ускорения развития новых производств следует искать в комплексном использовании методологии проведения инноваций. Концептуально такая методология должна сконцентрировать преимущества всех известных подходов быть ориентированной на «технологический прорыв» и адаптированной к условиям экономики России и Украины [5].

В соответствии с этим, технологический реинжиниринг следует рассматривать как эффективный механизм санации проблемных предприятий на основе радикального изменения используемых технологий. Его следует осуществлять в комплексе с инновационным инжинирингом, организационным перепроектированием производственных отношений и системы управления, социальным реинжинирингом, реинжинирингом бизнес-процессов и логистическим реинжинирингом. Осно-

вной целью технологического реинжиниринга является инновационно-технологический прорыв на приоритетных направлениях современного промышленного производства, в частности, в машиностроении. Фактически речь идет о целенаправленных инновационных преобразованиях в производственно-технологической сфере проблемных в конкурентном отношении предприятий.

Как известно, основой поступательного развития современного общества является инновационная составляющая производственной деятельности. Ни Украина, ни Россия в этом процессе не являются исключением. В то же время в рейтинге глобальной конкурентоспособности 2011–2012 гг., который ежегодно публикует Всемирный экономический форум, нашим странам отведено весьма скромное в середине списка место среди 144 стран мира [11]. Не является секретом и тот факт, что в последние годы для наших стран все более характерным трендом является низкоукладность производства в силу постепенно устаревающих технологий и недостаточное количество реальных шагов по их замене. Когда в передовых странах мира, использующих наукоемкие технологии, преобладает продукция 5-го и 6-го технологического передела, на Украине, например, основные финансовые вложения направляются на поддержку предприятий, оснащенных оборудованием 2-го и 3-го технологического передела и только решительные меры со стороны правительства могут сегодня остановить процесс окончательной деградации ее экономики.

К сожалению, усилия по расширению четвертого и пятого технологического уклада в наших странах носят пока еще догоняющий либо имитационный характер. В то же время при наличии политической воли, имеющийся интеллектуальный потенциал и накопленный в обеих странах большой опыт промышленного строительства позволяют говорить о вполне реальной перспективе освоения шестого технологического уклада. Именно поэтому технологический реинжиниринг как важный инструмент функционирования конкурентной экономики должен быть реализован в рамках общегосударственной программы. По мере становления нового технологического уклада могут быть созданы качественно

иные возможности для производства и потребления, многократно может быть повышена эффективность использования ресурсов. Для обеспечения всего этого нужен мощный иницирующий импульс, прежде всего, со стороны государства. Поскольку при проведении технологического реинжиниринга необходимо существенно изменять существующие процессы производственной деятельности и, вполне возможно, выходить за рамки функционального принципа построения подразделений, то это должно сопровождаться столь же радикальными переменами в построении и характере функционирования подразделений, осуществлявших прежние производственные и бизнес-процессы.

Научная новизна авторского рассмотрения исследуемой проблемы заключается в использовании декомпозиционного подхода применительно к понятию «технологический реинжиниринг», то есть в анализе его концепции на базе основных составляющих: технологической реструктуризации, инновационного инжиниринга и логистического реинжиниринга функционально-технологической основы производства и его инфраструктуры материально-технического обеспечения, организационного перепроектирования производственных отношений и системы управления.

Важнейшей задачей и функцией технологического реинжиниринга является радикальное преобразование производственно-технологической основы предприятия до конкурентного уровня. Технологический реинжиниринг на современном этапе развития следует рассматривать как эффективный и реальный механизм инновационных преобразований проблемных машиностроительных предприятий.

Проведение технологического реинжиниринга производственной основы базовых промышленных предприятий машиностроения при условии создания программы их всесторонней государственной поддержки уже в ближайшее время может обеспечить инновационно-технологический прорыв не только в этой отрасли, но и в других смежных и приоритетных для экономики наших государств отраслях.

Что касается перспективы дальнейших научных исследований, то они должны быть

направлены на создание инвариантных процедур проведения технологической санации на реинжиниринговой основе для предприятий, нуждающихся в повышении своей конкурентоспособности. Разработка методологического и методического обеспечения таких инвариантных процедур должна производиться с учетом кластерной принадлежности проблемных предприятий.

Литература

1. *Hammer M.* Reengineering the Corporation: a Manifesto for Business Revolution. / M. Hammer, J. Champy. — London: Nicholas Brealey, 1993. — Pp. 79–85.
2. *Grint K.* Reengineering history: social resonances and business process reengineering. // *Organization*. — 1994. — №1 (1). — Pp. 179–201.
3. *Hess T.* State of the Art des Business Process Redesign: Darstellung und Vergleich Bestehender Methoden. / T. Hess, L. Brecht. — Wiesbaden: Dr. Th. Gabler Verlag, 1995. — Pp. 57–69.
4. *Strassmann, Inc.* [Электронный ресурс] / The Home Page. — Режим доступа: <http://www.strassmann.com/>, свободный. — Загл. с экрана.
5. *Пономарев В.* Технологический прорыв ожидается [Электронный ресурс] / Эксперт. — Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2011/38/tehnologicheskij-proryiv-ozhidaetsya/>, свободный. — Загл. с экрана.
6. *Акимова И. М.* Реструктуризация предприятий в промышленности Украины: направления и методы. — Харьков: Бизнес-Информ, 1999. — 282 с.
7. *Товажнянский Л. Л.* Инновационная экономика. Монография. / Л. Л. Товажнянский, Л. Н. Ивин, В. М. Куклин, А. С. Захарченков, С. А. Мехович; под ред. Л. Л. Товажнянского. — Харьков: ООО «ЭДЭНА», 2010. — 716 с.
8. *Мехович С. А.* Санация и реинжиниринг производственно-технологической основы проблемных предприятий. Монография. / С. А. Мехович, А. С. Захарченков. — Харьков: «Апостроф», 2011. — 392 с.
9. *Успенко В. И.* Управление проблемным предприятием. / В. И. Успенко, В. М. Куклин, А. С. Захарченков. — Харьков: Изд-во «Бурун-книга», 2009. — 334 с.
10. *Мехович С. А.* Економічні проблеми гнучких виробничих систем. Монографія. — Харків: НТУ «ХПІ», 2007. — 232 с.
11. Всемирный экономический форум: Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2012–2013 [Электронный ресурс] / Центр гуманитарных технологий. — Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2012/09/05/4949>, свободный. — Загл. с экрана.
12. *Кукушкин Н.* Реинжиниринг бизнес-процессов [Электронный ресурс] / Quality.eur.ru: Сайт о менеджменте качества. — Режим доступа: <http://quality.eur.ru/DOCUM/rbr2.htm>, свободный. — Загл. с экрана.

Поступила в редакцию

10 сентября 2013 г.

Алексей Сергеевич Захарченко — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов Национального технического университета «Харьковского политехнического института».

Aleksey Sergeevich Zakharchenkov — Ph.D., Candidate of Economics, docent at The Finances department of The National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute».

61000, Украина, г. Харьков, ул. Фрунзе, 21
21 Frunze st., 61000, Kharkiv, Ukraine
Тел.: +380 (057) 707-66-00; e-mail: 69516@mail.ru

Сергей Анатольевич Мехович — кандидат экономических наук, профессор кафедры экономического анализа и учета Национального технического университета «Харьковского политехнического института».

Sergey Anatoliyevich Mehovich — Ph.D., Candidate of Economics, professor at The Economic Analysis and Accounting department of The National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute».

61000, Украина, г. Харьков, ул. Фрунзе, 21
21 Frunze st., 61000, Kharkiv, Ukraine
Тел.: +380 (057) 707-66-00; e-mail: 69516@mail.ru

УДК 338.46

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© 2013 г. М. А. Комиссарова

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

Рассмотрены проблемы осуществления инновационных процессов на территории российских регионов (в частности, Ростовской области). Предложена модель, позволяющая определить величину инвестиций территории в развитие конкретной отрасли промышленности при условии максимизации организационной полезности.

Ключевые слова: *инновации; развитие производства; региональное развитие.*

Author examined the distinctive features of the innovation processes, which are now developed in the regions of Russia (such as Rostov Region). A model of determining the volume of investment for the industrial branch to maximize its organizational utility is also presented.

Key words: *innovations; production development; development of the region.*

Региональная политика по стимулированию инновационного роста в течение последних десятилетий стала популярной темой среди исследователей и политиков. Причина такой популярности в том, что признается сам факт необходимости системности инновационной политики, в том смысле, что есть необходимость выбора из разнообразных видов деятельности в целях решения актуальных проблем наиболее эффективных из них.

Эти мероприятия осуществляются различными субъектами в системе, поскольку инновационная политика не является задачей только для государственных учреждений, требует привлечения всех акторов региона: экономики (производственные структуры); университетов, научно-исследовательские институты, образовательных и учебных организаций (инфраструктура), а также государственных и частных сетей и институтов (поддержка структуры). В дополнение к системной, эффективной региональной политике требуется учет конкретных требований промышленности в региональном контексте. Конкретные предпосылки и потребности региона и отрасли должны учитываться при разработке и осуществлении инновационной политики.

Необходимо иметь в виду, что существуют также значительные различия между типами регионов (например, периферийные регионы; отстающие регионы, городские районы; кластерные регионы; фрагментированные регионы и т. д.). Таким образом, разработка региональной политики требует учета специфики региона и его экономической структуры.

Региональная инновационная система часто подвергается критике за слабость практических рекомендаций по принятию управленческих решений. В связи с этим в настоящей статье рассматривается вопрос о том, как инновационная политика может быть скорректирована с точки зрения согласования интересов региона и отрасли. В работе предлагается основа для анализа инновационной системы проблемы, функций и видов деятельности и, исходя из этого, предлагаются идеи относительно роли акторов и институтов (например, политики) в качестве координаторов деятельности инновационной системы. При этом мы объединяем функциональный и структурный анализ системы в соответствии с усилением акцента на функциональной модели системы, а не только на ее структурные свойства.

В России и других европейских странах существует тенденция, при которой возможность и полномочия влиять на развитие перешли от национального к региональному уровню. Это не удивительно, учитывая большую автономию региональных субъектов для разработки специализированной политики, направленной на региональные системы. Кроме того, возможность влиять и работать напрямую с акторами имеется больше на уровне региона, чем на национальном уровне. При оценке инновационной политики на региональном уровне важно, что знания, перетекающие между организациями, как правило, не перемещаются на большие расстояния (в т. ч. между регионами).

Представляет интерес определение К. Фримана: «...инновационная система включает сети учреждений, государственных или частных, задача которых — взаимодействовать, инициировать, импортировать, редактировать и распространять новые технологии» [1].

Региональные инновационные системы (РИС) представляют собой структуру, которая учитывает системный характер инноваций и инновационной политики на определенной территории [2], в которой акторы разделены на три стилизованные категории: 1) структура производства, т. е. компании (используется как собирательный термин для производственных и непроизводственных компаний); 2) инфраструктура знаний, т. е. университеты, исследовательские институты и учебные организации, и 3) структуры поддержки, различных организаций, зачастую финансируемых государством, перед которыми поставлена задача поддержки экономики. Эти акторы вовлечены в сложную сеть формальных и неформальных сетей как внутри, так и между подгруппы. Эти сетевые отношения не обязательно должны быть формализованы.

Три общие проблемы, которые могут препятствовать инновационной деятельности в региональных инновационных систем, были описаны в известных трудах [3]: отсутствие ресурсов/организационные проблемы, фрагментация и отрицательные связи.

Инновационный потенциал фирм зависит не только от того, насколько хорошо они используют внутренние ресурсы, но также от их поглощающей способности в процессах

открытых инноваций. Таким образом, наличие соответствующих ресурсов в рамках инновационной системы, в сочетании с поглощающей способностью акторов, является центральной для функциональности системы. В зависимости от специфики региона и отрасли возникает нехватка того или иного вида ресурсов. В некоторых случаях нехватка финансовых ресурсов (например, венчурного капитала или первоначального капитала) является центральным фактором, в то время как человеческий капитал является более существенной проблемой в других. Отсутствие ресурсов часто коррелирует с проблемой организационных решений в РИС. Часто существует нехватка местных акторов, которые поставляют ресурсы (прямо или посредством экстра-региональных связей).

Таким образом, региональная политика, чтобы быть успешной, должна соответствовать действующим целям и ценностям акторов, а также использованию имеющихся ресурсов в рамках системы.

Например, Ростовская область, представляющая собой фрагментированный регион, сталкивается с отсутствием соответствия между характером деятельности и стратегий акторов. Такая точка зрения соотносится с управленческой теорией, которые свидетельствуют, что фирмы, согласовывающие стратегии своей деятельности с конкретными требованиями в контексте выполнения поставленных задач, гораздо успешнее в своей деятельности, чем те, которые не соблюдают этих требований. Кроме того, проблемы фрагментации могут быть также связаны с уровнем взаимодействия в рамках системы и знаний традиционных операторов о системе.

Функциональные несоответствия возникают, когда функции, поддерживаемые региональными системами, не приводят к взаимодополняющему взаимодействию для РИС-акторов. Например, когда мероприятия по обмену опытом с целью содействия знаний в области развития и распространения в РИС выполняется плохо из-за отсутствия взаимодействия между научными кругами и компаниями.

Институциональные несоответствия относятся и к ситуации, когда институциональные рамки не вмещают всех участников РИС, или когда отсутствует доверие между акторами. Институциональные несоответствие мо-

жет проявляться как отсутствие коллективно-го видения проблем.

Риск «отрицательной блокировки» [3] наиболее распространен в старых промышленных районах, где преобладают традиционные отрасли и технологии. Ключевым вопросом для РИС является содействие модернизации и обновлению базы знаний о способах ведения бизнеса и в то же время, обеспечение стабильности. В сущности, необходим баланс между стабильностью, открытостью и гибкостью институциональной структуры в режимах инновационной деятельности. Это наблюдается, например, в угледобывающей промышленности Восточного Донбасса.

Этот сектор региональной экономики может стать целью для региональных инициатив с учетом исторических преимуществ традиционных производств, в настоящее время сталкивающихся с проблемами при обновлении.

Эволюция методологических подходов к исследованию и анализу поддержки отраслей относится к национальному (макроуровню) и региональному (мезоуровень) рынкам, которые как система обладают большой степенью открытости, условной доступностью и наличием мультиагентной конкурентности. Очевидно, что модель внешнего рынка описывает общеметодологические закономерности и соотношения факторов рынка региональных ресурсов с общенациональных позиций, учитывает возможности его регулирования на макроуровне управления.

Отдельная территория заинтересована в росте поступления средств в бюджет, повышения занятости населения и т. д., поскольку это связано с улучшением воспроизводственной составляющей в целом. Территория не всегда мотивирована к совершенствованию структурной составляющей региональной экономики в связи с разнообразием региональных особенностей. Очевидно, что для любой территории является важным определение баланса между объективной и субъективной полезностью инноваций при реализации процесса инвестирования в развитие отдельных отраслей и производств.

Простая модель принятия решений об инвестициях в развитие отдельных отраслей, или модель индивидуальной отдачи от инвестиций предполагает, что процесс непосредственно не увеличивает и не уменьшает полезность отрасли, то есть совокупность предприятий региона — объект для инвестиций, а не региональное благо, и что потоки доходов, связанные с различными уровнями рыночной структуры известны.

В отличие от известных моделей в данной теоретической конструкции в качестве детерминант могут быть приняты затраты или инвестиции и ценность (полезность), получаемая территорией и отраслью от реализации инвестиционного процесса. В этом случае функция инвестиционной полезности инноваций для организации имеет вид:

$$P_{\text{тер}} = a_1(I_{\text{тер}}) + a_2(I_{\text{тер}}) + a_0,$$

где $P_{\text{тер}}$ — территориальная полезность; $I_{\text{тер}}$ — инвестиции территории в развитие отрасли.

Данная модель позволяет определить величину инвестиций территории в развитие отрасли при условии максимизации организационной полезности и оптимизации соотношения организационной и субъективной полезности. Это позволяет использовать ее при решении задач управления инновациями на уровне отдельного региона.

Литература

1. *Freeman C., Clark J., Soete L.* Unemployment and Technical Innovation: A Study of Low. — L., 1982.
2. *Lundvall B.-A., Borrás S.* Science, Technology, and Innovation Policy. // Fagerberg J., Mowery D. C. and Nelson R. R. (eds.): *The Oxford Handbook of Innovation*. — N.Y.: Oxford University Press, 2005. — Pp. 599–631.
3. *Todtling F., Trippl M.* Like phoenix from the ashes? The renewal of clusters in old industrial areas. // *Urban Studies*. — 2004. — No. 41. — Pp. 1175–1195.

Мария Анатольевна Комиссарова — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика производства» ЮРГПУ (НПИ). Автор работ по экономике и организации горного и химического производства.

Maria Anatolievna Komissarova — Ph.D., Candidate of Economics, docent of the «Production Economy» department of SRSPU (NPI). Author's works describe the problems of economics and managing of mining and chemistry enterprises.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-56-46; e-mail: mari54@yandex.ru

XII Всероссийское совещание по проблемам управления
(Россия, Москва, Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова РАН,
16–19 июня 2014 г.)

XII Всероссийское совещание по проблемам управления (VSPU XII), посвящено 75-летию Института проблем управления РАН.

VSPU XII организуется ИПУ РАН при поддержке РФФИ, Отделения энергетики, машиностроения, механики и процессов управления Российской академии наук, Российского национального комитета по автоматическому управлению, Академии навигации и управления движением, Научного совета РАН по комплексным проблемам управления и автоматизации, Совета по мехатронике и робототехнике РАН.

В рамках VSPU на правах расширенной секции состоятся очередные **Друkerовские чтения «Управление инновациями: теория и моделирование»**.

Подробная информация о Совещании находится на сайте <http://vspu2014.ipu.ru>.

Контакты:

И. Н. Барабанов, ученый секретарь Программного комитета VSPU-2014.

Тел.: +7 (495) 335-23-53

E-mail: ivbar@ipu.ru

УДК 338.27

ФИНАНСОВОЕ РЕЗЕРВИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ СНИЖЕНИЯ СТЕПЕНИ РИСКА НА ПРЕДПРИЯТИИ¹

© 2013 г. И. В. Зайцева, В. Г. Зайцев

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

В статье представлен анализ возможности применения способов снижения степени риска в различных отраслях на основе существующих нормативных документов.

Ключевые слова: *риск-менеджмент; способы снижения степени риска; управление затратами; финансовое резервирование.*

In the article authors present the analysis of the applicability of the risk level reducing ways for the different industries. The analysis is based on the actual Russian normative documents.

Key words: *risk management; risk level reducing ways; cost management; financial backup.*

В современных условиях эффективное управление рисками в операционной (производственной) деятельности предприятия представляет собой один из важнейших разделов финансового менеджмента и создает необходимую информационную базу для принятия тактических и стратегических антирисковых управленческих решений.

Производственные предприятия находятся в тяжелой финансовой ситуации, испытывают недостаток собственных оборотных средств и основные виды риска в их деятельности — это отраслевой, операционный, технологический и инвестиционный. Для предприятий энергетической и строительной отраслей промышленности особое значение имеют предложения по совершенствованию финансовой механизма хозяйствования. Разработка организационной структуры управления предприятием с формированием специального отдела риск-менеджмента создает основы для повышения степени финансовой устойчивости.

Следует отметить, что специфической особенностью строительного и энергетического производства является вероятностный характер большого объема технико-экономической информации, оказывающий значи-

тельное влияние на результаты хозяйственной деятельности [1].

Вероятностный или случайный характер технико-экономической информации предприятий данных отраслей промышленности создает высокую степень неопределенности в процессе принятия стратегических управленческих решений, поэтому планы всех уровней должны учитывать вероятность получения убытков по различным направлениям деятельности предприятия.

Одним из способов снижения степени риска является финансовое резервирование. В работах отечественных ученых (И. Т. Балабанова, П. Г. Грабового, Р. М. Качалова, Г. Б. Клейнера) по теории риск-менеджмента приведены несколько видов резервов, в том числе резервирование средств на покрытие незапланированных расходов [1].

Кроме способа резервирования, для снижения степени производственного риска рекомендуется юридическое распределение риска между участниками проекта, передача риска контрагентам, оформленное в договорах, а также страхование различных видов.

Отчисление и накопление денежных средств на покрытие незапланированных расходов представляет собой комплекс анти-

¹ Результаты работы получены при поддержке Минобрнауки РФ в рамках государственного задания на проведение НИОКР, шифр заявки 6.2989.2011.

рисковых мероприятий, по которым проанализирован набор конкретных факторов риска и проведена оценка соотношения возможной прибыли от реализации мероприятия и вероятных убытков.

Для точного определения величины резерва необходима информационная поддержка всех отделов управления предприятием и нормативная база, регулирующая правовую сторону операций по созданию финансовых фондов [1].

Величину незапланированных (форс-мажорных) расходов очень трудно спрогнозировать, поэтому реальное действие управление финансовыми потоками может иметь только в процессе оперативного управления рисками, позволяющем сравнивать наличные и требуемые денежные суммы в определенный момент времени.

Большую поддержку в ведении данных операций имеют базы данных и автоматизированные системы поддержки принятия управленческих решений в финансовой сфере.

По структуре резерв на покрытие незапланированных расходов может формироваться с использованием различных подходов. Так, предприятие может быть заинтересовано в недопущении превышения запланированного объема средств, тогда основное внимание уделяется итоговым суммам. Большой простор для оперативного управления риском создают отдельно сформированные резервы по конкретным статьям расходов, призванные нивелировать инфляционные процессы и обеспечить оплату возможных исковых претензий.

Учет инфляционных процессов особенно актуален при разработке договоров на строительство и строительных смет. Детальный анализ денежных потоков по временным периодам и использование статистической информации по темпам роста экономических показателей, особенно цен, позволяет оперативно пересматривать договоры различным видам [1].

Денежные отчисления в финансовый резерв предполагают расчет величины незапланированных затрат по видам затрат, как по экономическим элементам, позволяющим формировать плановые проектные сметы, так по статьям калькуляции, которая позволяет более полно учесть отраслевые особен-

ности производственной или операционной деятельности предприятия.

Соблюдение приема детализации затрат позволяет проводить количественную оценку риска по отдельным статьям расходов и в конечном счете дает основу для разработки точно направленных действий.

Детализация затрат требует подробного анализа состава производственных (технологических) операций как по отдельным позициям технологического процесса, так и по укрупненным этапам (в том числе строительным циклам). Такой подход к анализу частичных производственных процессов позволяет осуществлять тактическое управление и ведение информационной базы для оперативного и бухгалтерского учета, позволяющих обеспечить контроль над выполнением операционного процесса.

Следует отметить, что незапланированные (форс-мажорные) расходы не могут приравниваться к расходам или потерям, полученным вследствие финансовых нарушений. Однако, в настоящее время, в связи с кризисным положением во многих отраслях народного хозяйства, способ финансового резервирования не реализуется на практике в полной мере, так как, кроме недостатка средств на формирование финансового резерва, рекомендуемые теорией управления риском действия вступают в противоречие с законодательной базой и нормативными бухгалтерскими документами.

В подтверждение выводов можно привести основные результаты анализа степени производственного риска на предприятиях электроэнергетики и в строительстве, реализованные на основе методики анализа целесообразности затрат и расчета коэффициента риска. Первый этап обработки данных для расчета степени риска заключается в выборке их из отчетной бухгалтерской и планово-экономической документации и формировании временных рядов. Выводы о степени финансовой стабильности предприятия могут быть сделаны из сопоставления активов предприятия и прибыли, величины собственного (или заемного) капитала и уровня рентабельности капитала. Также по любому направлению количественной оценки риска может быть построена экономико-статистическая модель. Такая модель позволяет дать количественную

характеристику связи, зависимости и взаимообусловленности организационно-экономических показателей. Хотя математическая модель может отражать упрощенное взаимодействие рисков факторов, но она обеспечивает строго математический подход к исследованию сложившихся за определенный период времени взаимосвязей, к выяснению вопроса о том, существенна подобная взаимосвязь показателей, выбранных в качестве факторов риска, как влияет эта связь на производственные результаты и в какой форме она проявляется.

Анализируя бухгалтерскую отчетность предприятий энергетической и строительной отраслей по направлению анализа целесообразности затрат, можно сделать вывод о том, что большинство рассмотренных предприятий имеют критическое финансовое положение и критическую степень риска, т. е. работают в условиях покрытия затрат, прибыли, как правило не получают и испытывают острый недостаток собственных оборотных средств. В таком случае возобновление операционного цикла с этапа приобретения материальных ценностей возможно только с привлечением заемного капитала.

Проведенная оценка риска по численному значению коэффициента риска также свидетельствует о том, что рассмотренные предприятия находятся в зоне критического риска и коэффициент риска не превышает 30%. Коэффициент риска рассчитывается как отношение суммы убытков (информация по убыткам берется из третьего раздела пассива баланса «Капитал и резервы» или из формы №2 бухгалтерской отчетности «Отчет о прибылях и убытках») к величине собственного капитала (итог третьего раздела пассива баланса «Капитал и резервы»). По теоретическим исследованиям значение коэффициента риска в диапазоне 25–50% [1] свидетельствует о нарастании негативных тенденций в финансовой сфере предприятия и соответствует переходу предприятия в зону повышенного риска. Таким образом, управленческие решения по формированию финансовых резервов могут исправить сложившуюся ситуацию.

Рассмотрим основные положения нормативных документов по вопросам финансового резервирования. В соответствии с положением по ведению бухгалтерского учета

и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации [4] резервный фонд, созданный в организациях на законодательной основе, может направляться на погашение убытков и облигаций, также денежные средства можно направлять на приобретение (выкуп) собственных акций предприятия, отражаемый в отдельных строках баланса [4].

На величину прибыли предприятия влияет величина финансового фонда для расчетов по сомнительным долгам. Сумма денежных средств, направляемых в резерв сомнительных долгов, зависит от результатов инвентаризационных работ по непогашенной в установленные договорными обязательствами дебиторской задолженности, а также задолженностей по расчетным операциям с другими предприятиями.

Каждый сомнительный долг определяет конкретную величину части финансового резерва, так как учитываются особенности финансового состояния отдельного должника, и прогнозируется вероятность погашения задолженности конкретного вида в установленные сроки долями или полностью [4].

Если денежные суммы финансового резерва не израсходованы в отчетном периоде, они присоединяются к финансовым результатам в процессе формирования отчетного бухгалтерского баланса [4].

В соответствии с федеральным законом «Об акционерных обществах» на предприятиях может быть создан финансовый резерв на основе уставных документов предприятия, которые регламентируют размер резерва как пятипроцентной доли уставного капитала предприятия [7]. Перечисления в финансовый резерв должны быть не меньше пяти процентов от величины чистой прибыли. Отчисления в резерв производятся в период времени, который может быть равен нескольким годам, до достижения величины резерва, установленном учредительными документами предприятия. Денежные средства резерва направляются на покрытие убытков и операции с акциями и облигациями предприятия.

Специальный финансовый резерв может быть создан на предприятиях, технологический цикл которых относится к повышенно опасным (радиационная и ядерная опасность). По статье 264 налогового кодекса Российской Федерации «Прочие расходы, связан-

ные с производством и(или) реализацией» средства специального резерва направляются на разработку мероприятий по повышению степени безопасности работы данной категории предприятий, в том числе и в атомной энергетике. Порядок разработки мероприятий и содержание конкретных работ регламентируются законодательством Российской Федерации об использовании атомной энергии постановлениями правительства [4; 5].

В строительной отрасли рекомендуется создание природоохранных фондов и целевых финансовых резервов специального назначения по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на промышленных предприятиях и в строительстве. Денежные средства резерва направляются на разработку мероприятий чрезвычайного характера, а также на выполнение работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций [3; 6].

Анализ вышеприведенных нормативных документов показывает, что перечень видов резервов недостаточен для действенной реализации резервирования как способа снижения степени риска по всем основным видам, относящимся к операционной деятельности предприятий электроэнергетики и строительства: отраслевого риска, инвестиционного, производственного, финансового. В большинстве случаев перечисленные нормативные документы приводят в качестве источника резервирования прибыль промышленного предприятия. Ситуация усложняется тем, что, как показывают практические расчеты, обследованные предприятия энергетической и строительной отраслей работают на принципе покрытия затрат и прибыли не имеют [1].

Таким образом, для достижения наилучших результатов по направлению создания и использования финансовых резервов как способа снижения степени риска необходима

расширенная информационная база, которая включает нормативные документы по резервированию и специальную документацию внутрипроизводственного характера.

Литература

1. Зайцева И. В. Количественная оценка риска на предприятиях. — Новочеркасск: ЮРГТУ, 2010. — 78 с.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел VIII: Федеральные налоги. Глава 25: Налог на прибыль организации (в действующей редакции).
3. Постановление правительства Российской Федерации «О порядке финансирования мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на промышленных предприятиях, в строительстве и на транспорте» (в ред. Постановления Правительства РФ от 13.07.2004 г. №349).
4. Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации (в ред. Приказов Минфина РФ от 30.12.1999 г. №107-н; 24.03.2000 г. №31-н; 18.09.2006 г. №116-н; 26.03.2007 г. №26-н; 25.10.2010 г. №132-н; 24.12.2010 г. №186-н).
5. Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99 (в ред. Приказов Минфина России от 30.12.1999 г. №107-н; 30.03.2001 г. №27-н; 18.09.2006 г. №116-н; 27.11.2006 г. №156-н; 25.10.2010 г. №132-н; 08.11.2010 г. №144-н; 27.04.2012 г. №55-н).
6. Свод правил по определению стоимости строительства в составе предпроектной и проектно-сметной документации СП 81-01-94 (в действующей редакции).
7. Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 г. №208-ФЗ (принят ГД РФ 24.11.1995 г., действующая редакция от 01.09.2013 г.).

Поступила в редакцию

15 октября 2013 г.

Ирина Викторовна Зайцева — доцент кафедры «Экономика производства» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Irina Viktorovna Zaitseva — docent at the Production Economics department of the South-Russian State Technical University (NPI) of M. I. Platov name.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (928) 180-81-65; e-mail: zayceva611961@mail.ru

Валерий Григорьевич Зайцев — студент четвертого курса строительного факультета Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова, специальность «Промышленное и гражданское строительство».

Valeriy Grigoryevich Zaitsev — fourth-year student at the Construction Engineering faculty of the South-Russian State Technical University (NPI) of M. I. Platov name, speciality «Industrial and Civil Buildings».

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (908) 516-86-66; e-mail: za-y-ac@yandex.ru

УДК 336.763

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СЕКЬЮРИТИЗАЦИИ БАНКОВСКИХ АКТИВОВ В ПОСТКРИЗИСНЫЙ ПЕРИОД

© 2013 г. Ю. В. Рыбина

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

Обобщен российский опыт применения секьюритизации банковских активов, описаны параметры и модели сделок, представлены направления развития секьюритизации активов кредитной организации в России.

Ключевые слова: *финансовый инструмент; секьюритизации; секьюритизации активов; кредитный риск; способы снижения кредитного риска; транзакция; евровексель; облигация.*

Author summarized Russian experience of securitization of the bank assets, described the parameters and model transactions and presented the development trends of assets securitization credit organization in Russia.

Key words: *financial instrument; securitization; asset securitization; credit risk; credit risk mitigation techniques; the transaction Eurobill; bond.*

За последние тридцать лет глобальный финансовый рынок претерпевал существенные изменения с позиций развития многочисленных финансовых инженерий, направленных на разрешение противоречий, возникающих между его основными участниками. Важной особенностью указанных преобразований стала своевременность создания современных финансовых инструментов с функциями, максимально адаптированными к потребностям рынка. В конце прошлого столетия было создано около 30 новых типов финансовых продуктов, которые до сих пор проходят систематическую модернизацию. Одним из таких продуктов стала секьюритизация активов.

Секьюритизация — это сделки, еще недавно бывшие одними из самых современных и перспективных направлений, в настоящее время переживают масштабный кризис. С одной стороны, понятна та степень недоверия, с которой относятся в профессиональной среде к данному типу операций. Естественно, ведь именно с них начался финансовый кризис — они послужили тем «клапаном», кото-

рый, открывшись, привел к стремительному спуску «пузыря» современной экономики.

Однако следует вспомнить, что механизмы сделок секьюритизации были разработаны как сверхтранспарентный инструмент рефинансирования и разделения рисков. Правда, в определенный момент участники рынка, кажется, забыли, что экономический риск можно разделить, уменьшить или избежать его. Еще одной вещью, о которой со временем забыли участники рынка, стала ответственность. Больше того, секьюритизацию стали применять как механизм ухода от таковой. Не случайно профессор калифорнийского университета Л. Лопакки, свою статью, посвященную этой проблеме, озаглавил «Смерть ответственности» [7]. В конечном итоге, именно эти два обстоятельства привели к появлению «ипотечного пузыря».

Тем не менее, с началом деятельности Базельского комитета по банковскому надзору при Банке международных расчетов (Committee on Banking Supervision of the Bank for international Settlements) и связанным с этим ужесточением обязательных нор-

мативов для банков, секьюритизация активов стала восприниматься участниками рынка не только в качестве эффективного инструмента управления балансовыми показателями, но и как система управления кредитными рисками. И потому-то, как раз в условиях ограниченной ликвидности, не использовать один из самых эффективных инструментов ее восстановления или, по крайней мере, не делать попыток к восстановлению рыночных возможностей его использования, по меньшей мере, недальновидно. Конечно, в условиях кризиса и посткризисной ситуации остро встают вопросы оценки связанных с секьюритизацией рисков и соответственно построение схем, использование механизмов (инструментов) минимизации или защиты от таких рисков.

Касаясь опыта применения секьюритизации в России, следует отметить, что уже в конце 1990-х гг. многие российские банки заинтересовались возможностями данного финансового механизма не только для их рефинансирования, но и для реструктуризации своих обязательств. Так, элементы секьюритизации были использованы при выпуске в октябре 2000 г. банком «Российский кредит» обеспеченных расписок, зарегистрированных в системе Euroclear, на сумму 357 млн. долл. [1]. В рамках этой сделки иностранным кредиторам было предложено обменять рублевые и долларовые векселя, полученные по условиям мирового соглашения, на евровекселя, привязанные к этим ценным бумагам. В качестве держателя «генерирующих» доход активов (векселей банка «Российский кредит») выступило лондонское подразделение международного банка ING Bank, которое перечисляло денежные потоки по ним эмитенту евровекселей — оффшорной компании SNAP Limited. В свою очередь, последняя производила выплаты держателям векселей — прежним кредиторам «Российского кредита». Данная сделка не была направлена на привлечение финансирования, но и позволила «переупаковать» ценные бумаги и существенно повысить их ликвидность. Несмотря на то, что сделка была объявлена «российским дебютом секьюритизации», ее структура не обеспечивала четкого отделения активов от originатора и не защищала владельцев ценных бумаг в случае его банкротства. Таким образом, ни один из

принципов традиционной секьюритизации (действительность продажи, защищенность специальной компании от банкротства, жесткий контроль инвесторов над денежными потоками) не был соблюден.

Знаковым событием для российского рынка секьюритизации активов стало принятие Федерального закона №152-ФЗ от 11 ноября 2003 г. «Об ипотечных ценных бумагах». Закон впервые дал определение специальной инвестиционной компании и ввел в российскую политику два новых вида ценных бумаг: облигацию с ипотечным покрытием (аналог немецкой Pfandbrief) и ипотечный сертификат участия (аналог американских Mortgage backed securities). В данной статье рассмотрим отдельные сделки секьюритизации, применяемой в работе российскими банками, дадим описание их структуры. Параметры первых российских сделок секьюритизации активов представлены в таблице 1.

Несмотря на то, что многие практики постоянно говорят об уникальности каждой из проводимых в мире секьюритизаций, а также о том, что крайне тяжело найти хотя бы две абсолютно идентичные сделки, схожие по всем параметрам [3], все российские сделки являются трансграничными, они полностью копируют зарубежный опыт и никаких финансовых нововведений при их структурировании не подразумевают. Поэтому уместно остановиться на двух сделках, а именно: секьюритизации Альфа-Банка своих диверсифицированных платежных прав (Diversified Payment Rights, DPR) в марте 2006 года и ипотечной секьюритизации Совфинтрейда в декабре того же года. Первая из перечисленных привлекла внимание достаточно сложной структурой и тем, что в литературе избегали ее подробного описания, а вторая — своей уникальностью и ролью в дальнейшем развитии всего института секьюритизации в России.

Секьюритизация платежных прав Альфа-Банка

30 марта 2006 года Альфа-Банк успешно провел свою дебютную секьюритизацию — компания Alfa Diversified Payment Rights Finance Co. S. A. выпустила облигации серии 2006 — А на срок до 2011 года и общим объемом 350 млн. долларов. Этот выпуск полу-

Таблица 1

Параметры российских сделок по секьюритизации активов

Оригинатор	Секьюритизируемые активы	Транши	Рейтинги S&P/Moody's/Fitch		Сумма	Процентная ставка, %	Срок, лет
			Оригинатор на момент сделки	Рейтинг выпуска ценных бумаг			
Газпром	Экспортная выручка от продажи газа	–	BB–/Ba2/BB	BBB–/–	1250 млн. долл.	7,201	15,5
РОСБАНК	Будущие потоки по пластиковым картам	–	–/B1/B	/Ba3/B+	225+75 млн. долл.	9,75	5
Банк «Союз»	Автосуды	A1, A2, B, C	CCC/–/–	–/Baa3/– –/Baa3/– –/B2/– –/–/–	49,8 млн. долл.	LIBOR +1,75 LIBOR +1,75 8,75 8,75	5
ХКФ-Банк	Потребительские кредиты	A1, A2, B	B–/Ba3/–	–/Baa2/– –/Ba2/– –/Ba3/–	126,5 млн. евро	EUROBOR+2,5 EUROBO+5,25 EUROBOR+5,0	6,5
Банк «Российский Стандарт»	Потребительские кредиты	A1, A2, B	B+/Ba2/–	BBB/Baa2/– BB–/Ba2/– BB–/Ba2/–	300 млн. евро	EUROBO+1,65 EUROBO+3,5 EUROBO+3	3
Альфа-Банк	Будущие платежные потоки	–	BB–/Ba2/B+	–/Baa3/–	350 млн. долл.	3MLIBOR+1,6	5
«Магистраль Финанс»	Лизинговые платежи	A, B, C	–/–/– –/–/– –/–/–	BBB–/Baa2/ –/–/– –/–/–	13,73 млрд. руб.	8,375 11,00 12,50	6

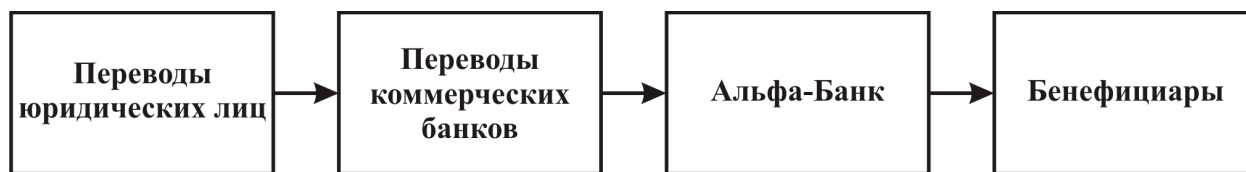

Рис. 1. Структура транзакции Альфа-Банка

чил прайсинг на уровне начальной целевой установки, а именно: 160 базисных пункта + трехмесячная ставка Либор. Транзакция привлекла огромный интерес со стороны инвесторов, как европейских, так и американских, среди которых преобладали коммерческие банки и хедж-фонды.

Транзакция Альфа-Банка — первая в России программа выпуска ценных бумаг, обеспеченных поступлениями будущих периодов (Diversified Payment Rights, DPR) — текущие и будущие требования банка к плательщикам, производящим платежи на его корреспондентские счета. Diversified Payment Rights (DPR) выпускаются в форме платежных поручений стандарта Общества всемирных межбанковских финансовых телекоммуника-

ций (SWIFT) серий MT102s/103s/202s, включающих в себя любые сообщения (электронные или иные) с инструкциями Альфа-Банку совершить платеж на конкретную сумму другому бенефициару (рис. 1).

Альфа-Банк осуществил данную транзакцию по следующим причинам:

1. Необходимость улучшения эффективности фондирования. Дешевое финансирование является важнейшим для частных банков в России, поскольку они имеют более низкие кредитные рейтинги (соответственно и более высокую стоимость финансирования) по сравнению с государственными банками.

2. Отсутствие достаточных пулов других активов. Когда было принято решение

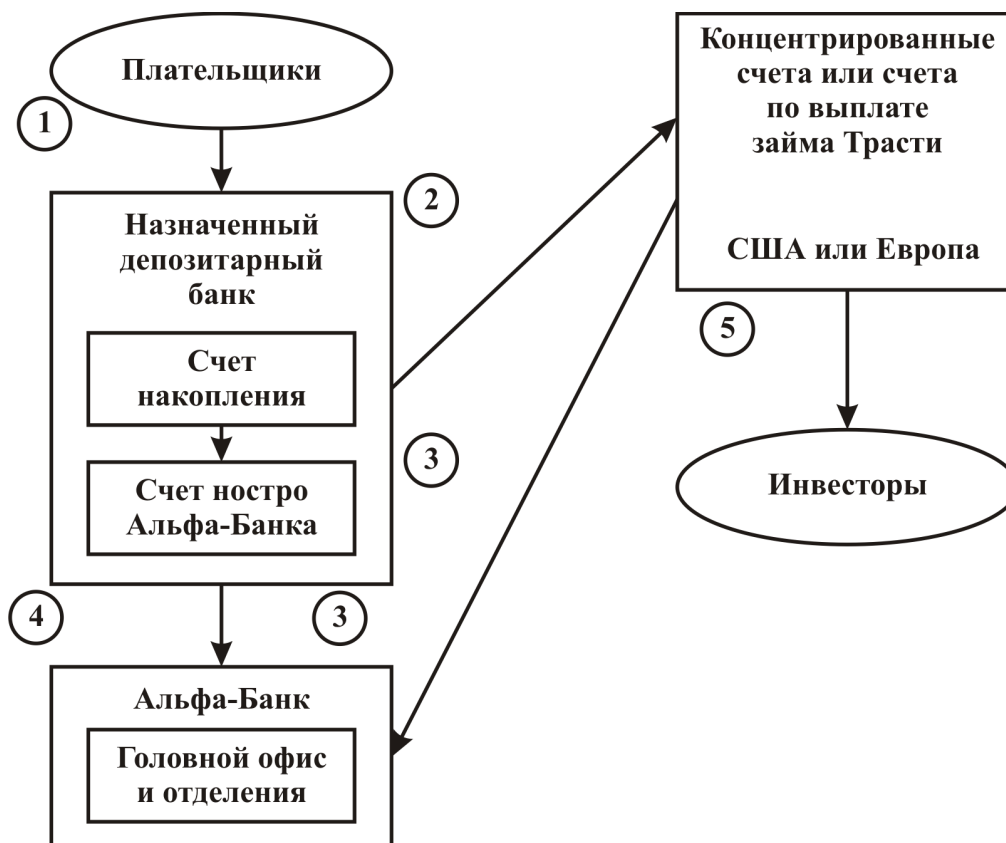

Рис. 2. Структура транзакции Альфа-Банка [6]

о структуре нового фондирования, участие Альфа-Банка в таких сегментах рынка, которые генерируют секьюритизируемые активы (потребительское кредитование, автокредитование, ипотека и др.) было минимально. Таким образом, отсутствовали достаточно сформированные пулы активов.

3. Лидирующая позиция Альфа-Банка. Процессинг платежей везде является основным банковским бизнесом, и было бы логично предположить, что Альфа-Банк, являясь одним из крупнейших российских частных банков, обладает значительными потоками DPR. Данное предположение тут же подтвердилось, когда была получена информация по совокупным суммам платежных поручений SWIFT, обработанных банком (рис. 2).

Один из ключевых элементов в секьюритизации поступлений будущих периодов заключается в способности Трасти, инвесторов и рейтинговых агентств отслеживать DPR потоки в целях быть уверенным, что в процессе жизни всей транзакции достигается минимальный уровень избыточного обеспечения. Каждая секьюритизация будущих поступлений пройдет целую серию так называемых тестов по обслуживанию долга (Debt Service Coverage Test, DSCR), которые оригинатор обязан проводить на месячной или квартальной основе. В общем случае, DSCR будет являться отношением собираемой суммы к максимальному долгу.

Подведем итоги проведенной банком секьюритизации активов:

1. Несмотря на определенные проблемы при осуществлении этой сделки, секьюритизация Альфа-Банка подтвердила свою эффективность, как с финансовой точки зрения, так и с репутационной.

2. Несмотря на несовершенное, а иногда и вовсе враждебное по отношению к инвесторам российское законодательство, со стороны рейтингового агентства Moody's были предприняты эффективные меры в целях защиты инвесторов, которое присвоило рейтинг всей сделке.

3. Большинство рисков, которые взял на себя банк в процессе транзакции, в действительности незначительны или маловероятны, также как и большинство возможных дефолтов и амортизационных событий.

Ипотечные секьюритизации Совфинтрейда

В декабре 2006 г. акционерный коммерческий банк «Совфинтрейд» осуществил две ипотечные секьюритизации:

— первый выпуск ипотечных ценных бумаг в соответствии с законом РФ «Об ипотечных ценных бумагах»: облигации с ипотечным покрытием ИСО ГПБ — Ипотека;

— первая рублевая трансграничная секьюритизация: Газпромбанк Mortgage Backed Securities, Серия 2006 — 1.

Именно первая из указанных выше сделок стала знаковым событием в истории развития российской секьюритизации. Она является на сегодняшний день первой и единственной внутренней секьюритизацией в России, полностью осуществленной в соответствии с Федеральным законом от 11 ноября 2003 года №152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах», и в которой роль эмитента выполнил российский резидент — «ГПБ — Ипотека».

Объем секьюритизированного ипотечного портфеля составил примерно 8,8 млрд. рублей. При этом основными целями, которые преследовал банк, являлись: снижение стоимости привлечения денежных средств, альтернативные источники финансирования, улучшение финансовых показателей и обязательных нормативов, получение опыта проведения сложно структурированных сделок в России и других юрисдикциях.

Кратко охарактеризуем основные параметры сделок в таблице 2.

Схема по выпуску облигаций с ипотечным покрытием ИСО ГПБ — Ипотека на этапе размещения выглядит так, как показано на рис. 3.

Обслуживание портфеля закладных (сбор платежей от заемщиков, урегулирование платежей и дефолтных закладных) осуществляет Газпромбанк. Учет и хранение ипотечного покрытия также осуществляется Газпромбанком, выступающим в качестве специализированного депозитария. Газпромбанк осуществляет расчет размера ипотечного покрытия и контроль его использования ГПБ — Ипотекой, а также выступает в роли расчетного центра ГПБ — Ипотеки и платежного агента по облигациям с ипотечным покрытием и, как специализированный депозитарий, контролирует все списания с банковского счета ГПБ — Ипотеки.

Таблица 2

Ипотечные облигации и mortgage backed securities

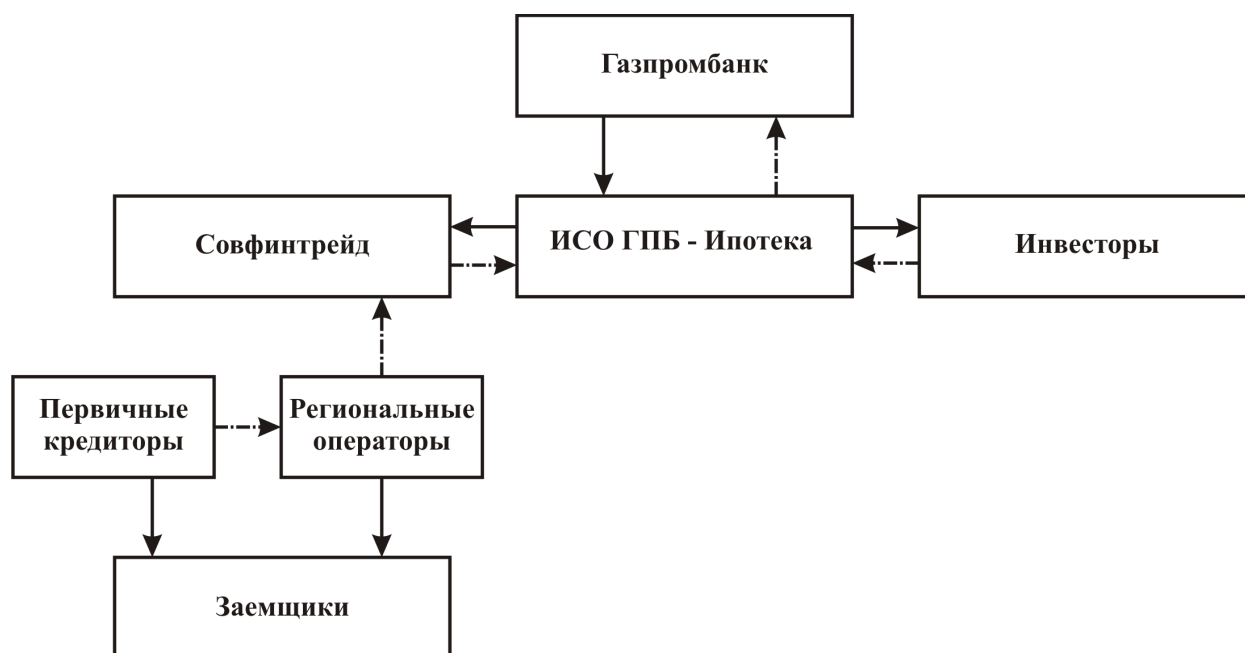
Параметры сравнения	Облигации ИСО ГПБ — Ипотека	Газпромбанк Mortgage Backed Securities Серия 2006 — 1
Объем	3 млрд. рублей	168.485.474 EUR
Транши, рейтинг	N/A Moody's Baa2	Класс А (88%) A3/BB+ Класс В (6%) Ba2/BB Класс С (6%) B2/B
Ставка	Фиксированная	Плавающая/ фиксированная
Ипотечное покрытие	3,039 млрд. рублей 5976 закладных LTV 59,12% 30 регионов РФ	5,757 млрд. Рублей 8,829 закладных LTV 67,38% 47 регионов РФ
Размещение	ММВБ	Ирландская фондовая биржа

Для повышения кредитного качества ИЦБ были использованы следующие механизмы: был сформирован неамортизируемый резервный фонд, который будет использован для покрытия кассовых разрывов, вызванных просрочками по кредитам, и потерь от дефолтов. Размер резервного фонда составляет 450 млн. рублей, объем портфеля обеспечения превышает размер обязательств по облигациям, процентные поступления по портфелю превышают ставку купона по облигациям. В результате использования механизмов, а также высокого рейтинга Газпромбанка, между-

народное рейтинговое агентство Moody's присвоило облигациям ГПБ — Ипотеки кредитный рейтинг на уровне Baa2.

Структура сделки предоставляет ГПБ — Ипотеке возможность полного досрочного погашения облигационного займа в случае, если задолженность по ИБЦ до 20% от номинала облигации.

Газпромбанк Mortgage Backed Securities Серия 2006 — 1 оказалась третьей трансграничной ипотечной секьюритизацией после сделок Внешторгбанка в июле и Городского Ипотечного Банка в августе 2006 года, а так-

Рис. 3. Схема ИСО ГПБ — Ипотека на этапе размещения

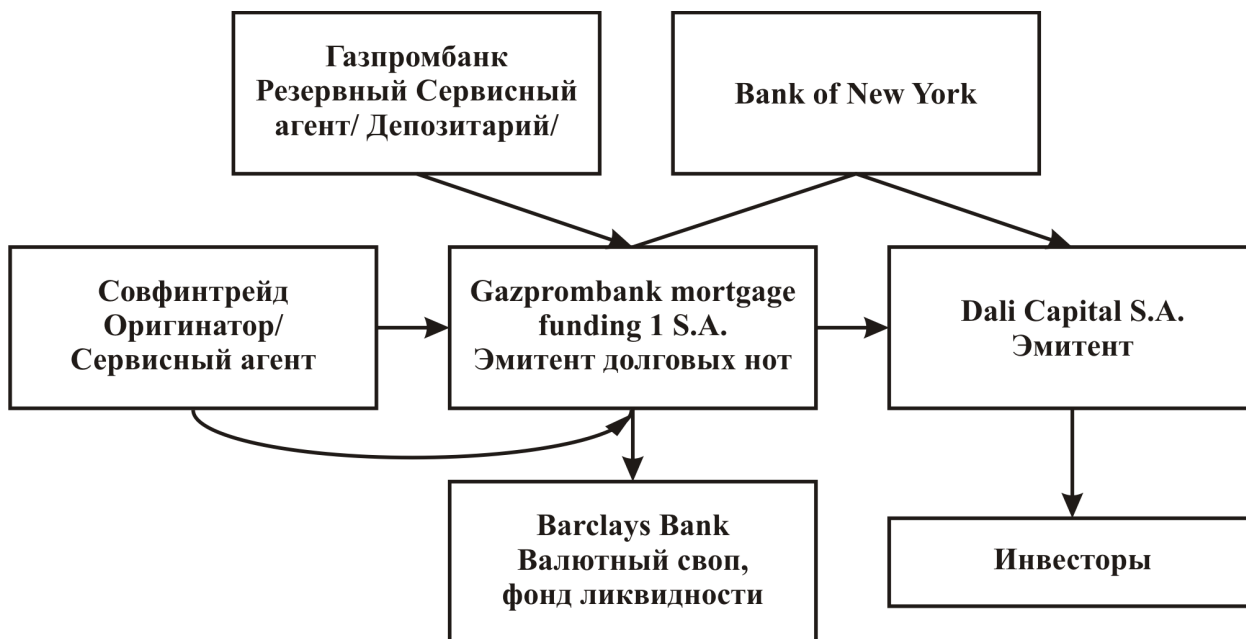

Рис. 4. Схема Газпромбанк Mortgage Backed Securities

же первой российской секьюритизацией, где ипотечное обеспечение было деноминировано в рублях (рис. 4).

Проведенные Совфинтрейдом ипотечные секьюритизации дают возможность сравнить одновременно внутреннюю и трансграничную секьюритизации, выявить как положительные так и отрицательные стороны сделок. До Совфинтрейда никто не осуществлял выпуск ипотечных ценных бумаг в соответствии с российским зако-

ном, как и провести две сделки специально, преследуя цели дальнейшего сравнения их результатов. Итоги данного сравнения представлены в таблице 3.

На примерах проведения сделок секьюритизации активов описанными банками, нами были выявлены следующие преимущества секьюритизации, как для экономики страны, так и для анализируемых банков.

Задачи, которые позволяет решать секьюритизация активов следующие:

Таблица 3

Сравнение внутренней и трансграничной сделок на примере Совфинтрейда

	Облигации ИСО ГПБ — Ипотека	Газпромбанк Mortgage Backed Securities Серия 2006 — 1
Преимущества	<ul style="list-style-type: none"> — относительно невысокая стоимость организации выпуска; — отсутствие валютных рисков; — наличие налоговых льгот для инвесторов; — возможное участие «пенсионных денег». 	<ul style="list-style-type: none"> — гибкий подход к структуре сделки и ипотечного портфеля; — снижение суверенных рисков; — сложившийся круг ABS инвесторов; — возможность использования иностранного права.
Недостатки	<ul style="list-style-type: none"> — новое явление в правоприменительной практике; — пробелы законодательства; — чрезмерное нормативное регулирование; — отсутствие сложившегося круга инвесторов 	<ul style="list-style-type: none"> — значительная стоимость организации выпуска; — валютные и налоговые риски; — риск «постоянного представительства».

1. Снижение стоимости заемного финансирования.
2. Снижение долговой нагрузки на баланс компании.
3. Повышение эффективности использования капитала.
4. Диверсификация источников финансирования.
5. Управление рисками.

Таким образом, появление секьюритизации активов стало логичным следствием общей тенденции к повышению роли ценных бумаг. Она представляет собой высокоэффективный финансовый инструмент, позволяющий кредитным организациям всего мира осуществлять не только рефинансирование выданных ссуд, но и активно управлять кредитным риском.

С 2004 года данный инструмент стал успешно применяться и российскими банками, в первую очередь, для финансирования своих ипотечных программ. За это время отечественный секьюритизационный рынок увеличился в 18 раз, значительно расширился перечень секьюритизируемых активов, сформировался устойчивый круг инвесторов. Свод планируемых сделок по секьюритизации банковских активов за 2013–2015 годы представлен в таблице 4.

Если рассматривать секьюритизацию активов с экономической точки зрения, то она соединила в себе тенденцию к оптимизации источников финансирования с учетом возрас-

тающей роли инструментов рынка ценных бумаг и управления рисками активов за счет отделения их друг от друга.

Одновременно проведенный в статье анализ российского опыта применения секьюритизации показал «узость» российского рынка, ориентированного исключительно на зарубежных инвесторов, и его неустойчивость в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры. Соответственно возникла потребность в разработке мер по стимулированию внутреннего рынка, в том числе путем вовлечения в нее региональных кредитных организаций, а также определения возможных направлений ее совершенствования на страновом уровне.

Одним из важнейших условий развития внутреннего секьюритизационного рынка в России является создание необходимой инфраструктуры, неотъемлемыми элементами которой выступают законодательное обеспечение сделок секьюритизации, банковский надзор в области сьюритизационных операций, система рейтинговых агентств, внутренняя инвестиционная база. Проведенный анализ подготовленных Федеральной службой по финансовым рынкам и Ассоциацией региональных банков России законопроектов позволил установить, что основой для регулирования сделок по внутренней секьюризации банковских ссуд должен стать не комплекс изменений в действующее законодательство, а специальный Федеральный закон «О секьюритизации», в котором будет даваться ее строгое определе-

Таблица 4

Планируемые сделки по секьюритизации банковских активов в РФ за 2013–2015 гг.

Оригинатор	Рейтинги оригинатора S&P/Moody's/Fitch	Объект секьюритизации	Предполагаемая сумма сделки
Русский Стандарт	B+/Ba2/-	Задолженность по кредитным картам	Нет свед.
АИЖК	-/-/-	Ипотечные ссуды	100–150 млн. долл.
ДельтаКредит	-/Ba2/-	Ипотечные ссуды	50 млн. долл.
ВТБ	BBB/Baa2/BBB	Ипотечные ссуды	164,5 млн. евро
Мдм-Банк	B+/Ba2/BB-	Автокредиты	200 млн. долл.
Банк «Авангард»	-/-/-	Автокредиты	100 млн. долл.
Банк «Юникредит»	-/CC+/-	Потребительские ссуды	300 млн. долл.

ние как трансформацию пула низколиквидных активов в ценные бумаги, обеспеченные будущими поступлениями от исходных активов, в результате которой происходит перераспределение рисков пула между участниками сделки.

Кроме того, следует обосновать экономическую целесообразность проведения секьюритизации банковских ссуд коммерческими банками при наличии негативных факторов, таких как небольшой размер ссудного портфеля, недостаточная известность на международных финансовых рынках, отсутствие кредитного рейтинга, что позволит использовать данную финансовую технологию даже небольшим кредитным организациям.

Литература

1. Гусаков В., Еропкин Д. Применение секьюритизации при реструктуризации банков. // РЦБ. — 2011. — №4. — С. 8–10.

2. Струченкова Т. В. Современные подходы к регулированию банковских рыночных рисков. // Банковское дело. — 2004. — №6. — С. 21–25.

3. Супрунович Е. Круглый стол «Секьюритизация активов: опыт и перспективы». Стенограмма. // Международный банковский клуб «Аналитика без границ», 25 сентября 2010 г.

4. Усоскин В. М. Современный коммерческий банк: управление и операции. — М.: ВАЗАР — ФЕРРО, 2011.

5. Fabozzi F. J., Kothari V. Securitization: The Tool of Financial Transformation. // Yale ICF Working Paper №0707, 2007.

6. Khrapchenko L., Patti J. Alfa-Bank's DPR Securitization. / Материалы презентации. — М., 2007.

7. LoPucki L. M. The death of liability. // The Yale Law Journal. — October 1996.

Поступила в редакцию

17 июля 2013 г.

Юлия Владимировна Рыбина — аспирант Северо-Кавказского федерального университета.

Julia Vladimirovna Rybina — postgraduate student at the North-Caucasus Federal University.

355000, г. Ставрополь, ул. Мира, 297-А, кв. 12
297-A Mira st., app. 12, 355000, Stavropol, Russia
Тел.: +7 (8652) 32-42-50; e-mail: julia-nna@inbox.ru

УДК 330.15

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЛИНГА ПРИРОДОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2013 г. В. Ф. Савчук

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

Основная цель данной статьи — представить органическое соединение природоохранных технологий с механизмами рыночного хозяйствования и осуществлением экономического контроллинга, пронизывающую всю систему производственных отношений, рациональное использование и воспроизводство необходимых обществу природных ресурсов.

Ключевые слова: народнохозяйственный комплекс; природный потенциал; общегосударственные природоохранные затраты и издержки; экологический контроллинг; воспроизводство природных ресурсов; механизм рыночного хозяйства; госбюджетные и внебюджетные ассигнования.

Author presents the idea of mutually beneficial relations between the technologies of the environmental protection and the mechanisms of market economy and economic controlling. This relationship should become basis for the whole system of production as for a system of rational use and reproduction of the resources that society needs.

Key words: national economy; natural resources; nation's costs of the environmental protection and ecological controlling; reproduction of the natural resources; market economy mechanisms; nation's budget and non-budget allocations.

Основная причина неэффективного использования природного потенциала во многом сводится к отсутствию научно обоснованной экономической оценки каждого вида природных ресурсов [1].

Несовершенство экономики природопользования явилось «аргументом» для массовой закупки импортного малоотходного прогрессивного оборудования, но это не дало желаемых результатов в российском народнохозяйственном комплексе по причине неумелого обращения (низкого качества рабочей силы) и отсутствия материальной и социальной заинтересованности в его рациональном применении.

Одной из целей развития российской промышленности должно стать соответствие критериям эффективного природопользования, что требует принципиально новых методологических разработок методики оценки «фон-

да» прошлого загрязнения, текущего ущерба от природопользования и величины расходов на оптимальное воспроизводство использованных элементов окружающей среды.

Прежде всего, следует выяснить направления, источники и характер мероприятий, направленных на эти цели. Изучив источники, направления, структуру затрат по их формированию, логично перейти к рассмотрению вопросов эффективности и результативности природоохранных средств. Соотношение затрат с результатами может дать общую картину эффективности природоохранной деятельности в количественных и качественных показателях [2].

В законе Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды» [3] указываются основные задачи экономического механизма природопользования:

— планирование и финансирование природоохранных мероприятий;

— установление лимитов использования природных ресурсов, выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и размещение отходов;

— определение нормативов платы и размеров платежей за использование природных ресурсов, выбросы и сбросы загрязняющих веществ в окружающую природную среду, размещение отходов и другие виды веществ вредного воздействия;

— предоставление предприятиям, учреждениям и организациям, а также гражданам налоговых, кредитных и иных льгот при внедрении ими малоотходных и ресурсосберегающих технологий и нетрадиционных видов энергии, осуществление других эффективных мер по экологическому контроллингу программ природопользования;

— возмещение в установленном порядке вреда, причиненного природным ресурсам и здоровью человека.

Переход к рыночным отношениям в различных сферах экономической жизни России и на этой основе создание условий для устойчивого развития народного хозяйства сопряжены с определенными трудностями. Устойчивое развитие экономики предполагает обязательный учет состояния окружающей природной среды. Известно, что ее качество существенно влияет на процесс экономического развития каждого предприятия, народного хозяйства в целом, а также на состояние здоровья населения, проживающего в соответствующих территориальных образованиях и, особенно, в городских условиях. Ухудшение состояния окружающей природной среды вызывает увеличение вложений капитала, что влечет за собой удорожание продукции и в результате снижение эффективности производства.

В составе природоохранных издержек определяющими становятся следующие группы затрат:

1) на разработку и внедрение малоотходного оборудования и технологии в производство;

2) строительство очистных и других природоохранных сооружений по охране и воспроизводству водно-воздушного бассейнов;

3) содержание, эксплуатацию и текущее обслуживание объектов и сооружений, улучшающих состояние окружающей среды;

4) охрану и воспроизводство лесных ресурсов;

5) рациональное использование и улучшение качества земельных ресурсов;

6) рекреационные цели;

7) капитальный ремонт основных производственных фондов по охране окружающей среды.

В функциональном плане затраты на воспроизводство природных ресурсов можно классифицировать в зависимости от вида каждого из них.

Сами ресурсы как источники и предпосылки получения необходимых людям материальных и духовных благ, которые можно реализовать при существующих технологиях и социально-экономических отношениях, можно подразделять на возместимые и невозместимые, на заменимые и незаменимые, истощимые и неистощимые, возобновимые и невозобновимые, продовольственные и непродовольственные, первичные и вторичные, материальные и духовные и т. д.

Среди важнейших природных (антропоэкологических) ресурсов следует назвать земельные, водные, атмосферные, топливно-энергетические, минеральные, рекреационные, информационные, ресурсы фауны и флоры, минерально-рудные и нерудные, трудовые, продовольственные, эстетические, а также ресурсы океана.

Особо следует выделить биологические и генетические ресурсы как основы основ развития человеческого общества, в силу незаменимости и неповторимости всех продуцентов, консументов, редуцентов, включая наследственную генетическую информацию, заключенную в генетическом коде живых веществ. Кроме того, совокупность природных элементов окружающей среды, которые выступают в качестве первичной природы для функционирования общественного производства, и совокупность элементов и факторов производительных сил, которые принято называть вторичной (искусственной) природой как результат взаимодействия общества с природой [4].

В основу данной классификации положен принцип первичного целевого назначения затрат в зависимости от вида воспроизводимого ресурса. Регламентация по нему затрат на охрану природы предполагает структур-

ное выделение полных затрат (капитальных и текущих) в издержках производства и издержках общества. Это позволяет сделать вывод о том, что природоохранные затраты составляют каждый год в среднем 1,04% от общих расходов госбюджетных хозяйственных вложений [5].

Капитальные вложения в экологический контроллинг и рациональное использование природных ресурсов осуществляются за счет централизованных источников, поэтому не влияют на издержки производства (себестоимость) и стоимость продукции промышленных предприятий, но должны быть отнесены на стоимость продукции всего общественно-государственного производства и войти в рубрику «общегосударственные природоохранные затраты и издержки».

Основными источниками финансирования затрат на экологический контроллинг окружающей среды на уровне промышленных предприятий (объединений) являются:

- а) госбюджетные и внебюджетные ассигнования;
- б) определенная часть фондов развития и внедрения новой техники, охраны труда, социального страхования;
- в) фонд основной производственной деятельности предприятия (себестоимость продукции);
- г) кредиты государственного и коммерческих банков;
- д) прибыль от утилизации отходов вследствие внедрения чистой технологии;
- е) фонд природоохранного назначения и его структурные подразделения на макро- и микроуровнях.

На уровне народного хозяйства средства на строительство очистных сооружений продолжают поступать в форме государственных централизованных капитальных вложений и операционных отчислений из госбюджета через министерства и ведомства, прямо и непосредственно занимающиеся вопросами воспроизводства естественных ресурсов, включая расходы по содержанию органов, осуществляющих управление и контроль состояния окружающей среды. Не следует забывать, что помимо указанных на улучшение окружающей среды используются и средства самих предприятий, организаций и ведомств, которые не могут быть учтены из-за несовер-

шенства системы отчетности, критериев и методов различения их с затратами на улучшение условий труда (охрана труда) [6].

На уровне промышленного предприятия наиболее типичными являются три источника природоохранных средств:

- а) фонд основной производственной деятельности предприятия (себестоимость продукции), который включает в себя ряд различных калькуляционных статей расходов;
- б) фонды амортизационных отчислений и развития производства;
- в) госбюджетные централизованные ассигнования.

Экономическим содержанием и сущностью механизма финансирования природоохранных мероприятий является вся совокупность затрат на экологический контроллинг и воспроизводство природных ресурсов, источником которых служат необходимый и прибавочный продукт общественного производства.

Совокупные природоохранные издержки подразделяются на капитальные и текущие.

Первые и часть нецентрализованных расходов на эти цели в процессе кругооборота фондов становятся частью издержек общества, включаются в стоимость конечной продукции производства. Текущие, эксплуатационные, природоохранные затраты, куда входит определенная часть нецентрализованных расходов, включаются в полную себестоимость произведенной продукции и отражаются в оптовой цене предприятия, а затем и в розничной.

Государственные капитальные вложения в охрану природы составили в среднем за последние пять лет свыше 10 млрд. руб., текущие, эксплуатационные расходы на эти цели за тот же период — около 43 млн. руб. [7, с. 161].

Органическое соединение природоохранной технологии с механизмами рыночного хозяйствования — основное направление научно-технического прогресса в области природопользования на современном этапе развития. Поэтому оптимизация затрат на охрану окружающей среды в издержках промышленных предприятий является одним из рациональных направлений качественного воспроизводства рабочей силы.

Близки к природоохранным затратам по экономическому содержанию, характеру использования и назначению расходы госбюд-

жета на охрану труда, улучшение технологического состояния условий труда и технику безопасности на производстве. Совокупная величина расходов на экологический контроль природы, улучшение технологических и природных условий жизнедеятельности трудящихся составляет в среднем за год 18,3 млрд. руб. [5]. На поддержание прямой работоспособности совокупных работников дополнительно к фонду зарплаты за пять лет расходуется не менее 91,5 млрд. руб. [5]. Вот почему оптимизация таких издержек помимо улучшения процесса расширенного воспроизводства трудовых ресурсов будет способствовать и экономии финансовых, материальных и природных ресурсов в будущем.

Экономический механизм природопользования может функционировать только при условии его стимулирования. Стимулирование всех звеньев природовоспроизводства приобретает реальный смысл лишь тогда, когда в полную силу действует закон стоимости. Экономический же закон стоимости может проявить себя в собственно экономической среде — системе рыночных производственных отношений, а это тот случай, когда природные ресурсы должны рассматриваться как объект спроса и предложения и получить статус товаров со всеми рыночными атрибутами.

На первом этапе перехода к рыночным отношениям природные ресурсы производственного и непроизводственного назначения должны получить экономическую оценку.

Результатом функционирования народнохозяйственного комплекса должно стать качественное улучшение как экономических, так и экологических условий воспроизводства рабочей силы. Отсюда главным критерием эффективности природоохранных затрат является уровень благосостояния людей, в котором показатель экологического благосостояния занимает одно из первых мест [8].

Поэтому, когда речь идет о воспроизводстве природных ресурсов, нельзя не учитывать, что имеется в виду также и воспроизводство жизненных условий работника. И затраты на природопользование — это есть составная специфическая часть затрат по воспроизводству рабочей силы. Сами же средства, выделяемые на охрану и вос-

производство природных ресурсов, можно подразделять: на прямые — воспроизводство чистых продуктов питания и предметов потребления, и косвенные — путем создания благоприятных условий жизнедеятельности людей, а именно: уменьшение величины и степени воздействия факторов загрязнения окружающей среды, включая и понятие ликвидации «фонда прошлых загрязнений».

В плане исследования источников, структуры и эффективности воспроизводства природных ресурсов необходимо отметить и выделить три структурно-функциональных уровня. Первый уровень — когда рассматриваются величина, источники, структура и эффективность финансовых средств, направляемых на цели природоохранной деятельности. Вторым структурно-функциональным уровнем следует считать расходы материально-вещественных средств. И третьим аспектом данного исследования является то, что понимают под трудозатратами, затратами живого труда. Главной трудностью вопроса, актуальность которого непрерывно возрастает, является научно обоснованная реформа отношений собственности на природные ресурсы. Сама же эта проблема связана с более общей проблемой — проблемой экономической реформы в государстве. Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что термин «экологический контроль» пронизывает всю систему производственных отношений и выражает расходы общества и предприятий, отраслей, государства на рациональное использование и воспроизводство необходимых обществу природных элементов окружающей среды, а также систему его мониторинга.

Литература

1. Рыночные методы управления окружающей средой. / Под ред. А. А. Голуба. — М., 2002.
2. Норт К. Основы экологического менеджмента. Введение в экологию промышленного производства. — М., 1994.
3. Закон «Об охране окружающей природной среды». // Российская газета. — 2002. — 10 января.
4. Макаров С. В. Природные ресурсы и природные условия России. Классификация и оценка. — М., 1999.

5. Статистический бюллетень «Об объемах затрат предприятий области на охрану природы». Январь-сентябрь. — Ростов н/Д, 2013.

6. Муралев Н. А. Экономика природопользования на рубеже XXI века. — М.: Просвещение, 2003.

7. Экологически безопасное обращение с отходами: сборник правовых актов, иных документов и материалов. — М., 2012. — С. 161.

8. Опальский А. П., Макара С. В. Охрана окружающей среды сквозь призму налогов. // Черные дыры в российском законодательстве. — 2007. — №4.

Поступила в редакцию

25 июня 2013 г.

Владимир Федорович Савчук — старший преподаватель кафедры «Государственное и муниципальное управление и экономическая теория» ЮРГПУ (НПИ), автор исследований по социально-экономическим проблемам контроллинга природопользования.

Vladimir Fedorovich Savchuk — senior lecturer at SRSPU (NPI) «National and Municipal Management and Economic Theory» department. Author's works describe social and economic problems of controlling the processes of nature management.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 24-54-26; e-mail: smm-nauka@yandex.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ЭКСПОРТА
ПРЕДПРИЯТИЙ ПРОМЫШЛЕННОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ
НА ФЕДЕРАЛЬНОМ УРОВНЕ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

© 2013 г. *К. Е. Питчак**, *О. Г. Андриющенко***

**Новочеркасская государственная мелиоративная академия, Россия, г. Новочеркасск
**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)*

Объективная необходимость сбалансированного развития промышленного сектора национальной экономики предопределяет необходимость коррекции регулирующих воздействий государства в рамках организационно-экономического механизма наращивания экспортного потенциала промышленных предприятий. В связи с этим, в статье рассмотрены основные цели, задачи и приоритеты государственной финансовой поддержки российского промышленного экспорта. В статье также предложены экономические и институциональные инструменты совершенствования механизма государственной поддержки экспорта предприятий промышленного сектора экономики.

Ключевые слова: экспорт; экспортный потенциал; государственная поддержка экспорта; промышленные предприятия; экспортоориентированные промышленные предприятия.

The objective need of the balanced development of national economy's industrial sector pre-determines the need of regulating influences correction of the state within the organizational and economic mechanism of an export potential building of the industrial enterprises. Because of that, the basic objectives, tasks and priorities for the state financial support of the Russian industrial export are examined in the article. The article also presents the economic and institutional instruments for the mechanism improvement of the export state support for the economy's industrial branch enterprises.

Key words: export; export potential; state support of export; industrial enterprises; export-oriented industrial enterprises.

На современном этапе, одним из важнейших направлений экономической политики Российской Федерации является развитие экспорта, увеличение в его структуре доли продукции с высокой степенью переработки и повышение конкурентоспособности российской продукции на внешнем рынке.

В целом, государственная поддержка экспорта — важнейшее направление экономической политики, которое призвано способствовать диверсификации и совершенствованию структуры российского экспорта,

избавлению России от так называемой «голландской болезни» и выходу отечественной продукции на новые, перспективные рынки.

Опыт большинства зарубежных стран, как промышленно развитых, так и развивающихся, свидетельствует о чрезвычайной важности государственной поддержки развития экспорта и деятельности национальных экспортеров. Практически все зарубежные государства, включая США, страны ЕС и Японию, осуществляют целевые программы всемерного содействия экспортерам путем создания для

них благоприятных торгово-политических и экономических условий. В рамках Организации экономического сотрудничества и развития было разработано и принято Генеральное соглашение об общих требованиях, применяемых к государственной поддержке экспортного кредитования, которое с 1992 г. для государств, входящих в Европейский союз, приобрело обязательный характер.

В части государственной поддержки экспорта Россия отстает, в том числе, и от стран, которые принято считать образцами либеральной экономической политики, такими как США или Сингапур. В нашей стране система подобной поддержки фактически находится на начальном этапе своего становления.

Первые шаги по созданию системы поддержки экспорта в Российской Федерации были предприняты в 1996 г., когда Правительство РФ одобрило долгосрочную федеральную программу развития экспорта. Главной задачей данной программы было формирование благоприятных экономических, организационных, правовых и иных условий для развития российского экспорта и повышения его эффективности, а также механизмов предоставления государственной, финансовой, налоговой, информационно-консультационной, маркетинговой, дипломатической и других видов помощи отечественным экспортерам.

В настоящее время в России основные цели, задачи и приоритеты государственной финансовой поддержки российского промышленного экспорта определены в Концепции развития государственной финансовой (гарантийной) поддержки экспорта промышленной продукции в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации 14 октября 2003 г. №1493-р.

Согласно данной концепции, основополагающим направлением государственной поддержки экспорта в России должно стать обеспечение общих макроэкономических условий, влияющих на экспортную деятельность предприятий [1]:

— поддержание конкурентоспособного реального курса валюты, формирующего адекватные ценовые стимулы, и принятие мер по компенсации возможного негативного влияния укрепления национальной валюты на экспорт;

— облегчение доступа к импортным компонентам, необходимым для экспортного производства, по мировым ценам либо посредством устранения импортных тарифов или использования системы возмещений импортных пошлин, либо через учреждение свободных экспортных зон (разновидность свободных экономических зон, когда беспошлинный доступ к инвестиционному импорту способствует снижению стоимости инвестиций и использования иностранных технологий);

— улучшение инфраструктурной (порты, дороги, электроснабжение) и социальной базы (квалифицированная рабочая сила).

Однако, темпы воплощения декларируемых в концепции положений пока сравнительно невысоки, а проводимые мероприятия слабо влияют на сложившуюся ситуацию, когда доля отечественных машин и оборудования в совокупном объеме мирового экспорта по-прежнему не превышает 0,3% [2].

Позднее, в конце 2006 г., был принят пакет правительственных решений «О совершенствовании механизмов поддержки экспорта отечественной продукции (услуг)», первый пункт которого направлен на совершенствование инфраструктуры государственной поддержки экспорта.

В условиях глобализации торговли, интеграции российской экономики в международное экономическое пространство, поэтапной либерализации внешнеторговой политики очевидно, что задачи ускорения и улучшения экономического развития страны могут быть решены только путем проведения активной государственной политики в сфере поддержки экспорта. На данном этапе федеральный уровень поддержки экспорта промышленных предприятий Российской Федерации представлен тремя основополагающими министерствами: Министерством экономики и развития, Министерством промышленности и торговли и Минфином РФ.

В целях обеспечения конкурентных преимуществ, поддержки и защиты интересов отечественных экспортеров на внешнем рынке, роста экономического потенциала и повышения доли высокотехнологичной и наукоемкой продукции в общем объеме российского экспорта разработана система мер государственной поддержки экспорта про-

мышленной продукции, предусматривающая использование торгово-экономических, организационных, финансовых и информационно-консультационных инструментов [3].

Федеральным бюджетом на 2012–2014 гг. предусмотрено:

— предоставление государственных гарантий Российской Федерации для оказания поддержки экспорта российской промышленной продукции на сумму до 9,5 млрд. долларов США;

— выделение 3 млрд. рублей на реализацию механизма возмещения части процентных ставок по кредитам, полученным российскими экспортерами промышленной продукции.

Для повышения заинтересованности производителей экспортной продукции в развитии экспортного потенциала и его практической реализации государственная поддержка осуществляется путем создания федераль-

ных программ, включающих финансовые и нефинансовые меры.

Также федеральные средства выделены на:

— предоставление государственных гарантий РФ в обеспечение деятельности ОАО «ЭКСАР» в размере до 10 млрд. долл. США;

— предоставление РФ государственных связанных экспортных кредитов на целевую закупку российской продукции (товаров, работ, услуг) иностранными государствами на основе межправительственных соглашений.

В настоящий момент, в Российской Федерации существует семь основных национальных институтов, оказывающих поддержку отечественным экспортерам промышленной продукции. Данные институты и их ключевые функции представлены на рис. 2.

Одним из последних было образовано Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР), начавшее свою деятельность с октября 2011 г.

Рис. 1. Федеральные программы поддержки экспорта [3]

и достаточно эффективно выполняющее возложенные на него функции.

Важным институциональным инструментом совершенствования государственной поддержки экспорта промышленных предпри-

ятий могло бы стать создание Единого координирующего органа экспортной поддержки (ЕКОЭП) — специализированного посреднического института между национальными экспортерами и зарубежными импортерами.

Рис. 2. Национальные институты, оказывающие поддержку Российским экспортерам промышленной продукции

Данный институт предлагается создать в рамках Департамента государственного регулирования внешнеторговой деятельности при Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации.

Основными функциями ЕКОЭП должны стать:

— координирование действий национальных институтов по поддержке экспорта для более эффективного использования их потенциалов;

— создание единой базы данных по государственной поддержке экспорта промышленной продукции в России;

— упрощение процедуры подготовки, согласования и утверждения документации по экспортным проектам за счет предоставления отчетности по ним только в ЕКОЭП;

— подготовка и вынесение на рассмотрение Правительства РФ предложений по развитию экспорта промышленного сектора экономики;

— ежегодная разработка Национальной экспортной стратегии для ее обсуждения и утверждения правительством.

Необходимость создания подобного координирующего органа в Российской Федерации обусловлена некоторой разрозненностью национальных институтов, поддерживающих экспортоориентированные промышленные предприятия, и желанием отечественных экспортеров получать поддержку централизованно.

Также, содействие российским компаниям в продвижении их продукции и услуг на внешние рынки оказывают торговые представительства Российской Федерации в иностранных государствах.

Торгпредства оказывают российским производителям следующие виды поддержки:

— подготовка краткой информации о состоянии отдельных секторов экономики и рынков страны пребывания;

— подготовка краткой информации о регулировании внешнеэкономической и предпринимательской деятельности страны пребывания;

— подготовка краткой информации по вопросам торгового режима страны пребывания;

— содействие в поиске потенциальных партнеров в стране пребывания;

— содействие в организации деловых переговоров;

— содействие в проверке деловой репутации потенциальных партнеров в рамках имеющихся в стране пребывания открытых данных;

— предоставление информации о предстоящих в стране пребывания международных выставках, конференциях, семинарах, симпозиумах.

В настоящее время в рамках Общей системы преференций ООН и Программы по развитию экономического сотрудничества ЕС и России российские экспортеры также могут получить определенные льготы.

Тарифные льготы в рамках данной системы являются инструментом снижения общеэкономических издержек российских экспортеров товаров в страны дальнего зарубежья.

В целях получения дополнительных конкурентных преимуществ при выходе на зарубежные рынки, российские экспортеры также могут воспользоваться невзаимными преференциальными режимами, предоставляемыми странами Европейского союза (ЕС), США, Канадой и Турцией в рамках все той же Общей системы преференций ООН.

Российская Федерация, в соответствии с классификацией ООН, входит в перечень стран с переходной (транзитивной) моделью экономики, поэтому российские экспортеры могут претендовать на более благоприятный режим ввоза своей продукции, нежели РНБ.

Программа по развитию экономического сотрудничества Европейского союза и России призвана содействовать Российской Федерации в проведении основных экономических и социальных преобразований. В основу такого сотрудничества было положено сочетание опыта ЕС в сфере рыночной экономики и демократии с российской спецификой и знаниями [4].

ЕС и Россия постепенно переходят к диалогу равных: совместно финансируют проекты и обращают особое внимание на сферы общих стратегических интересов.

Среди реализованных направлений программы сотрудничества ЕС и России — поддержка реформ государственных институтов, правовой и административной сферы, помощь частному сектору в области экономического развития (в том числе и во внешне-

экономической деятельности), минимизация социальных последствий переходного периода, обеспечение ядерной безопасности.

Государственные гарантии дифференцируются на 3 категории в зависимости от получателя:

1. Государственные гарантии российскому экспортеру промышленной продукции в обеспечение платежных обязательств в иностранной валюте;

2. Государственные гарантии российскому или иностранному банку-кредитору, предоставляющему кредиты российским экспортерам, иностранным импортерам, банкам-нерезидентам и иностранным государствам (включая предэкспортное финансирование), в обеспечение платежных обязательств в иностранной валюте по возврату и оплате кредитов;

3. Госгарантии банку — агенту Правительства РФ ЗАО «Росэксимбанк» по его заимствованиям или по выставленным данным банком-агентом банковским гарантиям.

Страны, экспорту в которые оказывается государственная гарантийная поддержка, принято делить на 2 категории:

1. Страны, обладающие достаточным инвестиционным кредитным рейтингом по шкале одного из трех рейтинговых агентств (Fitch, Moody's, Standard & Poors).

При экспорте в указанные страны не требуется предоставление государственной контр-гарантии в качестве обеспечения и принимаются иные формы обеспечения.

Предельный размер покрытия в каждом случае определяется Минфином России, но не может превышать 90% контрактных обязательств.

2. Страны, не имеющие инвестиционного кредитного рейтинга.

Перечень таких стран с определением предельных объемов гарантирования и категорий страновых рисков для каждого государства утвержден распоряжением Правительства РФ от 28 июня 2006 г. №926-р. При экспорте в эти страны требуется государственная контргарантия в качестве обеспечения.

Важно заметить, что государственные гарантии предоставляются иностранным банкам-кредиторам только при условии, что срок кредита составляет не менее 8 лет.

Максимальные сроки заимствований в российских кредитных организациях, по которым предоставляются государственные гарантии, устанавливаются в зависимости от следующих групп экспортируемых товаров:

а) на потребительские товары максимальный срок заимствований не должен превышать 5 лет;

б) на машины, механизмы, оборудование и транспортные средства — до 7 лет;

в) промышленное (комплектное) оборудование — до 11 лет;

г) летательные и космические аппараты, морские и речные суда — до 14 лет;

д) инвестиционные проекты «под ключ», реализуемые в иностранных государствах, — до 14 лет;

е) атомные электростанции и оборудование для них — до 20 лет.

В настоящее время, арсенал применяемых в мировой практике форм и технологий государственной поддержки экспорта постоянно расширяется, что предполагает необходимость совершенствования действующей системы поддержки экспорта в России в части:

— устранения недостатков действующих механизмов;

— достраивания недостающих компонентов системы;

— создания координирующего центра поддержки экспорта.

Реализация данных направлений совершенствования отечественного механизма поддержки экспорта и наращивания экспортного потенциала промышленных предприятий включает экономические и институциональные инструменты (рис. 3).

Предлагаемое структурное наполнение каждой из групп может стать пошаговой инструкцией для совершенствования национального механизма наращивания экспортного потенциала промышленных предприятий через реформирование системы государственной поддержки экспорта.

Что касается предоставления государственных гарантий, то, прежде всего, необходимо усилить потребность российских экспортеров в данном виде поддержки. Достигнуть этого возможно за счет упрощения данных процедур, расширения набора страхуемых рисков, а также увеличения числа

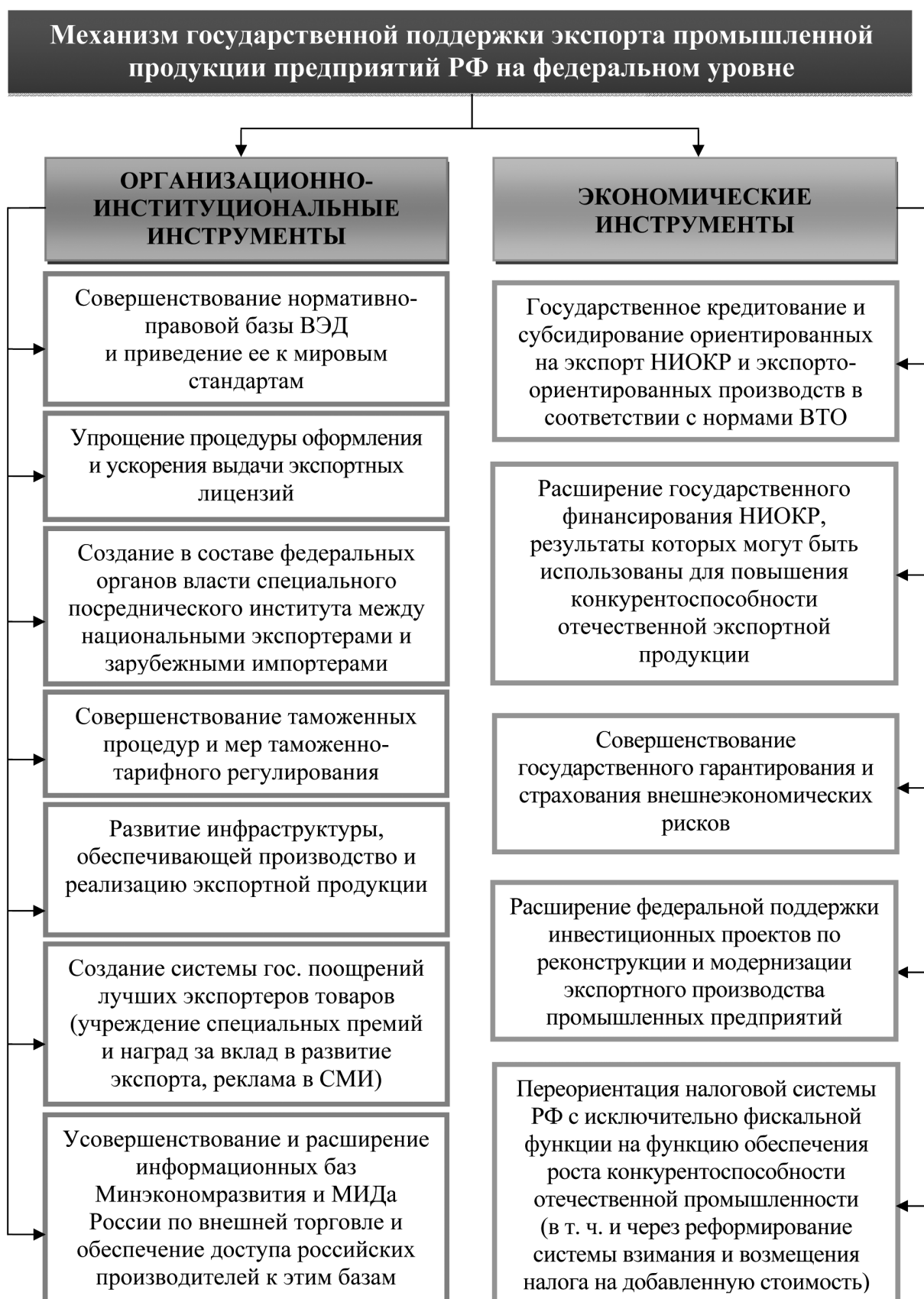

Рис. 3. Предложения по совершенствованию механизма государственной поддержки экспорта Российской промышленной продукции

стран, кредитование экспорта в которые гарантируется.

Также, очень важно сместить акценты действующей системы гарантирования кредитов с поддержки небольшого числа крупных предприятий к более широкой поддержке.

Реализация данного шага возможна, главным образом, за счет расширения информационной открытости банков, увеличения их капитала и расширения штата.

Реформирования требует также и механизм субсидирования процентных ставок по экспортным кредитам. В данном вопросе главное — добиться участия в этой программе всех регионов России, чтобы в итоге поддержку получали действительно подготовленные к экспортной деятельности фирмы. Решению этой проблемы могло бы способствовать внедрение механизма экспортного аудита. При использовании подобной системы отбора можно было бы отказаться от действующего в настоящее время (и активно критикуемого начинающими экспортерами) требования о необходимости трехгодичного опыта внешнеторговой деятельности для получения данного возмещения.

Однако совершенствование механизмов гарантирования кредитов и субсидирования процентной ставки не в состоянии достаточно существенно увеличить объемы кредитования экспорта, так как это не решает проблему нехватки длинных денег в отечественной банковской системе.

Перестраивая систему государственной поддержки экспорта, необходимо обратить внимание также на то, чтобы инструменты и механизмы этой поддержки не противоречили нормам ВТО, в частности условиям ее Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам. Данное соглашение относит к запре-

щенным субсидиям любой экспортный кредит, предоставленный правительством (или его институтом) по ставке ниже действующей на международном рынке капиталов.

Возмещение правительством всех или части расходов, понесенных экспортерами в связи с уплатой процентов по кредиту, в мере, обеспечивающей получение существенного преимущества в области условий экспортного кредитования, также признается запрещенной субсидией.

Дальнейшее совершенствование системы поддержки экспорта возможно за счет ее усиления на региональном уровне, расширения набора инструментов поддержки (в том числе, ориентированных на малые и средние предприятия и начинающих экспортеров), постепенного увеличения ее объемов, облегчения условий получения, а также унификации критериев поддержки.

Литература

1. *Гаврилов Н., Беляков И.* Государственная поддержка промышленного экспорта в России [Электронный ресурс] / Экономический портал. — Режим доступа: <http://institutiones.com/industry/615-gosudarstvennaya-podderzhka-exports.html>. свободный — Загл. с экрана.
2. *Школяра Н. А.* Институты и инструменты государственной поддержки экспорта: Испанский опыт. // Вопросы экономики. — 2007. — №4.
3. Портал внешнеэкономической информации РФ [Электронный ресурс] / Официальный сайт. — Режим доступа: <http://www.ved.gov.ru/>, свободный — Загл. с экрана.
4. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией от 1997 г.

Поступила в редакцию

10 сентября 2013 г.

Ксения Евгеньевна Питчак — аспирант кафедры «Экономика» Новочеркасской государственной мелиоративной академии.

Ksenia Evgenyevna Pitchak — postgraduate student at the Economy department of the Novocherkassk State Land Reclamation Academy.

346411, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346411, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (918) 513-04-71; e-mail: kseniya-pitchak2@yandex.ru

Ольга Геннадьевна Андриющенко — доктор экономических наук, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление и экономическая теория» ЮРГТУ (НПИ). Автор работ по проблемам ресурсно-инновационного развития промышленных предприятий.

Olga Gennadievna Andrjushchenko — Ph.D., Doctor of Economics, professor at the National and Municipal Administration and Economic Theory department of SRSTU (NPI). Author's works are devoted to problems of resource and innovative development of the industrial enterprises.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-26; e-mail: s0067@yandex.ru

УДК 338:331

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2013 г. Л. Л. Гишкаева

Чеченский государственный университет, г. Грозный

Рассматриваются некоторые аспекты теории и практики формирования заработной платы на примере России и развитых стран Мира.

Ключевые слова: доход; заработная плата; производительность труда; прожиточный минимум; предпринимательский сектор; работник; рыночная экономика; рынок труда.

In the article author presents the analysis of some theoretical and practical aspects of the essence and wage formation, both in the Socialist system and in the modern market economy by the example of Russia and of the progressive countries of the world.

Key words: fiscal sphere; income; salary; a minimum wage; labour productivity; living subsistence; the business sector; the employee; the market economy; the labour market; the Socialist system; labour.

Одним из важнейших видов денежных доходов современного общества является заработная плата, на которую в развитых странах приходится до 60–70% ВВП, в России — значительно меньше [1, с. 12]. В условиях постиндустриального общества существенно изменилось качество и роль работника. Значительно повысилось значение творческой деятельности, существенно возрос спрос на высококвалифицированную рабочую силу, для воспроизводства которой необходимы большие затраты на образование, здравоохранение и т. п.

Стоимость рабочей силы неодинакова в историческом, национальном, социальном и культурном плане. В определенные периоды времени в разных странах и среди разных народов имелись свои представления о потребностях средней семьи: так, в условиях жаркого климата нет необходимости в теплой одежде и отоплении домов, также различны социальные и культурные запросы жителей Европы и Азии.

При установлении стоимости рабочей силы на уровне социологического минимума, обеспечивающего лишь поддержание жизни, рабочая сила воспроизводится лишь

в ухудшающемся качестве. Так, в 90-е годы XX века минимальная потребительская корзина в России была представлена лишь 19 наименованиями товаров и услуг, тогда как в США — более 300. Минимальная заработная плата в США при этом позволяла приобрести данную корзину, тогда как в России — нет, следствием чего в нашей стране стало снижение и качества, и количества совокупной рабочей силы [2, с. 313].

Нужно отметить, что при плановой экономике уровень минимальной заработной платы, равный 80 рублям, был примерно в 1,5 раза больше прожиточного минимума, что позволяло рассматривать ее как социально значимую величину [3, с. 124]. Получая только минимальную заработную плату, можно было, хотя и весьма скромно, прожить на нее.

Длительное время в отечественной экономической литературе заработная плата определялась как доля работника в общественном фонде потребления, выдаваемая ему социалистическим государством за труд. Данное положение соответствовало теории экономики социализма с ее господством государственного патернализма.

С хозяйственной реформой 1965 года изменилось представление о заработной плате, которая уже представлялась как доля в доходе предприятия, или одновременно доля работника как в доходе предприятия, так и доходе общества.

Часть заработной платы гарантировалась государством, а часть — доходом предприятия. Таким образом, ее старались увязать с трудовым вкладом работника или конечным результатом труда работника, но это не позволило преодолеть уравнильность в оплате труда, и причину этого экономисты видели в недостаточности прав предприятий. Другая точка зрения состояла в том, что низкая трудовая стимуляция в распределении была вызвана снижением активности государственной политики в сфере оплаты труда.

Данное положение способствовало в 80-е годы прошлого века появлению заинтересованности и предприятий, и работников в занижении плановых заданий, сокрытии внутрипроизводственных резервов, завышении цен, заработной платы, себестоимости продукции, препятствовало внедрению дорогих и высокоэффективных технических средств и т. д. Предложения по совершенствованию заработной платы сводились к повышению тарифных ставок и окладов в оплате труда, премированию только за сверхнормативные и высокие трудовые достижения.

В 80-е годы XX века в стране также были централизованно разработаны тарифные условия оплаты труда, применяемые на многих предприятиях и настоящего времени, с корректировкой абсолютных уровней заработной платы для соответствующего периода времени. Это позволяло предоставить равную оплату за равный труд, независимо от специфики трудовой деятельности. В 1992 году постановлением Правительства РФ №785 «О дифференциации в уровнях оплаты труда работников бюджетной сферы на основе Единой тарифной сетки» был разработан подход с применением Единой тарифной сетки для рабочих и служащих. Традиционным для России является использование разных тарифных систем при оплате труда рабочих и оплаты труда служащих. Как показывает практика, бюджетная ЕТС применяется не только предприятиями и учреждениями государственного сектора экономики, но и пред-

принимательского, изменяя тарифные коэффициенты с учетом конкретных условий.

В конце 80-х и начале 90-х гг. прошлого века многие руководители и специалисты предприятий отказывались от применения тарифной системы с гарантированными тарифными ставками и должностными окладами, повременной и сдельной форм оплаты труда, в том виде, в котором они применялись на практике. Свое негативное отношение они объясняли тем, что:

— во-первых, превышение меры труда не сопровождается адекватным ростом оплаты, сдерживая работников в повышении эффективности своего труда;

— во-вторых, гарантированная ставка или оклад не соответствуют принципу распределения по труду, так как допускает равное вознаграждение за неравный труд, порождая уравниловку, поэтому не заинтересовывает работников в достижении предприятием высоких конечных результатов;

— в-третьих, гарантированные ставки и оклады больше соответствуют гарантированным фондам заработной платы. В рыночных условиях, когда фонд оплаты труда находится в полной зависимости от результатов хозяйственной деятельности предприятий, использование гарантированных ставок и окладов нелогично [4, с. 54].

На сегодняшний день на многих российских предприятиях применяются бестарифные, рейтинговые системы оплаты труда, что не противоречит Гражданскому и Трудовому Кодексам РФ. Эти системы между собой не сильно различаются и основаны на долевым распределении, предназначенных для заработной платы средств, в зависимости от определенных критериев.

В структурах предпринимательского сектора бестарифный вариант оплаты труда становится наиболее удобным для работодателей, так как оплата труда производится, исходя из конечного результата производственной деятельности, а государственный контроль ограничивается установлением размера минимальной заработной платы и налогообложением доходов предпринимателей и работников.

Представления о заработной плате в рыночной экономике связаны с необходимым для воспроизводства рабочей силы и эффективного функционирования производства

объемом жизненных средств, который выплачивается работнику в стоимостной форме за его труд, и соответствует достигнутому уровню развития общественных производственных сил. Таким образом, заработная плата является стоимостью (ценой) рабочей силы, призванной выполнять три основные функции — воспроизводственную, стимулирующую и регулируемую.

Если в ТК СССР, принятом в 1971 году, труд являлся конституционной обязанностью каждого трудоспособного гражданина, а свобода предусматривалась в выборе профессии, рода занятий и места работы, то в новой редакции ТК РФ от 2001 года закреплено право на свободу труда. Таким образом, государство от обеспечения гарантированной работы перешло к содействию занятости и защите от безработицы [5, с. 8].

При переходе на рыночную систему хозяйствования от прежней системы организации труда сохранился наемный характер труда при смене работодателя — от государства роль перешла к частному собственнику средств производства. Вместо административных методов его организации, теперь действуют меры экономические, так как для большинства населения труд является единственным или основным источником существования.

С развитием рыночных принципов организации трудовых отношений появились и ранее неизвестные проблемы, такие как: социальная незащищенность, безработица, конкуренция на рынке труда, необходимость в миграции при поиске работы.

Государственной службой занятости регистрация безработных началась в 1991 году, хотя, фактически, и в советский период существовала скрытая безработица, несмотря на ее официальное отсутствие с 1930-х годов, когда была закрыта последняя биржа труда [6, с. 97].

О наличии скрытой безработицы говорило то обстоятельство, что «на всякий случай» на многих предприятиях содержалось больше работников, чем была бы в них необходимость при правильной организации производства. Существовавший в СССР низкий уровень оплаты труда при отсутствии у предприятий заинтересованности в росте эффективности труда и минимизации количества работников, когда при этом вручную выполнялась большая часть работ, являлись

предпосылкой для отмеченной выше ситуации в области занятости [6, с. 97]. В то же время, нежелание людей работать на низкооплачиваемых местах с плохими условиями труда, приводило к дефициту кадров. Идеологическая борьба, цель которой сводилась к противопоставлению «социалистической» полной занятости «капиталистической» безработице, обеспечивала прикрытие данному обстоятельству.

Заработная плата является не только экономической категорией, но и нравственной, так как она наделяет человека определенным социальным статусом. Стоимость рабочей силы нужно ориентировать на минимальный, а в дальнейшем, и на рациональный потребительский бюджет, рассчитываемый дифференцированно относительно категорий работников, видов производств, территорий страны. Социально-экономические последствия процессов движения заработной платы и цен нужно рассматривать, соизмеряя уровень и динамику оплаты труда с уровнем и динамикой прожиточного минимума трудоспособного населения.

Падение совокупного спроса в стране со снижением реальных доходов населения, в конечном итоге, ведет к свертыванию наукоемких производств, замене дешевой рабочей силой дорогого оборудования, таким образом, исчезает стимул к росту производственной эффективности и, соответственно, снижается конкурентоспособность отечественных товаров и услуг как на мировом рынке, так и на внутреннем.

Рыночная трансформация российской экономики происходила в условиях роста социальной напряженности, чему также способствовала значительная дифференциация в уровне оплаты труда, особенно там, где данное явление не должно было проявляться в силу отсутствия различий в эффективности труда и производства. Так, в 1999 году децильный коэффициент дифференциации заработной платы составил в среднем 23,5 раза [3, с. 124]. С 1990 по 2000 годы в России объем ВВП снизился вдвое, а реальная заработная плата — примерно в пять раз [7, с. 70].

В развитых странах с рыночной ориентацией на протяжении длительного периода времени, несмотря на некоторые изменения, наблюдался рост реальной заработной платы. Так, с 1960 по

1995 годы реальная заработная плата в США выросла более чем на 61% [8, с. 27].

Исходной причиной роста заработной платы является рост производительности труда. Повышение производительности труда связано, в свою очередь, с ростом его вооруженности основными фондами на основе взаимозаменяемости труда и капитала. Повышение ставок заработной платы приводит к снижению спроса на труд и повышению его на капитал. Масштабы и темпы данного замещения находятся в прямой зависимости от эластичности спроса на труд по заработной плате. Эластичность спроса тем выше, чем легче могут заменить друг друга труд и капитал в производстве, и меняется в зависимости от секторов и отраслей экономики. Замещению труда капиталом противодействует рост предельных издержек при каждом уровне производства продукции.

Эластичность спроса на факторы отражает эластичность спроса на производимые с использованием данных факторов товары. Чем ниже эластичность спроса на данную продукцию, тем ниже эластичность спроса на используемые факторы производства, так как спрос на факторы производства произведен от спроса на конечную продукцию.

Рост заработной платы в определенной отрасли на основе роста производительности труда по сравнению с другими отраслями, увеличивает приток работников в данное производство и, соответственно, приводит к снижению предложения труда в других отраслях. Это обстоятельство вынуждает повышать заработную плату и производительность труда в данных отраслях на основе улучшения технологии и роста капиталовооруженности труда. Такая же ситуация может иметь место и на региональном уровне.

Рынок труда определяет величину заработной платы небюджетников, тогда как в качестве основных инструментов государственной политики в сфере оплаты труда бюджетной сферы в России, как мы уже отмечали, применяются МРОТ и единая тарифная сетка (ЕТС). Следовательно, во многом наличие и величина межсекторного разрыва в заработной плате на данное время зависят от адекватных действий государства и реакции на изменения рынка при определении оплаты труда в бюджетном секторе.

В большинстве развитых стран действует принцип «превалирующей зарплаты», когда рынок труда определяет уровень заработной платы для работников, что означает получение равного вознаграждения за равный труд, т. е. работники примерно с одинаковым уровнем квалификации получают примерно равную заработную плату. В зависимости от рассматриваемой страны применяются различные механизмы передачи информации о заработной плате из частного сектора в государственный:

— первый: это коллективные переговоры между профсоюзами и государственными структурами при определении уровня оплаты труда бюджетников, исходя из информации о заработной плате определенной квалификации в частном секторе, потенциальных бюджетных ограничениях и ожидаемых темпов инфляции;

— второй, когда опираются на результаты проведенного мониторинга оплаты труда в частном секторе.

Независимо от сектора экономики, занятые примерно схожим трудом работники по исследуемым индивидуальным параметрам должны примерно одинаково вознаграждаться. При таком выше приведенном соответствии оплаты бюджетников рыночным показателям возможно наличие в оплате их труда денежной и «натуральной» ренты. Это подтверждают проводимые исследования: работники общественного сектора обычно получают, в среднем, более высокие доходы, чем в частном секторе. Эти различия частично можно объяснить более высоким уровнем образования работников, занятых в общественном секторе. В то же время, в большинстве стран часть такой дифференциации обусловлена и более высокими ставками заработной платы или рентой, которая выплачивается в общественном секторе. При этом, натуральный компонент ренты может быть представлен дополнительной защитой от рисков на рынке труда, более высоким уровнем социальных гарантий и т. д. [9]. Выше приведенная увязка заработной платы бюджетного сектора с рынком значительно снижает возможности чиновников влиять на нее. Они могут в большей степени регулировать количество работников, в соответствии с бюджетными возможностями.

Рост заработной платы является одним из факторов роста производительности труда, наряду с ростом качества образования, внедрения новых технологий и т. д. Стоит отметить, что западные компании, переноса в бедные страны трудоемкие и малоквалифицированные операции, без которых не могут обходиться и в своем производстве, обеспечивают высокие заработные платы высококвалифицированным специалистам собственных стран. Это способствует концентрации наиболее производительных сил в этих странах и, соответственно, лучшим условиям совершенствования и развития технологий. При этом устаревшие технологии передаются менее развитым странам, теряющим стимулы к совершенствованию собственных научно-исследовательских исследований.

Литература

1. *Абалкин Л.* Размышления о долгосрочной стратегии. // Вопросы экономики. — 2006. — №12.

2. Экономическая теория. / Под общ. ред. В. Н. Видяпина, А. И. Добрынина, Г. П. Жу-

равлевой, А. С. Тарасевича. — М.: ИНФРА-М, 2005.

3. *Савченко П. В., Кокина Ю. П.* Политика доходов и заработной платы. — М.: Юристъ, 2000.

4. *Волгин Н. А.* Отечественный и зарубежный опыт оплаты труда. Особенности оплаты труда в реальном секторе экономики, бюджетной сфере или организации государственной службы. // Социальная политика и социальное партнерство. — 2006. — №11.

5. *Ракоти В. Д.* Заработная плата и предпринимательский доход. — М.: Финансы и статистика, 2000.

6. *Симагин Ю. А.* Территориальная организация населения и хозяйства. — М.: КНОРУС, 2005.

7. *Овсиенко Ю., Петраков Н.* Российская трансформация и ее результаты. // Вопросы экономики. — 2004. — №5.

8. *Маевский В.* Экономические измерения и фундаментальная теория. // Вопросы экономики. — 2005. — №10.

9. *Gregory R., Borland I.* Recent Developments in Public Sector labor markets. // Handbook of labor Economics. — 1999. — P. 620.

Поступила в редакцию

11 августа 2013 г.

Лейла Лечиевна Гишкаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика предприятий» Чеченского государственного университета.

Leyla Lechievna Gishkaeva — Ph.D., Candidate of Economics, docent at the «Economics of Industry» department of the Chechen State University.

364020, г. Грозный, ул. Серноводская, д. 18, кв. 2
18 Sernovodskaya st., app. 2, 364020, Grozny, Chechen rep., Russia
Тел.: +7 (928) 019-27-60; e-mail: Leila_114@mail.ru

УДК 347.736

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕФИНИЦИЙ «НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» И «БАНКРОТСТВО» И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2013 г. А. С. Сааков

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Рассмотрены различные подходы к пониманию дефиниций «несостоятельность» и «банкротство». Показано, что при разработке мероприятий по повышению устойчивости функционирования производственных систем необходим комплексный подход, рассматривающий экономическую систему предприятия как систему, в которой возможен либо плавный, либо лавинообразный переход системы в другое, устойчивое (позитивное или негативное) состояние, а обеспечение позитивности изменений возможно путем структурной стабилизации производственной системы.

Ключевые слова: банкротство; устойчивость функционирования; антикризисное управление; структурная стабилизация.

Author analyzed the different ways of understanding the insolvency and the bankruptcy as of the definitions. It's shown that the comprehensive approach should be used during the working out of the stability increasing measures for the production systems' functioning. The approach should regard the enterprise's economic system as a system, which can change its stable (positive or negative) status from one to another either gently or avalanche-likely, and making the changes positive is possible with the help of structural stabilization of the production system.

Key words: bankruptcy; stability of the system's functioning; crisis management; structural stabilization.

Используемые в настоящее время определения понятий «несостоятельность» и «банкротство» даются в ст. 2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: «Несостоятельность (банкротство) — это признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и(или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [1]. В нем указаны три основные черты несостоятельности: неспособность должника рассчитаться по долгам со всеми кредиторами; неспособность должника уплатить обязательные платежи в бюджет и во внебюджетные фонды; и «несостоятельность должна быть подтверждена состояние неспособности должника трансформируется в несостоятель-

ность только после того, как арбитражный суд констатирует наличие признаков его неплатежеспособности, являющихся достаточным основанием для применения к нему процедур банкротства.

В Законе понятия выступают синонимами: «несостоятельность (банкротство)». Однако в научном сообществе нет единого мнения по этому поводу. Дискуссии ведутся еще со времени разработки и принятия первого закона о несостоятельности (банкротстве) в 1992 г. Одни ученые согласны с тем, что это единый термин, другие настаивают на разграничениях этих терминов [2; 3].

Сторонники синонимичности терминов отмечают, что это единые термины в законодательстве и судебной практике большинства развитых стран мира. Согласно Закону после

того, как должник будет признан несостоятельным, возможно либо заключение мирового соглашения, либо — ликвидация должника, в рамках процедуры конкурсного производства. Таким образом, «несостоятельность» — это событие, зафиксированное арбитражным судом как неспособность экономической единицы — должника отвечать по своим обязательствам. Это событие, как правило, является следствием кризисных явлений, связанных с функционированием предприятия. Банкротство же в законе определено как процедура, то есть процесс, который может быть инициирован несостоятельностью.

Аргументы их противников основаны на том, что, хотя понятия «несостоятельность» и «банкротство» находятся в диалектической связи и имеют единую сущность, они различны, поскольку признание объекта несостоятельным еще не означает его банкротства [4; 5]. Такой подход означает, что банкротство представляет собой предельное состояние несостоятельности. С этим согласны практически все сторонники разграничения понятий. Как отмечается в известной работе [6]: «... Во-первых, банкротство рассматривается как частный случай несостоятельности, уголовно наказуемое деяние, наносящее ущерб кредиторам; во-вторых, под несостоятельностью понимается абсолютная неплатежеспособность должника, признанная арбитражным судом и означающая невозможность погасить свои долги в настоящем и будущем в связи с превышением пассивов над активами».

Можно согласиться со следующим определением понятий несостоятельности и банкротства: «несостоятельность — это финансовое состояние предприятия, зафиксированное в определенный момент времени, но которое может завершиться банкротством при ухудшении финансовой ситуации. Банкротство — такое состояние предприятия, при котором его деятельность невозможна и нецелесообразна, и в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов предприятия осуществляется ликвидация последнего и продажа его имущества» [7].

Однако, как отмечает Н. В. Рондарь, для выявления экономического содержания «несостоятельности», о которой идет речь в Законе, то есть о финансовой несостоятельности, следует подойти к вопросу шире, рас-

смотреть экономическую несостоятельность, которая является, как правило, основанием для финансовой несостоятельности. Для этого, как отмечает автор, необходимо применить системный подход. И, следовательно, рассматривать экономическую несостоятельность как сложную систему, выделяя внутренние и внешние факторы, то есть факторы взаимодействия с внешней средой [8]. Такой подход позволил этому автору сформировать систему факторов, определяющих экономическую несостоятельность. Выделяется рыночная несостоятельность — отсутствие сбалансированности действий на рынках; производственная несостоятельность — как разбалансированность действий в использовании всех факторов производства. Финансовая несостоятельность, по мнению автора, — это «результат функционирования первых двух составляющих — предполагающая отсутствие сбалансированности действий по управлению денежными потоками предприятия, его обеспечению финансовыми ресурсами» [8].

Таким образом, по мнению Н. В. Рондаря, «экономическая несостоятельность предполагает несоответствие внутренних возможностей предприятия требованиям экономической действительности». Следует согласиться с автором: для того, чтобы выявить содержание экономической несостоятельности и связать ее с финансовой несостоятельностью следует представить процесс, отражающий состояния исследуемого объекта и управляющие воздействия по разрешению противоречивых ситуаций. Можно выделить пять основных этапов (стадий) этого процесса:

— латентная стадия, когда экономическая несостоятельность проявляется через ряд негативных тенденций, но до критических значений показатели функционирования хозяйствующего субъекта еще не дошли;

— этап экономической неустойчивости;

— этап высокого уровня риска банкротства;

— этап перехода от экономического пространства несостоятельности к пространству правовому, разрешение противоречий правовыми методами;

— этап банкротства.

Наряду с экономической несостоятельностью, некоторые авторы вводят понятие «системная несостоятельность». Например,

З. А. Алиева и Н. В. Тимошенко [9] предложили следующее определение системной несостоятельности предприятия: «Системная несостоятельность предприятия — это такое состояние основных подсистем предприятия и взаимосвязей между ними, при котором блокируется его дальнейшее развитие и наступает необратимый процесс нарушения устойчивости функционирования предприятия». Эти авторы предлагают рассматривать причины возникновения системной несостоятельности с учетом этапа жизненного цикла организации. В той же работе авторы выделяют два этапа развития организации (становление и старения), для которых вероятность наступления системной несостоятельности наиболее высока.

Предпосылки несостоятельности многообразны: это результаты взаимодействия многочисленных факторов как внешнего, так и внутреннего характера. Указанные факторы не являются непосредственными причинами возникновения кризиса на той или иной стадии жизненного цикла предприятия и тем более его банкротства. Однако они влияют на развитие факторов ухудшения финансово-экономического состояния предприятия. Анализ факторов, влияющих на деятельность предприятия, необходим для выявления степени негативного воздействия определенной группы факторов, планирования деятельности предприятия, разработке мероприятий по финансовому оздоровлению, оценке слабых сторон предприятия. В такой информации в первую очередь заинтересованы руководители и специалисты предприятий, занимающиеся планированием деятельности, арбитражные управляющие — для адекватной оценки состояния предприятия и разработки плана мероприятий по выходу из кризиса.

Таким образом, процессы утраты платежеспособности и банкротства разделяет событие, называемое несостоятельностью, а процесс банкротства завершается событием, называемым ликвидацией предприятия. Стало быть, банкротство есть процесс, направленный на ликвидацию несостоятельного предприятия посредством продажи его имущества с целью соразмерного удовлетворения требований кредиторов и исключения должника из государственного реестра юридических лиц.

Экономическое содержание понятия «банкротство» следует рассматривать в неразрывной связи с причинами, его вызывающими. При этом возможны различные подходы к выявлению причин банкротства.

В зависимости от того, какие причины привели к банкротству, в известной работе [10] предлагается выделить три вида банкротства: банкротство бизнеса, которое связано с неэффективным управлением, ошибками при формировании маркетинговой стратегии и(или) нерациональным использованием ресурсов предприятия; банкротство собственника, которое связано с недостатком у собственника инвестиционных ресурсов при благоприятной внешней и внутренней среды; банкротство производства, которое в силу неэффективного управления и(или) недостаточных инвестиционных ресурсов, или устаревших технологий, или высокого уровня конкуренции, связано с производством неконкурентоспособной продукции.

А. О. Недосекин [11] предлагает все причины, вызывающие кризисные явления, на основе системного подхода сгруппировать следующим образом:

— внешние причины, сгруппированные согласно принципам STEP-анализа (политические, технологические, внешнеэкономические, социальные);

— рыночные причины, основными из которых являются, по мнению автора, слабая позиция предприятия на рынке сбыта продукции, высокий уровень конкуренции, неустойчивость и узость рыночной ниши;

— внутриэкономические причины, важнейшей из которых является высокий уровень издержек;

— финансовые причины, которые объединяют все причины, приводящие к отрицательным финансовым результатам;

— управленческие причины, связанные с низким уровнем управленческой культуры на предприятии.

Это, по мнению автора, позволит формировать механизм выхода из сложившейся кризисной ситуации.

Представляется конструктивным подход, описанный в работе [12], в которой банкротство рассматривается как результат трех кризисов на предприятии: финансового, управленческого и экономического. Там же пред-

лагается графическая модель соответствующих явлений (рис. 1).

Предкризисный период (точки t_1 – t_2 на рис. 1) проявляет, в основном, управленческий кризис, имеющий явно выраженную тенденцию перехода к финансовому кризису. В период t_2 – t_3 наблюдаются тенденции резкого снижения ликвидности и платежеспособности. Период t_3 – t_4 — неплатежеспособность, завершающийся в t_4 несостоятельностью. Период t_4 – t_5 — банкротство.

Такой подход позволяет рассмотреть во времени динамику нарастания кризисных явлений, выявить момент перехода от процессов неплатежеспособности и несостоятельности к банкротству. Критическое состояние предприятия — в точке бифуркации. Процесс в точке бифуркации может развиваться по двум траекториям: полное банкротство и ликвидация; финансовое оздоровление и нормальное функционирование.

При этом не вызывает сомнений процесс формирования целей для периода t_4 – t_5 :

— ликвидация убыточных предприятий;

— выявление предприятий-должников, для которых кризис может быть преодолен;
— защита прав собственников (кредиторов, должников).

Другая модель развития кризисных явлений на предприятии предложена в работе Е.Б. Колбачева и В. А. Туникова [13], в которой рассматриваются пути обеспечения устойчивости производственных систем предприятия как основа предотвращения его банкротства. При этом неустойчивое состояние производственных систем предприятия характеризуется возникновением в системе колебательных или скачкообразных процессов, либо неуправляемым изменением параметров в нежелательную сторону, либо одновременным наличием в системе совокупности этих явлений. При этом возможен либо плавный, либо лавинообразный переход системы в другое устойчивое (что не всегда означает позитивные изменения) состояние, в том числе — в состояние полного разрушения системы.

Известен также подход О. Сухарева [14], который проявления неустойчивости фун-

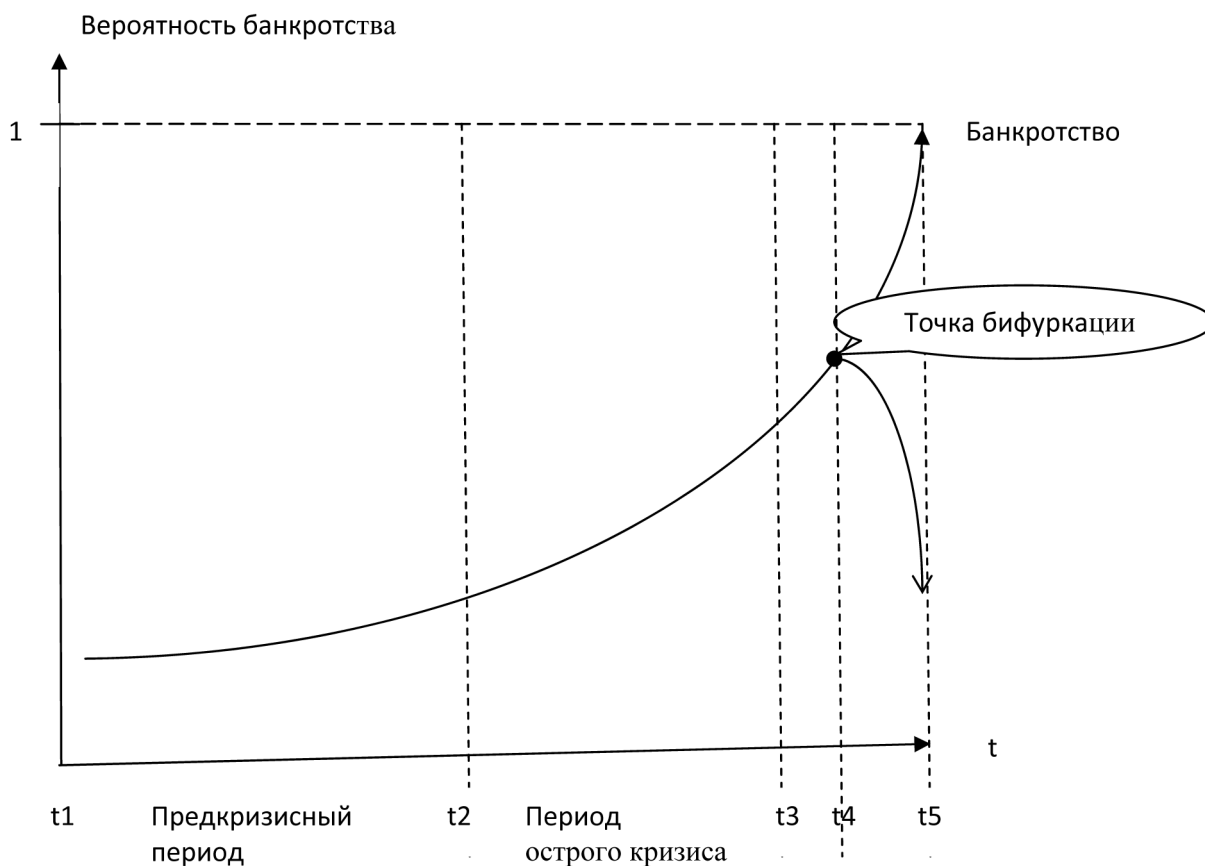

Рис. 1. Развитие кризисных явлений на предприятии (разработано на основе [12])

кционирования связывает с дисфункцией предприятия в пределах определенного монетарного диапазона. Гармоничное использование положений этих работ ([13; 14]) позволяет использовать в качестве средств предотвращения несостоятельности процедуры структурной стабилизации, предполагающей возможные изменения оргструктуры предприятия и изменение структуры ресурсов, используемых в процессе производства, и изменение структуры бизнес-процессов, реализуемых при этом. Очевидно, что последнее может быть осуществлено путем осуществления инновационных проектов.

В современных условиях высокого уровня неопределенности ведения бизнеса повышается роль диагностических процедур, позволяющих оценить как текущее финансовое состояние предприятия, так и тенденции его изменения. Это позволяет разработать превентивные меры по предотвращению влияния негативных тенденций и недопущению кризисных явлений.

При этом необходимо исходить из понимания банкротства как результата финансового, управленческого и экономического кризиса на предприятии или в бизнес-группе, а мероприятия по его преодолению (предупреждению) строить на основе комплексного подхода, рассматривая экономическую систему предприятия как систему, в которой возможен либо плавный, либо лавинообразный переход системы в другое, устойчивое (позитивное или негативное) состояние, а обеспечение позитивности изменений возможно путем структурной стабилизации производственной системы.

Литература

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002 г.
2. Слепышев В. А. Понятие и признаки несостоятельности (банкротства). // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — №36 (174). (Серия «Право», вып. 22). — С. 48–52.
3. Баренбойм П. Правовые основы банкротства. — М.: Теис, 1995.

4. Сулова Т. М. Несостоятельность и банкротство: экономические и юридические аспекты. // Журнал российского права. — 2004. — №2.

5. Васильев Е. А. Избранные труды. — М.: Статут, 1997.

6. Степанов И. Г., Попова Н. С., Демидова М. Н. Содержание понятий несостоятельности и банкротства. // Антикризисное управление. — 2006. — №4. — С. 67–69.

7. Татаурова О. А. Методические основы системы оценки несостоятельности юридических лиц. // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2006 — Т. 69. — С. 521–525.

8. Рондарь Н. В. Экономическая несостоятельность как показатель кризисного состояния организации. // Экономическое возрождение России. — 2006. — №3 (9). — С. 61–65.

9. Алиева З. А., Тимошенко Н. В. Методический подход к преодолению системной несостоятельности российских компаний в условиях формирования инновационной экономики. // Вестник университета (Государственный университет управления). — 2009. — №30.

10. Львова О. А. Банкротство как институт: Автореф. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. — М., 2012.

11. Недосекин А. О. Комплексная оценка риска банкротства корпорации на основе нечетких описаний [Электронный ресурс] / Инвестиционно-консалтинговая сеть IFEL. — Режим доступа: <http://www.ifel.ru/br7/3.pdf>, свободный. — Загл. с экрана.

12. Дягель О. Ю., Энегельгардт Е. О. Диагностика вероятности банкротства организаций: сущность, задачи и сравнительная характеристика методов. // Экономический анализ: теория и практика. — 2008. — №13 (118).

13. Колбачев Е. Б., Туников В. А. Организационно-экономические проблемы устойчивого функционирования производственных систем в машиностроении. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. — 246 с.

14. Сухарев О. С. Концепция экономической дисфункции и эволюция фирмы. // Вопросы экономики. — 2002. — №10. — С. 42–48.

Андрей Семенович Сааков — аспирант кафедры «Экономика и предпринимательство» Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Научный руководитель — доктор экономических наук, профессор В. М. Джуха.

Andrey Semenovich Saakov — postgraduate student at the «Economics and Entrepreneurship» department of the Rostov State University of Economy (RINKh). Research supervisor — Ph.D., Doctor of Economics, professor V. M. Jukha.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (928) 357-20-56; e-mail: nahaga89@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 336.64

ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОРПОРАТИВНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

© 2013 г. *И. В. Мостовая*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Рассмотрены особенности гуманитарных технологий корпоративного строительства. Показано, что организационные технологии корпоративного строительства, с самых ранних этапов развития корпораций дополняются гуманитарными технологиями, укрепляющими корпоративную идентичность.

Ключевые слова: организация; корпорация; гуманитарные технологии; социальные изменения; маргинализация.

Author examined the features of some actual liberal technologies that can be used for the corporate development. It's shown that the liberal technologies should be used as the support for the organizational technologies from the very beginning of the corporate development processes until the end, to increase the corporate identity level.

Key words: organization; corporation; liberal technologies; social changes; marginalization.

Современный социальный мир становится все более изменчивым, текучим. Изменения затрагивают очень многие, в том числе институциональные, процессы, превращая прежде стабильные формы в зыбкие и распадающиеся. Меняется среда трудовых коллективов, структура и форма семьи, политические партии отдают пальму первенства движениям, расширяется миграция, да и многие подобные социальные явления вызывают желание ряда участников сделать мир вновь стабильным, устойчивым и предсказуемым. Этого хотят в первую очередь социальные субъекты (руководящие группы, лидеры), которые имеют ресурсы и цели в области организации коллективной деятельности. Этого зачастую хотят и сами группы, точнее, их члены, поскольку определенность их коллективного бытия тоже удобна и желательна: понятны правила, санкции, поощрения, формы одобряемого взаимодействия, цели, ожидаемые результаты.

То, что во всем мире происходит как очередной цикл социальной модернизации, в нашем обществе обретает ряд специфических черт, нередко усиливающих общие тенденции. Это культурно-ценностные аспекты регионализации, «многослойные» социально-экономические циклы из-за «деградации индустрии и социальной сферы» [1, с. 25; 2], реванш крупных корпораций в экономической сфере, включение государства в роли мощного рыночного игрока в общественное регулирование, реальное смешение социетальных сфер современного общества, и крайне значимое для национальной конкурентоспособности, но проблемное, развитие реального производства. Перечисленные тенденции, которые в политэкономическом ключе анализирует в ряде своих работ член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН Р. С. Гринберг, важно учитывать и в социологическом анализе, поскольку «островки роста» интеллектуального капитала сами по себе

вряд ли превратятся в вождельные «бастионы сопротивления культурному и интеллектуальному одичанию» [1, с. 28], здесь, как и в успешном развитии реальной экономики и экономики знаний, нужна осмысленная организационная работа.

Есть ли опыт подобной деятельности, с учетом масштаба задач? По-видимому, да, и сложился он в области строительства злосчастных корпораций, подавляющих своим гипертрофированным развитием менее крупные адаптивные формы бизнеса и стабильность национального общества как такового. Но если отвлечься от размышлений об их зловещей роли, и обратиться к теоретическим обобщениям фактов появления и развития из «очагов» в «столпы», можно ожидать некоторые интересные результаты от изменения угла зрения.

Со времен тотального зазубривания принципов марксизма-ленинизма для большинства отечественных обществоведов, включая социологов, понятна значимость организационных технологий в формировании «общества» — корпораций. Они создаются группами людей с экономическими целями, самоуправляемы, и в своем правовом бытии отделены от индивидов (частных лиц), которых в себе объединяют. Основы корпоративного строительства, по сути, институциональны. Это подтверждает и всемирная история корпораций (см., напр.: [3; 4]), которые возникали в поле задач, связанных с реализацией государственных потребностей, в том числе связанных с колониальным оборотом, были наделяемы правовым ресурсом и другими поддержками со стороны «общества», а также выстраивали собственную архитектуру на таких же институциональных основаниях. Вводились писанный порядок, деловая иерархия, регламенты действий и взаимоотношений, распределение ресурсов, правила кадрового обеспечения, планы-графики решения задач, контроля качества, условия снабжения и т. п. Отсюда и возникал целостный комплекс разнообразных элементов социально-группового строения, функциональные задачи которого могли разрастаться и видоизменяться в связи с расширением поля деятельности в пространственно-географических, производственно-сервисных, информационно-технологических и иных форматах.

Однако организационные технологии, лежащие в основе корпоративного строительства, с самых ранних этапов развития корпораций уже в обществах индустриальной эпохи, дополнялись и существенно опирались на гуманитарные технологии, укреплявшие корпоративную идентичность посредством осознанного инструментального воздействия на духовную, ментальную, нравственную, культурную и социальную сферу вовлеченных людей. Сплоченность и целеустремленность сотрудников корпорации, их мотивация к продуктивной деятельности достигалась посредством применения множества методов, в том числе формирующих специальную символическую платформу корпоративной идентичности. Аналитики этого процесса отмечают, что «внешняя среда современных организаций насыщена социальными мифами — присвоенными и интериоризированными социальными контекстами, претендующими на онтологизацию. Они в значительной степени определяют жизнь современных организаций...» [5, с. 127] Это, конечно, верно и в целом, как общий принцип, но в первую очередь должно быть отнесено к маргинальным контекстам, к условиям высокой динамики социальных изменений и непосредственно к молодым организациям.

Если говорить о последних десятилетиях развития России, то социальные метапроцессы и процессы непосредственно корпоративного строительства отражают очевидную специфику маргинальных влияний. Общество в целом с разрушенной идеологией и ценностной платформой социальных идентификаторов достаточно инерционно формирует новый идентификационный контур, при этом отдельные общественные группы и тем более оргструктуры корпоративного типа, где практически возможны пошаговые социально-технологические внедрения, относительно быстрее создают «причисления», и это подтверждено эмпирическими исследованиями. Так, было выявлено, что к середине «нулевых» россияне более первостепенными считали свою принадлежность к профессиональной группе, общности по взглядам на жизнь и национальности, нежели идентификации со страной, и только к началу второго десятилетия XXI века россий-

кая идентичность начала первенствовать [6, с. 214]. В этом смысле технологично возвращаемая корпоративная принадлежность в более или менее зрелом и развитом смысле как конкурентный ресурс формируется быстрее, чем идентичность, опирающаяся на гораздо более широкую культурную платформу. Это, безусловно, результат применения мобилизационных технологий, дающих скороспелый, но очевидный социально-экономический эффект. Инструменты нагнетания конфликта, противопоставления, мифологизации истории группы, формирования конструктивной системы ценностей (миссии), целей, планов и стимулов действуют без осечки и порождают более или менее выразительный социальный результат. Для организации корпоративного типа — это солидарность: сформированная групповая идентичность и кооперируемая деятельность, как следствие, порождающая экономический, производственный успех.

Впрочем, задорная легкость кабинетных выводов общего типа должна быть существенно подправлена анализом особых причин для заметных социальных искажений процесса формирования корпоративной солидарности и инкорпорирования сотрудников в современных российских организациях, самым старым из которых, как правило, не более 20 лет. Исследователь социальной оргсреды А. В. Федорова обращается к взаимовлиянию моральной среды общества и корпоративной среды, где так или иначе сознательно задействованы механизмы внутриорганизационного конституирования групповой морали. Она выявляет, что здесь, внутри организаций, критично проявляется конфликт между культивируемой корпоративной моралью и маргинализацией морально-нравственных ориентиров, навязанной давлением общественного, довольно нездорового в целом, контекста. Речь идет о разочаровании социальных акторов — инсайдеров организаций — в «нормах и правилах» дореформенного и устанавливаемого социального порядка, отсутствии духовных лидеров и в целом системы морально-нравственных ориентиров, к которым сотрудники организаций испытывают социальное доверие, о легитимации криминальных социальных практик и конкретно коррупции.

Противоречие гуманитарно-технологического конструирования эффективной внутрикорпоративной среды и расслабляющего, или разлагающего, влияния амбивалентной общественной морали ослабляет потенциал организационной культуры. «Эти причины сформировали особые стратегии жизни людей в организациях, основанные на идее «лайтовости», «легкости», когда в некоторых организациях приверженность устоявшимся нормам, традициям, правилам становится признаком несовременности и неуспешности. Идея «лайтовости» затрудняет выстраивание сильной организационной культуры и долгосрочных консенсусных коммуникационных стратегий с партнерами, конкурентами, стейкхолдерами и др. организациями во внешней среде» [5, с. 126–127]. Мне трудно согласиться с автором исследования в том, что обозначен наиболее проблемный социальный результат, который может быть отнесен скорее к сфере возрастной социальной моды и престижных образцов поведения. А вот нормативный конфликт, вероятный мотивационный конфликт, несопряженность легитимных и легальных моделей субъективного социального действия, несомненно, существенно понижает эффективность корпоративного конструирования.

В современной научной литературе делаются попытки как разрабатывать, так и концептуализировать знание гуманитарных технологий в целях формирования солидарностей достаточно высокого порядка, однако они порой представляют собой довольно экзотические построения, основанные на исключительных социальных предпосылках, в частности, модели общественного актора — «дальновидного гедониста» (см., напр.: [7, с. 85–93; 8]) с присущей ему рациональностью и гомогенностью. Надо сказать, что многие исследования отнесены к области не корпоративного, а политического конструирования, со всеми свойственными особенностями, что позволяет анализировать и применять методологические принципы, но не дает возможность проводить социальные аналогии, поскольку гражданские сообщества и политические солидарности очень отличаются от корпоративных [9, с. 26–32; 10, с. 70–98]. Тем не менее, технологии инсти-

туционального конструирования и формирования определенных векторов социокультурной среды рассматриваются и обобщаются¹, что облегчит в дальнейшем разработку теоретических приложений.

Литература

1. *Гринберг Р. С.* Основные проблемы современного турбулентного мира. // Гуманитарий Юга России. — 2013. — №2.

2. *Гринберг Р. С.* Россия в турбулентном мире: вызовы и императивы: материалы к актовой лекции в Международном университете: сб. ст. Москва, 25 сентября 2012 г. — М.: ИД Междунар. ун-та в Москве, 2012. — 68 с.

3. *Бакан Д.* Корпорация: патологическая погоня за прибылью (The Corporation: The Pathological Pursuit of Profit and Power). — М.: «Вильямс», 2007.

4. *Cooke C. A.* Corporation, Trust and Company: A Legal History. — Aspen, 1950.

5. *Федорова А.* Власть социальных мифов и внешняя среда современных организаций. // Власть. — 2013. — №4.

6. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров. / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. — М.: «Весь Мир», 2011.

7. *Цыганов В. В., Шульц В. Л.* Высокие гуманитарные технологии в политической системе общества. // Социологические исследования. — 2012. — №8.

8. *Шульц В. Л., Цыганов В. В.* Модернизация системы национальной безопасности. Модели и механизмы федеральной, региональной, муниципальной и корпоративной безопасности. — М.: Наука, 2010.

9. *Мамонов М. В.* Информационная политика и изменение общественного мнения. // Полис. — 2011. — №5.

10. *Соловьев А. И.* Латентные структуры управления государством или игра теней на лике власти. // Полис. — 2011. — №5.

Поступила в редакцию

12 ноября 2013 г.

¹ Например, в работе Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН, Лаборатории исследования проблем инфосоциальных технологий.

Ирина Владимировна Мостовая — доктор социологических наук, профессор, проректор по учебно-методической и социальной работе Южного федерального университета. Основные научные направления: экономическая социология, социальная стратификация и мобильность, социология управления, постмодернистская социология; теория социальной структуры; психология управления; социокультурная идентичность.

Автор учебных курсов и спецкурсов: социология, политология, теории социальной структуры, психосемантический анализ политической коммуникации; психология управления, более ста научных работ, учебников и учебных пособий. Под научным руководством И. В. Мостовой защищено более 50 кандидатских и докторских диссертаций.

Irina Vladimirovna Mostovaya — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, the pro-rector on study-methodical and social work at the Southern Federal University. Author's basic fields of scientific interest include the economic sociology, social stratification and mobility, sociology of management, postmodern sociology, social structure theory, psychology of management and social and cultural identity.

I. V. Mostovaya is an author of numerous academic courses and specialties, such as sociology, political science, social structure theory, psychosemantic analysis of the political communications, psychology of management; author of more than 100 scientific works, tutorials and textbooks. As a research supervisor I. V. Mostovaya took part in preparing more than 50 dissertations by Candidates and Doctors of Science.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
105/42 Bolshaya Sadovaya st., Rostov-na-Donu, Russia
Тел.: +7 (863) 218-40-92; e-mail: mostovaya@sfedu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.354.4

ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ СТРУКТУР САМООРГАНИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ

© 2013 г. О. В. Исакова, Е. В. Загороднюк

*Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

В статье рассмотрен механизм формирования самоорганизующихся групп, возможные направления их государственной поддержки и связанные с этим социальные риски.

Ключевые слова: *социальная самоорганизация; молодежь; общественные объединения.*

In the article authors present the analysis of the mechanisms, that work for the development of the self-organizing groups, the ways of governmental support for these mechanisms and social risks, which are concerned with it.

Key words: *social self-organization; youth; social unions.*

Модернизация российского общества и глобальные социальные изменения, сопровождающиеся кризисными явлениями, экономическими трудностями, закономерно обуславливают рост активности населения и развитие на региональном (локальном) уровне вариативных форм самоорганизации и самоуправления. Такие периоды в истории управления обществом отмечаются активизацией гражданских инициатив (как на личностном уровне, так и на уровне общественных объединений), повышением роли общественных организаций и движений в управлении обществом. То есть неопределенность и неустойчивость в социальном и экономическом развитии, неоднородность структуры социальной системы, формируют механизм управления на основе взаимодействия спонтанных регуляторов, то есть при отсутствии единого субъектного начала. Наиболее действенной составляющей в этом случае является именно самоорганизация, как проявление в обществе процессов саморегулирования [1].

Молодежь с присущими ей повышенной эмоциональностью, максимализмом взглядов, проблемами самоидентификации проявляет себя в ряде ситуаций как передовая, порой «ударная» группа в составе политических партий, а также политизированных, зачастую склонных к экстремизму, организаций. Так, в 1990-е гг. резкие изменения в области социальных противоречий, в отношении к жизненным ценностям и приоритетам, культуре, катастрофический рост социальной дифференциации привели не только к сменяемости структур социальной самоорганизации, но и к аномальным отклонениям их социальной направленности, неадекватности сформированных моделей действительности реальным процессам: от полной аполитичности, инфантильности до экстремизма, полного отрицания власти. Механизм возникновения этой ситуации вполне объясним: возрастающая неустойчивость и неопределенность обуславливает возникновение точки бифуркации [2], в которой малое изменение параметра

резко изменяет состояние системы. Дальнейший рост энтропии может привести к ряду альтернативных ситуаций: от полного распада до перехода системы в новое качество (метасистемный переход [3; 4]).

Общество не может оставаться индифферентным по отношению к этим процессам и противопоставляет им систему государственной поддержки молодежи и развития социальной самоорганизации, обеспечивающую совокупность целенаправленно формируемых воздействий, в которых субъектами организационной деятельности являются многообразные единичные и групповые проявления общественных сил на всех уровнях, как в отдельных подсистемах, так и в обществе в целом. Однако, создаваемый обществом, государством конструкт отражает только ряд аспектов сложного и динамичного процесса, который оценивается конечным объемом информации и совокупностью ее субъективной интерпретации. Оценка ожидаемого результата предполагает наличие нового объема информации и ее интерпретации с точки зрения субъекта. То есть можно предположить создание ряда моделей-интерпретаций на основе одной и той же выборки или измененного состава информации, воспринимаемой из действительности в соответствии с ожиданием [3; 5].

Таким образом, неотъемлемой частью любых внедряемых молодежных проектов и социальных конструктов является реальная оценка риска развития структур самоорганизации соответствии с меняющимся характером окружающей действительности.

Вместе с тем, преодоление кризиса, спад напряженности не останавливает сиюминутно развитие структур самоорганизации, которые сами по себе можно рассматривать как системы, обладающие выраженным процессуальным и динамическим характером [1]. То есть, реализуя свои функции в системе саморегулирования, молодежь как на групповом, так и на индивидуально-личностном уровне осуществляет корректировку модели своего развития. «Развитие предполагает изменение групповых и индивидуальных качественных характеристик молодежи. В условиях нелинейной социальной динамики, лежащей в основе эволюционного развития современного общества, изменение этих характеристик

определяется на групповом и индивидуально-личностном уровнях внутренней целесообразностью, путем саморефлексии и самостоятельного выбора возникающих альтернатив» [5].

Гипотетическая модель «инерционного» развития структур самоорганизации предполагает вторую точку бифуркации с набором вероятных исходов от снижения и затухания активности, как было отмечено выше, до неприятия посткризисной ситуации и переходу к экстремистским и другим противоправным действиям.

Таким образом, тенденция к стабильности в обществе предполагает вариативные модели развития структур самоорганизации, стохастический характер их направленности и обуславливает возникновение проблем, связанных с этими процессами.

Снижение общественной активности создает противоречие между значительным расширением возможностей для самореализации молодежи, с одной стороны, и снижающимся уровнем востребованности этих возможностей, с другой. Неконтролируемый рост активности, включая посткризисный период, порождает проблемы политизации общественных организаций и движений, создания экстремистских и деструктивных организаций и группировок, преимущественно на локальном уровне. Достижение оптимального баланса в этой сфере способствует разрешению противоречий и снижению рисков создания иррациональных структур самоорганизации. Это подразумевает ряд условий: наличие вариативных форм и активность общественных организаций, развитие инфраструктуры взаимодействия администрации и молодежных объединений, а также законодательной базы, регулирующей такие взаимодействия. Научный и практический интерес приобретает политика со стороны государства по поддержке и развитию общественных объединений молодежи, деятельность которых направлена на решение конкретных социальных проблем. Создание государственной сетевой инфраструктуры, поддерживающей развитие молодежных объединений, включая региональные молодежные программы, гранты, молодежные ресурсные центры и т. п., должно способствовать адаптации к социальным переходам: возрастным,

профессиональным, культурным, духовным и т. д.

Необходимость материальной поддержки институтов гражданского общества со стороны государства и муниципальных органов сохраняется и осознается органами государственной власти и местного самоуправления. Наиболее естественным является путь поддержки активности гражданских инициатив, направленных на решение социально-значимых проблем [6], за счет прямого финансирования работ по реализации общественно-значимых программ или за счет прямых и косвенных налоговых льгот. Другой путь — непосредственное направление государственных ресурсов на развитие институциональной инфраструктуры развития сети молодежных объединений. Как показывают результаты опроса (рис. 1), проведенного автором среди руководителей общественных организаций г. Новочеркаска (96 респондентов), предпочтительной формой государственной поддержки, по мнению самих общественных организаций, является целевое финансирование.

Возникающие риски в обоих случаях многообразны и требуют особого исследования, перечислим фрагментарно только некоторые из них, связанные с распределением средств:

— риск финансирования деструктивных и экстремистских молодежных организаций;

— риск финансирования молодежных организаций, не достигших социально-субъектной зрелости, и формирование потребительских тенденций;

— риск финансирования искусственно созданных объединений и развитие коррупционных схем;

— риск неэффективного использования средств за счет их «размывания» при формализованной ресурсной поддержке;

— риск неэффективного использования средств за счет субъективности оценок при адресной ресурсной поддержке;

— риск возникновения конкурентности и клановости среди общественных структур;

— риск деградации общественных инициатив и собственно самоорганизации и т. д.

Даже простое перечисление рисков показывает, что в общей системе структур самоорганизации даже небольшие флуктуации, имеющие высокую вероятность, могут привести к катастрофическим отклонениям от исходного состояния и требуют научного осмысления и обоснования.

Специфической формой добровольных объединений являются сетевые структуры самоорганизации, образованные на базе информационных коммуникационных технологий и предполагающие свободно связанную сеть принципиально равноправных и независимых партнеров. Их базовая особенность — сохранение различий между концептами

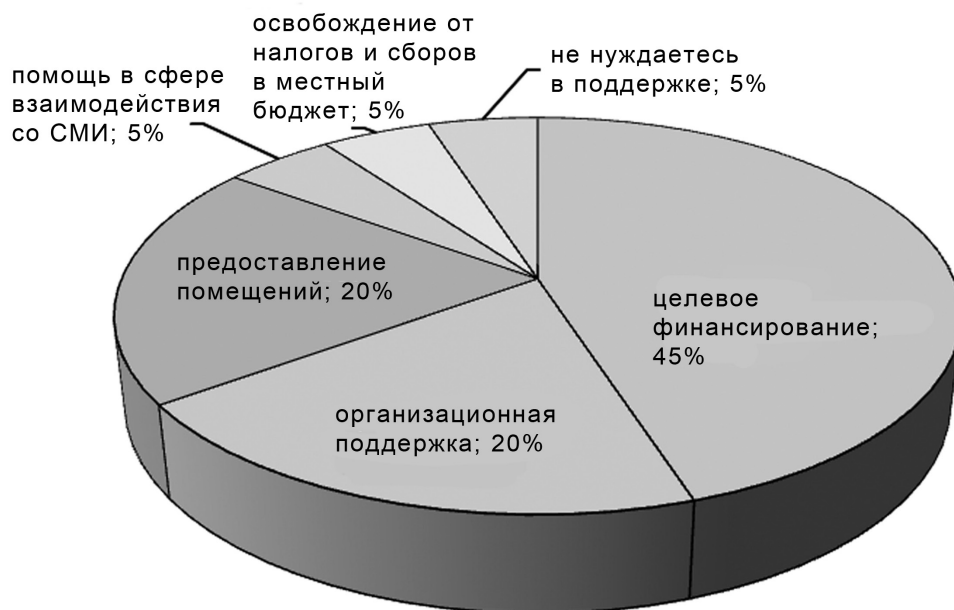

Рис. 1. Предпочтительные формы поддержки от органов местного самоуправления

при одновременном признании ими коллективных ценностей и общей цели, активного включения в процессы самоорганизации и самоуправления. Доминирование горизонтальных связей в такой структуре обуславливает специфические принципы самоорганизации: коллегиальность в обсуждении и принятии решений, гетерархию, добровольность (в некоторых случаях — анонимность), территориальную разобщенность, динамизм и пр. Однако подобные объединения обладают высоким уровнем организации, воздействием на формирование общественного мнения, потребностью активного участия в управлении обществом.

Особый интерес вызывает отношение молодежи к участию в акциях стихийного волеизъявления. Такие акции могут принимать формы забастовок, актов гражданского неповиновения, митингов, демонстраций и других видов социального протеста в рамках действующего законодательства или вне их.

Анализируя технологии самоуправления и их реализации, можно сказать, что в настоящий период стабильная, устойчивая самоорганизующаяся система более высокого иерархического уровня должна обеспечить рациональные структуры и технологии, в первую очередь, через трансформирование традиций управленческой культуры; через закрепление статуса органов самоуправления в структуре

управления; через обеспечение самоуправления, как подсистемы управления.

Литература

1. *Исакова О. В., Щербакова Л. И.* Социальная самоорганизация как социальный феномен. Социологическая интерпретация. — Новочеркасск: УПЦ «Набла» ЮРГТУ (НПИ), 2002. — 16 с.
2. *Карлов Н. В.* Ведать — весть — совесть (О гуманизации технических умов). // Наука и человечество, 1991: международный ежегодник. — М.: Знание, 1991.
3. *Хищенко В. Е.* Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 224 с.
4. *Турчин В. Ф.* Феномен науки. Кибернетический подход к эволюции. — М.: Наука, 1993. — 295 с.
5. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. — М.: Academia, 2008. — 272 с.
6. *Хананашвили Н. Л., Якимец В. Н.* Межсекторные взаимодействия в России: методология, технологии, правовые нормы, механизмы, примеры. — М.: Наука, 2000.

Поступила в редакцию

2 октября 2013 г.

Ольга Владимировна Исакова — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и психология» ЮРГПУ (НПИ).

Olga Vladimirovna Isakova — Ph.D., Candidate of Sociology, docent at the SRSPU (NPI) Sociology and Psychology department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (904) 347-83-36; e-mail: olga_srstu@mail.ru

Елена Вячеславовна Загороднюк — кандидат технических наук, доцент кафедры «Социология и психология» ЮРГПУ (НПИ).

Elena Vyacheslavovna Zagorodnyuk — Ph.D., Candidate of Technics, docent at the SRSPU (NPI) Sociology and Psychology department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (904) 449-85-44; e-mail: olga_srstu@mail.ru

УДК 378.013.2

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ

© 2013 г. Л. С. Николаева, Т. Н. Чумакова

Новочеркасская государственная мелиоративная академия

Методологической основой эффективности деятельности преподавателей вузов являются структурный, функциональный и динамический подходы. Деятельность преподавателей вузов представляет собой развивающийся процесс: развитие структуры, мастерства, функций и в итоге всей педагогической деятельности как целостного образования.

Ключевые слова: педагогическая деятельность; структурный подход; функциональный подход; динамический подход; эффективность; структура; педагогические умения; профессиограмма; педагогическое мастерство; субъект и объект профессиональной деятельности.

The methodological basis of the high school teachers' effectiveness is the complex of structural, functional, and dynamic approaches. University teachers' professional activity is an evolving process, which includes the development of the structure, skills, functions, and eventually of the entire teaching activity as of the holistic formation.

Key words: educational activity; structural approach; functional approach; dynamic approach; efficiency; structure; teaching skills; profессиogram; pedagogical mastery; subject and object of professional activity.

Деятельность преподавателей ВУЗов можно представить как развивающийся процесс. Среди множества подходов к этой проблеме нам представляется целесообразным выделить структурный, функциональный и динамический. Такое разделение позволяет более тщательно провести анализ исследований с позиций развития: структуры, функций, мастерства, и, в конечном счете, — педагогической деятельности как целостного образования.

Анализ структурного подхода. Начнем с анализа тех работ, в которых превалирует структурная направленность. Так, иерархически организованной структурой видят педагогическую деятельность авторы, предлагающие анализировать ее на социологическом, психологическом и педагогическом уровнях [9]. Такой подход к направлению исследования действительно фундаментален,

так как охватывает все «внутренние» и «внешние» стороны, и, вероятно, исследование развития педагогической деятельности, ее «самодвижение» должно органически «вписаться» на любом уровне анализа. Однако на важность именно такого ракурса исследования напрямую не указывается. Многоуровневый анализ педагогической деятельности, охватывающий социологическую, психологическую и педагогическую сторону труда преподавателя высшей школы, в литературе нам не удалось обнаружить, но отдельно на каждом из этих уровней многие авторы ведут поиск составляющих структуры деятельности педагога.

Анализ структуры отражен в литературе в виде исследований, разделяющих педагогическую деятельность на различные ее типы, например, собственно педагогическую исследовательскую, или на типы, отображающие

различные знания: политические, специальные, педагогические, психологические, методические. Такое разделение и последующий анализ позволяют глубже вникнуть в содержание социологической структуры педагогической деятельности, исследовать ее «педагогическую эффективность» [12], вычислить оптимально необходимые затраты времени на осуществление разных ее видов. Но рассматривая педагогическую деятельность [3] нужно исследовать ее изменения в зависимости от тех требований, которые предъявляет окружающая нас действительность. Иначе есть опасения, что, скажем, выявленные затраты времени «на сегодняшний день» не столь достоверны, как нам того хотелось бы. Анализируя педагогическую литературу, мы не получили ответа на вопрос: что происходит со структурой педагогической деятельности при изменении социальных требований? Если анализ педагогической деятельности в какой-то степени воссоздает картину ее «внешнего» функционирования, то «внутренняя» картина во многом отражена в работах на уровне анализа психологического. В качестве объекта исследования большинство авторов выделяет компонентный состав структуры. Они используют разнообразную терминологию (блоки, композиционный базис, образующие, составляющие стороны, специфические характеристики и так далее), но имеют в виду, как правило, одни и те же элементы структуры [7]. Взаимосвязь действий преподавателя, направленных на решение педагогических задач, система и последовательность их осуществления — под таким «углом» многие авторы рассматривают структуру педагогической деятельности. Пять компонентов структуры, выявленных в исследованиях Н. В. Кузьминой (конструктивный, проектировочный, организаторский, коммуникативный, гносеологический), казалось бы, охватывают все наиболее значительные стороны деятельности преподавателя. И задача — исследовать структуру в целях оптимизация учебного процесса. Но наша цель несколько иная — сделать более совершенным процесс деятельности преподавателей. И здесь, на наш взгляд, необходимо учесть, что структура педагогического труда со временем изменилась, во всяком случае, должна измениться соответственно с новыми требованиями. В этом контексте поперечный «срез» деятельности, который

лежит в основе «модели Кузьминой», вряд ли окажется эффективным, так как развитие здесь не учитывается [4].

Психологический анализ педагогической деятельности во многих работах отражен в виде профессиограмм, используемых уже десятки лет в США, Англии, других европейских странах. При этом особый акцент делается на изучение профессиональных способностей преподавателя, склонностей его к педагогической профессии, качеств личности. Среди авторов, опирающихся на этот подход, особой основательностью выделяются исследования В. А. Сластенина, согласно модели которого структура педагогической деятельности включает в себя такие разделы, как личностные и профессиональные педагогические качества, основные требования к психолого-педагогической подготовке, содержание методической подготовки по специальности, объем и содержание специальной подготовки [10].

Еще один, очень важный тип профессиограмм включает в качестве основополагающего ядра те задачи, которые обязан решать в своей деятельности преподаватель. В «модели Н. Ф. Талызиной», где параметрами служат первостепенные педагогические задачи и соответствующие им первостепенные умения, самым важным для целей нашего исследования представляется такое умение педагога, как владение системным подходом [11, с. 18]. Этот подход предполагает рассмотрение педагогической деятельности не только путем «среза» в одной плоскости, но и глубокий анализ динамики явления, выявление иерархически соподчиненных друг с другом уровней развития, определение «системообразующего фактора» — Б. Ф. Ломов, который и делает деятельность преподавателя системной [6]. Совокупность разнообразных педагогических умений составляет структуру деятельности в работах, посвященных ее педагогическому анализу. Одни авторы связывают эти умения с решением основополагающих задач, другие — с педагогическим мастерством, третьи — с качествами личности и поведением преподавателя [2, с. 192]. Мы особенно выделяем попытку рассмотреть структуру педагогической деятельности как состоящую из динамично меняющихся задач. Например, от исполнения

заданных задач до участия в их создании; или от передачи учащимся информации до более широкого воздействия на их личность. Однако возникающие новые задачи не связываются с изменением структуры педагогической деятельности. В некоторых исследованиях подчеркивается значение умений педагога разрешать разнообразные противоречия, возникающие в ходе учебного процесса [8]. Но в анализируемых работах не говорилось о том, каков должен быть системообразующий фактор, чтобы противоречия эти разрешались наилучшим образом.

Анализ функционального подхода. Функционального строения, так или иначе, касаются все авторы, исследующие педагогическую деятельность. Но во многих работах на изучение функций делается особый упор, подчеркивая тем самым эту важнейшую сторону педагогического труда [8]. В рамках указанного подхода нами обнаружено такое направление исследований, которое предполагает рассмотрение деятельности преподавателя в виде систем функций или функциональных характеристик. Здесь описываются предметные и педагогические умения, знания, требования к педагогической профессии. О развивающемся характере деятельности, об изменении ее свойства в ходе развития, речь не идет. Но в этих работах прослеживается стремление авторов проводить исследования с учетом социального запроса общества, что полностью соотносится с нашим подходом [11, с. 31].

Имеет место и попытка выстроить иерархию педагогических функций. Так, ряд авторов [11] ранжирует педагогические функции по степени их значимости (например, общественные, методические, организаторские, трудовые, психофизиологические), или определяет степень значимости функций по «модели Кузьминой» [4]. Другие не только ранжируют их по степени значимости, но и дают функциям качественные характеристики, такие как «умелая постановка учебных целей», «систематическое планирование работы», «гибкое оценивание успехов студентов» и т. п. Разумеется, что эти качественные показатели не могут возникнуть сами по себе, они естественным образом связаны с развитием деятельности. Однако, из данных работ неясно, в чем заключается это развитие, что

именно развивает преподавателя как специалиста своего дела.

Завершая анализ функционального подхода, мы выделим такие исследования, в которых педагогические функции разделяются на два вида: «по отношению преподавателя к воспитаннику» и «собственно педагогические функции». Для нас важен сам факт выделения проблемы развития педагога, хотя процесс взаиморазвития «объекта» и субъекта в ходе педагогической деятельности в работах не исследуется и это условие не выдвигается в качестве основополагающего фактора развития деятельности. Однако сформулированное в них положение о различении этих двух функций мы рассматриваем как предпосылку нашего исследования.

Анализ динамического подхода. Развитие мастерства педагога (на этом основано наше определение динамического подхода) в педагогической литературе рассмотрено с различных сторон: с позиций постановки новых задач, совершенствования человеческой личности, уровней мастерства, обоснования системности действий педагогов-мастеров [2, с. 126]. Динамику роста педагогического мастерства авторы видят в улучшении умения проектировать учебно-воспитательный процесс, в изменении стоящих задач, в постоянном самообразовании, изменении целей.

Некоторые исследователи, выделяя пять уровней педагогического мастерства (репродуктивный, адаптивный, локально-моделирующий, системно-моделирующий знания, системно-моделирующий деятельность), подчеркивают, что на каждом из них мастерство педагога определяется некоторыми алгоритмами действий и поведения [8].

Все, что выявлено в ходе исследований педагогического мастерства, представляет, на наш взгляд, ценность, прежде всего, в плане определения требований. Скажем, чем лучше умеет преподаватель проектировать учебно-воспитательный процесс, тем выше его мастерство. Чем более регулярно его самообразование, тем успешнее будет его деятельность. Чем дальше он видит цели, чем дальновиднее работает, тем и продуктивнее, а значит и мастерство выше. Однако в работах, связанных с данным подходом, на наш взгляд, не вскрыты закономерности движения мастерства, а значит и движения

педагогической деятельности. Как правило, развитие мастерства (движение по уровням) не увязывается с конечными показателями работы преподавателя, т. е. с деятельностью «объекта», что снижает практическую значимость таких исследований.

В целом, обзор различных направлений исследований педагогической деятельности показал, что это явление не анализируется как процесс развивающийся, нет целостного рассмотрения педагогической деятельности в развитии, хотя тенденции к такому подходу и предпосылки его наметились.

Постоянное развитие, непрерывное образование — необходимые условия развивающейся деятельности педагога. В этом контексте мы понимаем целенаправленное повышение квалификации как обогащение преподавателя новыми способами деятельности, новыми методами работы, что должно дать новый импульс для дальнейшего его самообразования.

Литература

1. *Василенко Т. П.* Совершенствование педагогической квалификации преподавателей теоретического обучения учебно-курсовых комбинатов сферы производства: Автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. — Л., 1983. — С. 11.

2. *Есарева З. Ф., Свиридова Н. Г.* Эффективность учебного процесса и развитие форм

обучения. — М.: Педагогика, 1983. — С. 126, 192.

3. *Жекова С.* Учителя — объект на научное исследование. // Народная просвета. — 1984. — №3. — С. 32.

4. *Кузьмина Н. В.* Психологическая структура деятельности учителя и формирование его личности: Автореф. дисс. ... докт. псих. наук. — Л., 1965. — С. 14.

5. *Левитов Н. Д.* Методы изучения в Америке. // Вопросы изучения учителя. — М., 1935. — С. 46.

6. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. — М.: Педагогика, 1984. — С. 97.

7. *Овчинникова В. И.* Формирование у будущих учителей умения управлять процессом становления личности школьника: Автореф. дисс. ... канд. педагог. наук. — Л., 1978. — С. 16.

8. Основы вузовской педагогики. / Под ред. Н. В. Кузьминой. — М., 1972. — С. 49.

9. *Сластенин В. А.* Психология труда и личность учителя. // Педагогическая деятельность и проблема формирования личности учителя. Вып. 1, 2. — Л., 1976. — С. 63.

10. *Сластенин В. А.* Профессиональная готовность учителя к воспитательной работе. // Профессиональная подготовка учителя в системе высшего образования. — М., 1982. — С. 21.

11. *Талызина Н. Ф.* Педагог в условиях НТР. — М., 1986. — С. 18, 31.

12. *Удалов Н. П.* О преподавании специальных дисциплин в вузе. — М., 1981.

Поступила в редакцию

1 ноября 2013 г.

Людмила Сергеевна Николаева — доктор философских наук, профессор кафедры философии и педагогики Новочеркасской государственной мелиоративной академии.

Lyudmila Sergeevna Nikolaeva — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor at The Novocherkassk Land Reclamation Academy department of Philosophy and Pedagogics.

346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 22-29-60; e-mail: NikolaevaLUDMILA@gmail.ru, Katj132@Rambler.ru

Татьяна Николаевна Чумакова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и педагогики Новочеркасской государственной мелиоративной академии.

Tatiana Nikolayevna Chumakova — Ph.D., Candidate of Pedagogics, docent at The Novocherkassk Land Reclamation Academy department of Philosophy and Pedagogics.

346428, Ростовская обл., г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 22-28-95; e-mail: Tana201025@mail.ru

УДК 316.4

МЕСТО РЕЛИГИИ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА

© 2013 г. М. С. Леонова*, О. В. Бондаренко**

**Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский*
***Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)*

Статья посвящена определению места религии в системе ценностей российского студенчества. Особое внимание уделено религиозной идентичности молодёжи. Определён тип религиозности студенчества, выявлены уровень, глубина и особенности его религиозной идентификации. Проанализированы изменения в ценностной системе студенчества, её внеконфессиональный характер. Зафиксирован в ходе исследования рост уровня религиозности молодёжи по сравнению с данными о религиозности студенчества в конце XX в.

Ключевые слова: религия; религиозная идентичность; структура религиозности; ценности; конфессиональная принадлежность; вероисповедание; студенческая молодёжь.

The article is devoted to the definition of the place of the religion in the value system of the Russian students. Special attention is paid to the religious identity of the young people. Authors defined the type of religious students, revealed the level, depth, and especially its religious identity. The changes in the value system of the students and the non-confessional features of this system are also analyzed. During the study authors determined the level of religiosity of the young people and compared it with the data on the religiosity of the students in the end of the 20th century.

Key words: religion; religious identification; structure of the religiosity; values; confessional belonging; faith; students.

В современный период влияние религиозного фактора осуществляется на фоне секуляризационных и глобализационных процессов, свойственных постиндустриальному обществу. Для российского общества религия, в первую очередь, выступает как основание для поиска своей идентичности. Современная религиозная идентификация граждан России представляет собой сложный конгломерат способов конструирования идентичности. Особое значение поиск идентичности приобретает для российской молодёжи, когда в результате системного кризиса социально-культурной реальности на постсоветском пространстве произошла массовая утрата идентичности на групповом и индивидуальном уровнях.

В современном российском религиозоведении выработано следующее определение:

«религиозная идентичность — категория религиозного сознания, содержанием которой выступает осознание причастности идеям и ценностям, которые в данной культуре принято называть религиозными, а также осознание принадлежности к конкретной форме религии и религиозной группе» [1].

Другими словами, понятие религиозной идентичности включает как общее религиозное самоопределение человека, так и конкретную форму конфессиональной идентичности. Типы религиозной идентичности могут быть выделены по различным основаниям (например, по субъекту выделяются типы групповой и индивидуальной идентичности). В нашем случае нас интересует религиозная идентичность российского студенчества.

В одной из первых социологических работ в постперестроечный период «Молодежь

ные организации России и религия», посвященной анализу религиозности студенческой молодежи, исследователем С. А. Григоренко указывалась цифра верующих молодых людей — 39–46% [2]. Подчеркивая размытость религиозных представлений респондентов, автор, однако, не специфицировал конкретно их веру.

Позже Российский независимый институт социальных и национальных проблем провел три общероссийских исследования с целью изучения влияния экономического кризиса на религиозность молодежи (1997–1998 гг.). Для нас интересен результат этих исследований в том отношении, что он позволяет провести некоторые аналогии и прогнозировать возможные изменения в ценностной системе студенчества.

Среди опрошенных к верующим причислили себя 32,1%, к колеблющимся — 27%, выразили безразличие к вопросам веры — 13,9% и идентифицировали себя как неверующие — 14,6% [3]. В этом случае у респондентов уже наблюдалось отнесение себя к той или иной конфессиональной группе: что интересно, к православным причисляли себя не только верующие, но и колеблющиеся (56,2%), верующие в сверхъестественные силы (24,1%), индифферентные (8,8%) и даже среди неверующих 2,1% назвали себя православными. По итогам исследования С. А. Зутлером был сделан вывод, что экономический кризис августа 1998 г. и сопутствующие ему социально-экономические процессы не повлияли сколько-нибудь серьезно на мировоззренческие, в том числе и религиозные, ориентации студенческой молодежи [3].

В апреле-мае 2012 г. нами был проведен социологический опрос среди студентов Донского государственного аграрного университета (ДГАУ). Общее количество опрошенных составило 432 человека. Отбор респондентов в выборочную совокупность осуществлялся по квотной методике. Гипотеза исследования состояла в следующем: поскольку для постперестроечного периода развития российского общества характерно отсутствие идеологической основы для его социокультурного единства, постольку глубина религиозности студенчества в условиях идентификационного кризиса социума будет усиливаться, а

уровень религиозности возрастать. В процессе исследования нами ставилась задача: на основе сравнения данных, полученных нами в ходе исследования 2012 г., с результатами «больших», общероссийских опросов и исследований других авторов в докризисный период на заданную тему, определить тип религиозности студенчества, выявить уровень, глубину и особенности его религиозной идентификации. В качестве критериев религиозности мы использовали религиозное сознание, поведение и включенность в религиозные отношения.

Основными индикаторами религиозного сознания выступила личная вера, вера в Бога и загробную жизнь, вспомогательными стали вера в дьявола и ангелов, существование рая и ада. Для характеристики религиозного поведения мы выбрали преимущественно акты культового религиозного поведения, поскольку внекультовое поведение мало соответствует студенческой среде. Среди критериев культового религиозного поведения были отобраны: частота посещения богослужений, молитва, празднование религиозных праздников, религиозный обряд приобщения. По третьему критерию религиозности было уделено внимание только одному аспекту — отношению члена религиозной группы к светским общностям и ценностям.

Степень религиозности определяется, прежде всего, верой в религиозные догматы, которые являются фундаментом религиозного мировоззрения. Опрос выявил у студентов низкий уровень знания догматов религии, что свидетельствует о доминировании нерелигиозной картины мироздания, хотя 77,8% опрошенных уверенно ответили, что знают основы своей религии. Заметим, что у большинства студентов в доме имеется религиозная литература (74,5%) и почти все они прошли религиозный обряд приобщения (95,6%).

Если сравнить полученные данные с результатами больших общероссийских социологических опросов, то мы убедимся, что показатели опросов во многом совпадают: в загробную жизнь верят 45% россиян и 47,1% опрошенных студентов, в существование дьявола верит 40% россиян и 42,4% наших респондентов, в существование ада верят 40% россиян и 51,6% опрошенных, в сущес-

твоевание рая верят 45% россиян и 53,5% студентов.

Представляется, если учитывать результаты исследований за последнее десятилетие, что на сегодняшний день религиозная ситуация существенно не изменилась. В то же время в социологическом опросе в 2005 г. (Центр социального прогнозирования) был зафиксирован рост молодежной религиозности, при котором уже 44,5% респондентов заявили о наличии у них веры в Бога на фоне ослабления установки на сознательное безверие (8,8%). Вместе с тем авторы утверждают, что религиозному сознанию студенческой молодежи свойственны склонность к показной религиозности, отсутствие ясности и определенности религиозного содержания сознания [5].

Сопоставим эти данные с цифрами, полученными Н. В. Клинецкой (2006 г.), согласно которым глубоко верующих среди респондентов было обнаружено всего 2,3%, а верующих в Бога, но без соблюдения церковных правил и обрядов, среди российской молодежи насчитывалось 58,2% [6]. Заметим, что среди респондентов опроса практически 80% позиционируют себя как верующие, хотя только половина из них идентифицировали себя как последователей определенной конфессии. При этом 90% из них отдают предпочтение русской православной церкви. При анализе данных, полученных в этом исследовании, автором впервые было установлено влияние религиозности студенческой молодежи на чувство патриотизма. Однако, на наш взгляд, эта тенденция пока слабо верифицируется. Кроме того, приведенные Н. В. Клинецкой цифры входят в противоречие с данными, полученными в этот период некоторыми другими исследователями (например, П. Б. Капица, М. А. Гусарова), что, возможно, объясняется использованием различных методик анкетирования.

Действительно ли религия становится важной составляющей повседневной жизни российского студента, повышается ли ее значимость как одного из доминирующих регуляторов поведения людей, либо она обретается на периферийном поле социальных практик? Исследователи отмечают за последние несколько лет незначительную тенденцию к снижению значимости религии в российской

жизни. Например, число россиян, считающих религию очень важной в жизни человека, уменьшилось с 20% (2007 г.) до 16% (2009 г.), напротив, повысилась доля тех (с 13% до 16%), кто отрицает ее значимость для человека и общества. В нашем исследовании студенты, признающие высокую значимость религии в жизни человечества, составили 10% от общего числа опрошенных, что, в принципе, коррелируется с данными других авторов по этой проблеме в докризисный период [7]. Так, в 2005 г. больше всего поддерживали идею придать православии государственный статус верующие в Бога (17,4%), а менее всего — верующие в сверхъестественные силы (5,7%). За равенство религий выступало большинство во всех мировоззренческих группах 40,0%. Среди сторонников оказывать предпочтение традиционным религиям выявился известный разброс мнений: от 22,0% (верующие в Бога) до 18,5% (неверующие) [8]. По сравнению с 2005 г. показатели 2011 г. мало изменились, за исключением вопроса о принципе равенства религий. Не пользуется популярностью среди студенчества утверждение о приоритетном положении русской Православной Церкви по сравнению с другими конфессиями. В большинстве своем молодые люди поддерживают тезис о равенстве всех религий перед законом: в среднем 74%. За предпочтение традиционным религиям высказались, естественно, представители конфессий — 45% православных, 10,0% мусульман и только 16,8% протестантов.

Итак, мы видим, что анализ структуры религиозности студенчества демонстрирует её противоречивость и парадоксальность. С одной стороны, за последние десять лет мы видим её рост — по сравнению с 2000 г. число верующих молодых людей выросло на 11% [9]. Это точки зрения придерживаются многие исследователи религии: М. П. Мchedлов, Л. А. Андреева, А. В. Аникина и др., хотя объяснения этому феномену даются разные. В частности, П. Н. Костылев отмечает, что «сейчас добавились некие положительные коннотации к образу верующего. Идентифицировать себя, например, с православием для молодежи модно», — заявляет он. «Мода как таковая акцентирует внимание на широко распространенных элементах культовой практики, которые она превращает в фено-

мен массовой культуры» [8], — убежден И. И. Крупник. Проблема, по его мнению, состоит в том, что в среде молодежи нет понятия о религии как о системе, а не просто наборе догм и культовых практик: «Получается так, что из прагматических соображений в религиях выбирается то, что пригодно для молодого человека на данный момент, а все остальное отбрасывается как несущественное. Это своеобразный религиозный синкретизм: посещение православных храмов или мусульманских мечетей, с одной стороны, а с другой — вера в переселение душ» [8]. Многими исследователями отмечается рост числа студенческой молодежи среди последователей новых религиозных движений, что можно объяснить её мировоззренческой неопределенностью и социально-психологическими возрастными особенностями. В этом случае религия и религиозная идентичность в формировании новой религиозности понимается как производное социальной связи, инструмент установления и поддержания социального порядка.

Репрезентативность данных, полученных М. П. Мчедловым в ходе социологических исследований по проблеме религиозности молодёжи, также позволяет заявить о существенном увеличении показателя религиозности у этой возрастной когорты по сравнению с 90-ми гг. прошлого века. Эта тенденция проявляет себя и на постсоветском пространстве. Данные исследования Г.Т. Телебаева, посвященные исследованию отношения современной казахстанской молодежи к религии, показали, что «современная молодежь весьма позитивно оценивает роль религии в обществе. Больше всего в процентном отношении оказалось тех, кто считает, что влияние религии в обществе растет и это хорошо — 44,1%» [10]. Автор подчеркивает, что доля активно верующих среди молодых казахстанцев со временем увеличивается.

Вопрос о религиозности студенчества включает в себя проблему соотношения традиций и новых ценностно-нормативных систем, чьи особенности наиболее остро обнаруживают себя во времена перемен. «Именно молодежь может рассматриваться лакмусовой бумагой охранительного традиционного потенциала общества в перспективе» [10]. Поэтому так значим вопрос о степени

важности религиозного опыта для молодого поколения, которое, с одной стороны, еще не растратило веру в светлые идеалы, с другой — позиционируется в отечественных исследованиях как более рациональное по сравнению со старшей возрастной когортой.

Особенности религиозной идентификации студенчества наиболее ярко проявляются в сравнении их с общими показателями религиозности россиян. Приведем некоторые данные. По сравнению с 2000 г., когда половина россиян причисляли себя к фаталистам, их осталось только треть. Также уменьшилась на 5% вера в прогресс (16% в 2000 г.). Довольно значительная группа респондентов (11%), не являясь приверженцами какого-то определенного религиозного течения, верят в то же время в некую высшую силу [8]. Заметим, что в этой группе наибольший процент молодежи и людей с высшим образованием. По-видимому, их не вполне удовлетворяют заданные рамки традиционных конфессий, что стимулирует поиск новых форм религиозности. В то же время на 5% (по сравнению с 2000 г.) увеличилось количество россиян, верящих в самих себя (57%), то есть их число практически сравнялось с верующими в Бога, что дает нам основание говорить об усилении жизненной активности россиян. В этом случае уместно вспомнить пословицу «На Бога надейся, а сам не плошай».

Усиление потребности в устойчивых цивилизационно-культурных ориентациях в жизни современного общества и индивида инициировало опору на религию как на фундаментальное основание, трудно поддающееся размыванию, в отличие от политических или идеологических характеристик. В жизни это манифестирует себя не как все усиливающаяся религиозная активность россиян, а через акцентацию статуса принадлежности к тем конфессиям, которые сыграли существенную роль в становлении государственности, культуры и образа жизни россиян [11].

Подтверждением цивилизациообразующего характера религиозной принадлежности россиянина является тот факт, что подавляющее большинство религиозной части населения в своей повседневной жизни не обременяют себя строгим исполнением требований исповедуемого им вероучения. Среди наших респондентов молятся 57,4%, не

молятся — 42,6%. Согласно опросу «Левада-Центр» (2008 г.) молятся с различной степенью интенсивности 58% россиян, никогда не молятся 34% россиян и 8% затруднились ответить. Вновь мы можем наблюдать определенное сходство в религиозном поведении студенческой молодежи 90-х гг. XX в. и начала XXI в.

В порядке замечания отметим, что, несмотря на некоторый рост по сравнению с данными «Левада-Центр» (2007 г.) показателя посещения церкви нашими студентами, российская институциональная религиозность находится на одном из последних мест в Европе — среднеевропейский показатель составляет 31% [12]. По совокупности этих показателей Россия может считаться одной из секуляризованных европейских стран, в которой общество ориентировано на эффективность и успешность, ничего общего не имеющих с религиозной ориентацией человека [13]. Можно согласиться с мнением социолога ВЦИОМ Н. П. Попова, утверждавшего, что реально воцерковленных людей в соответствии с русскими православными нормами и традициями в стране от 5 до 10%, и их численность за время радикальных реформ после распада Союза растёт медленно. За последние два десятилетия значительно выросло число людей, воцерковленными не являющихся, обряды не соблюдающих, но называющих себя верующими, — рост от одной трети до двух третей населения, в два раза [14].

В частности, среди православных 11% верят в сверхъестественную силу, 2% в переселение душ, 20% верят в приметы, 6% в магию, колдовство, 20% верит в судьбу. Для приверженцев ислама эти показатели выше [14]. Обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что, в целом, структура религиозного сознания студенчества близка общей, хотя наблюдаются и отличия. Согласно полученным нами данным в собственном социологическом исследовании, у студенчества ниже показатели веры в Бога (54%), чем у общего числа россиян (58%), но выше в загробную жизнь, магию, сверхъестественную силу и НЛЮ. Отсюда следует, что неструктурированность и неопределенность религиозного сознания, наличие в нем архаических элементов в большей степени свойственны

молодому поколению. Причинами этого являются как возрастные особенности, так и общая неопределенность нормативно-ценностных ориентаций мировоззрения российского общества. Видимо поэтому деятельность религиозных организаций как традиционных конфессий, так и новых религиозных течений ориентирована, прежде всего, на миссионерскую работу именно с молодежью. Несформированность жизненной позиции и отсутствие четко определенной ценностной системы заставляет молодых людей видеть в выборе конфессиональной принадлежности, прежде всего, основание для своей идентичности, причисления себя к той или иной культурной традиции, в то время как вероучительные вопросы и личный религиозный опыт отходят на последний план. Отметим, что среди молодых существенно больше тех, кто верит в собственные силы, прогресс, разум и в самого себя. Видимо, уверенность в собственных силах, вера в возможности рационального выбора и делают современное студенчество таким прагматичным и нацеленным на успех. В то же время эклектичность сознания и поведенческих практик по ряду важных позиций среди студенческой молодежи выражена гораздо более ярко.

Учитывая уже отмеченную нами ранее возрастающую веру людей в себя, можно с определенной долей уверенности сказать, что произошла корректировка отношения студенчества к религии в результате угасания «религиозного бума». Сегодня, как и в 2003 г., только 11% студенческой молодежи приходят в церковь, что свидетельствует о стабилизации группы верующих, включивших посещение церкви и культовые действия в неотъемлемую часть своей жизни. Как мы видим, «дорогу к храму» выбрали немногие. Для большинства же студентов гораздо важнее Интернет, встречи с друзьями, отдых.

При анализе религиозности студенческой молодежи также необходимо учитывать гендерный аспект. Для девушек религия более важна, чем для юношей, что находит свое отражение в составе верующих. Это можно объяснить как особенностями женской психики (консерватизм), так и неравенством социальных позиций. Рациональные же интенции в повседневной жизни больше присущи юношам, которые верят, в первую очередь, в

самих себя (67%), потом в Бога (41%), в судьбу (27%) и уж тем более в приметы (14%). Для студенток же на первом плане стоит вера в Бога (71%), и только потом в себя (49%); они чаще полагаются на судьбу (39%) и приметы (23%).

В целом, сопоставив полученные нами данные по религиозности студенчества с результатами исследования Г. С. Широкаловой и А. В. Аникиной, можно согласиться с данной ими характеристикой верующего студенчества: «синкретичность религиозной психологии, приоритет земных ценностей перед религиозными, игнорирование требований, предъявляемых религией к образу жизни верующих, отсутствие значимой связи между патриотизмом и религией в сознании, преобладание ситуативных элементов религиозного поведения, стихийный характер религиозной социализации» [6].

Однако есть и другое мнение, поддерживаемое не менее авторитетными исследователями (И. П. Рязанцев, М. М. Мчедлова и др.), что молодежь постепенно возвращается к традиционным ценностям.

Проведенный автором анализ показал, что выдвинутая в процессе исследования гипотеза о росте уровня и глубины религиозности студенчества в постперестроечный период развития российского общества подтвердилась лишь частично: зафиксированный в исследовании рост уровня религиозности молодежи по сравнению с данными о религиозности студенчества в конце XX в. в то же время не сопровождается углублением этой религиозности. Более того, на фоне усиления влияния православия на общественно-политическую жизнь российского общества мы можем констатировать факт, что религиозность студенческой молодежи все больше приобретает внеконфессиональный характер.

Литература

1. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России.

— М.: Издательство Института социологии РАН, 2006.

2. Григоренко С. А. Молодежные организации России и Религии. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. Информационно-аналитический бюллетень. — 1997. — №2 (12).

3. Гиндер И. А. Отношение российской молодежи к религии и теория секуляризации. // История образования и науки в Сибири. Вып. 3. — Красноярск: КГПУ, 2009.

4. Российская молодежь: проблемы и решения. — М., 2006.

5. Клинецкая Н. В. Религиозность молодежи в современной России. // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. — 2004. — Вып. 4.

6. Широкалова Г. С., Аникина А. В. Политический выбор РПЦ как фактор, определяющий ее будущее. // Социс. — 2007. — №10.

7. Рязанцев И. П. Российская молодежь и русская православная церковь. // Вестник аналитики. — 2006. — №3 (25).

8. Полозова М. Т. Молодежь и религия. — СПб., 2011.

9. Мчедлова М. М. Роль религии в современном обществе. // Социс. — 2009. — №12.

10. Телебаев Г. Т. Отношение к религии современной казахстанской молодежи: некоторые особенности [Электронный ресурс] / Информационно-аналитический центр «Изучение общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. — Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/>, свободный (11.11.2008). — Загл. с экрана.

11. Россия в современном диалоге цивилизаций. — М., 2008.

12. Каарийнен К., Фурман Д. Е. Религиозность в России на рубеже XX–XXI столетий. // Общественные науки и современность. — 2007. — №1.

13. Коротаев А. В., Халтурина Д. А. Современные тенденции мирового развития. — М., 2008.

14. Попов Н. П. Насколько мы набожны. // Мир измерений. — 2008. — №5.

Поступила в редакцию

12 сентября 2013 г.

Маргарита Сергеевна Леонова — старший преподаватель кафедры «Философии и отечественной истории» Донского государственного аграрного университета, соискатель Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ).

Margarita Sergeevna Leonova — senior lecturer at the «Philosophy and Native History» department of the Don State Agrarian University, competitor for Candidate's degree at the Shakhty Institute (branch) of SRSPU (NPI).

346493, Ростовская обл., Октябрьский р-н, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 1
1 Krivoshlykova st., 1346493, Persianovskiy, Otyabrskiy r., Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (86360) 3-66-08; e-mail: gsn@itsinpi.ru

Ольга Васильевна Бондаренко — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (Новочеркасского политехнического института). Автор публикаций по социальной аксиологии, социологии труда и экономической социологии.

Olga Vasiliyevna Bondarenko — Ph.D., Doctor of Sociology, professor, head of «Humanities and Social Sciences» department of South-Russian State Polytechnical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) Shakhtinsky Institute (branch). Author of numerous publications in social axiology, sociology of labor and economic sociology.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8636) 22-59-75; e-mail: gsn@itsinpi.ru

УДК 575+631.527

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАУКИ: КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2013 г. К. В. Воденко*, О. С. Иванченко**

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)*

В статье обозначен институциональный аспект исследования науки. Обосновывается, что на процесс генезиса и институализации науки оказали ценности христианской культуры. Обосновывается, что институциональное развитие науки неизбежно привело к тому, что результаты ее несут негативные последствия для человека и природы, что обуславливает кризисное состояние института науки. Делается вывод о том, что путем преодоления кризиса современной науки является формирование нового ее образа на основе нового этоса ученого.

Ключевые слова: наука; институализация; общество; культура; этос.

Authors of the article designated the institutional aspect of studying the science. It is proved that the process of genesis and institutionalization of science was affected with the values of the Christian culture. It is proved that the institutional development of science inevitably led to the fact that its results are negative consequences for man and nature that makes the critical state of the Institution of Science. It is concluded that the way to overcome the crisis of modern science is its creation of a new image based on the new ethos of the scientist.

Key words: science; institutionalization; society; culture; ethos.

Классики социологии, такие как Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Мангейм считали невозможным социологическое исследование науки, и только начиная с исследований Дж. Бернала, Т. Парсонса и, особенно, Р. Мертона закладываются традиции социологического анализа науки. Социология, согласно Р. Мертону, изучает науку как социальный институт, охраняющий ее автономию и стимулирующий деятельность, направленную на получение нового и достоверного знания [1]. Основные идеи социологию науки развивали У. Хэгстер (структура научного сообщества), Н. Маллипс (социальные связи и коммуникации науки), С. Коул и Дж. Коул (социальная стратификация в науке), Н. Сторер (наука как социальная система), Т. Кун (концепция научных революций) и др. В отечественной социологии многое делал для становления

социологической теории науки Г. Н. Волков, выдвинувший концепцию анализа науки как социального института и формы общественного сознания [2]. В социологии науки внимание сосредотачивается на проблемах взаимоотношения общества и науки, на вопросах организации науки и ее функций, которые имеют значение для эффективного функционирования общества. Одним из ключевых теоретико-методологических принципов современной социологии науки, которое позволяет раскрыть особенности формирования и развития системы научного знания, является теория социальных институтов, развиваемая в контексте структурно-функционального анализа (Т. Парсонс и др.) и неинституционализма (Д. Норт и др.).

В современной мировой социологии институциональный подход активно начал

развиваться после того, как его стали широко использовать экономисты, и в российской социологии последователями институционального подхода являются преимущественно исследователи, социально-экономических проблем. К рамках институционального социологического направления в России сформировались московская (В. В. Радаев и др.) и новосибирская школы (О. Э. Бессонова, Т. И. Заславская, С. Г. Кирдина и др.).

Для московской институциональной школы социологов-экономистов, как и для представителей зарубежной западной социологии, характерно использование концептуального материала институциональной экономической теории. В контексте западного «методологического индивидуализма», московские исследователи при изучении социальной реальности ограничиваются микроуровнем, «оставив в стороне макромоделю, описывающие институциональное устройство в масштабах всего общества» [3, с. 113]. Институты при таком подходе представляют «не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия» [3, с. 113]. В качестве теоретической модели для описания социальных институтов социальное действие понимается как внутренне осмысленная деятельность, ориентированная на действия других (М. Вебер). Московское крыло представителей институционализма работает преимущественно в рамках экономической социологии, оставляя за пределами своего рассмотрения неэкономические сферы общества.

По-иному представлен институциональный подход в исследованиях Новосибирской социологической школы. Его характерной чертой является, во-первых, то, что Новосибирская социологическая школа в качестве объекта своего исследования имеет не только экономическую сферу, но и социальную деятельность в более широком контексте, включая процессы демографического и социального воспроизводства, повседневную жизнедеятельность населения, многостороннюю социальную адаптацию к меняющимся в ходе трансформаций условиям жизни и «правилам игры». Если для «московского крыла» социологов-институционалистов причиной заимствований из экономической науки служит «неудовлетворенность социетальными

ми структуралистскими подходами» [3, с. 111], то в Новосибирской социологической школе именно эти подходы получили свое развитие. Анализ общества как социальной системы, выделение регулирующих его развитие социальных и социетальных механизмов [11], исследование специфики российского общества на основе категориального аппарата общих институциональных теорий позволяют анализировать процессы трансформации во всей их полноте, увидеть связи между инерционными и инновационными его составляющими. В результате, как пишет З.И. Калугина, в коллективе «институциональная методология позволила органично увязать микро- и макроуровни исследований, потребовала расширения временных границ анализа и способствовала появлению новых перспектив научного поиска» [4, с. 120].

В рамках Новосибирской социологической школы разработана теоретическая макро-социологическая гипотеза об институциональных матрицах [5]. В рамках данной гипотезы выделяются стабильные базовые институты, обеспечивающие сохранение и функционирование социума, которые формируют его институциональную матрицу. С другой стороны, анализируются изменчивые, мобильные институциональные формы, в которых реализуются базовые институты при конкретных культурно-исторических условиях.

Если же говорить об ограничениях институционального подхода, то они заключаются в том, что ориентация на выявление устойчивых социальных отношений — институтов, представляющих собой опредмеченные структуры общественной деятельности, не может не приводить к тому, что вне поля зрения исследователей остаются многообразие способов проявления институтов и институциональных форм в реальной жизни.

Важность темы институционального измерения науки обусловлена тем, что, во-первых, возникновение науки как социального института связывают с кардинальными изменениями в общественном строе и, в частности, с эпохой буржуазных революций, которая дала мощный толчок развитию промышленности, торговли, строительству, горному делу, мореплаванию. Наука как социальный институт включала в себя не только систему знаний и научную деятельность, но и систе-

му отношений в науке, научные учреждения и организации. Однако долгое время институциональный подход не разрабатывался в отечественной социологии науки. Во-вторых, процесс институционального развития науки свидетельствует о ее самостоятельности, об официальном признании роли науки в системе общественного разделения труда, о ее претензиях на участие в распределении материальных и человеческих ресурсов. Этот факт обуславливает актуальность институционально-социологического анализа науки.

Обозначенный подход к анализу науки предполагает исследование процесса ее институционализации, что необходимо включает в себя рассмотрение процесса ее развития с трех сторон: создание различных организационных форм науки; формирование системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых; интеграция науки в культурную и социальную системы индустриального общества. Исследованию проблемы социокультурного генезиса науки посвятил свои работы отечественный философ М. К. Петров, который писал о возникновении науки в XVII–XVIII вв. из соединения философии и практики. Анализируя различные концепции генезиса науки, он пришел к выводу, что «любая модель науки должна учитывать минимум два обстоятельства: сравнительно недавнее происхождение опытной науки и огромный кумулятивный эффект использования науки, который породил и порождает экономическую неоднородность мира» [6, с. 67].

При этом автор обращался к гипотезам Эйнштейна — Прайса — Нидама, Бернала и марксизма. Согласно гипотезе Эйнштейна — Прайса «развитие западной науки основано на двух великих достижениях: на разработке греческими философами формально-логических систем (евклидова геометрия) и на обнаружении в эпоху Возрождения того факта, что причинные отношения можно вскрыть с помощью систематического экспериментирования» [6, с. 68]. Гипотеза Нидама пытается объяснить появление науки через «наличие в Европе избыточного таланта и «насильственную» природу принципа научной рациональности», которые происходят из «социальных особенностей средневековой Европы» [6, с. 71]. Дж. Бернал, П. Блэккет, А. Маккей рассматривают науку как «момент в едином историческом про-

цессе познания, а именно момент научно-технической революции, для которого типичны резкие сдвиги в матрице (рамке, парадигме) познания и соответствующие резкие изменения в способе производства» [6, с. 79]. С их точки зрения, возникновение науки в Европе произошло благодаря сдвигу в христианской матрице, под которой понимается «ряд общих принципов и методов познания, характерных для данного способа производства. Матрица задает своим кодом «колею», двигаясь по которой познание рано или поздно приходит в противоречие с действительностью» [6, с. 79]. На первый план выходит матрица производства, следовательно «смысл научно-технической революции, ее причины и степень автономности этих причин могут быть вскрыты через анализ движения производства и технологии, которые составляют его матрицу» [6, с. 81]. Обращение к проблеме производства и понимание его роли сближает эту гипотезу с марксизмом.

На основе анализа этих концепций, которые «не противоречат друг другу в главном: дают абстракт (гипотеза Эйнштейна — Прайса) и процесс заполнения его конкретным содержанием», М. К. Петров создает свою собственную концепцию генезиса науки, в соответствии с которой «наука возникает либо как соединительная ткань между развитым в недрах теологии логическим формализмом и производством (Ф. Энгельс, Д. Прайс, Дж. Нидам), либо же в результате разложения единого прежде «привилегированного» способа существования (К. Маркс, Ф. Энгельс, Дж. Д. Бернал, А. Маккей и другие)». Совпадая по результатам, оба эти процесса дают нестабильную социальность, в которой «функции количественного воспроизводства и качественного умножения обособлены в самостоятельные институты и образуют шаговый переход от накопленной и воспроизводимой избыточности таланта, которым общество контактирует с вредными факторами среды, до растущих и меняющихся потребностей человека, которые оказываются конечными определителями для всего каскада выборов в правых шагах перехода» [6, с. 85].

В философии науки советского периода наиболее распространенной была марксистская модель, согласно которой наука как своеобразная форма познания и специфичес-

кий тип духовного производства возникает в Европе в Новое время (XVI–XVIII вв.) в эпоху буржуазной революции в Нидерландах (XVI — начале XVII вв.) и в Англии (середина XVI в.). Новому нарождающемуся классу — буржуазии — нужна была наука, т. е. такая система знания, которая отвечала бы запросам производства. Так, Ф. Энгельс писал: «...Вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы» [7, с. 93]. Классики марксизма разрабатывали идею порождения науки промышленной революцией, то есть идею социально-экономических причин ее генезиса. Марксистская концепция генезиса науки активно была поддержана советским исследователем Б. М. Гессеном [8], который стал основоположником экстерналистского направления в исследовании истории науки в СССР. Проблемный характер социокультурной детерминации научного познания проявился в дилемме «интернализм — экстернализм», явившей собой форму разобщенности логико-методологического и социологического подходов.

Напряженные дискуссии между представителями интерналистских и экстерналистских подходов завершились признанием необходимости учета диалектической взаимосвязи внутренней и внешней сторон детерминации развития науки. В историко-научных исследованиях была осознана вульгарность попыток вывести науку непосредственно из запросов зарождающегося промышленного капитала, толковать ее как результат «интеллектуальной мутации», а тем более выводить науку из обыденного знания. Было осознано, что надо объяснить, как и почему произошли изменения в мышлении. Наука — это форма духовной деятельности, а потому ее генезис в XVII в. необходимо связывать со сферой духовно-мыслительной. А так как главной формой духовной жизни всегда была религия, то возникновение науки нельзя понять без рассмотрения религиозно-мировоззренческих изменений. Местом возникновения науки явилась Европа, где господствующей

религией является христианство, а потому возникновение науки стали связывать с христианской религией. Проблема влияния христианской религии на генезис науки широко обсуждается как отечественными, так и зарубежными философами. Даже такой защитник научной рациональности, как академик В. С. Степин считает, что «новоевропейская наука имеет глубокие корни в христианской культурной традиции» [9, с. 11], признавая тем самым, что христианство потенциально содержало в себе предпосылки возникновения науки.

Как было показано ранее, «анализ вопросов генезиса и легитимизации научного знания заставляет обратить внимание на социокультурный контекст заявленных проблем, поскольку в настоящее время наука предстает, прежде всего, как социокультурный феномен, что указывает на ее зависимость от многообразных форм духовного опыта человечества. Многочисленные исследования историков, социологов и философов науки последних десятилетий значительно изменили прежний образ науки как автономного образования и обнаружили культурно-историческую обусловленность типов научного знания, поэтому изучение науки в горизонте культуры вполне оправдано» [10, с. 45]. Ряд авторов (П. П. Гайдено, Л. М. Косарева, Т. П. Матяш, Л. А. Микешина, В. Н. Порус, В. С. Степин и др.) делает вывод о том, что возникновение науки обусловлено многообразными формами духовного опыта человечества, среди которых особое место занимает религия.

Генезис новоевропейской науки в немалой степени был обусловлен спецификой христианской религии в ее католической и протестантской формах. Однако, помня о своих религиозных истоках, наука не сразу резко отмежевалась от религии, противопоставляя себя вере. Но по мере того, как наука набирала силу, она вступила в конфликт с религиозной верой. В XVIII–XIX вв. доминировал конфликт веры и доминировавших в это время таких наук, как физика и механика. В XX в. центр конфликта переместился на стык биологических наук и религии, в то время как представители теоретической физики и космологии стали более осмотрительно высказываться против религиозных взглядов и идей.

Наука, получив статус легитимности, который трансформировался в автономность, забыла о своих религиозных корнях, попыталась найти собственные основания в себе самой. Развитие новоевропейской науки, связанное с математизацией физики, становлением картезианского универсального метода познания и классической физики привело к формированию механистического и детерминистского подходов, сторонники которых пытались обосновать самодостаточность аналитического знания. Это вело к подмене науки сциентистской идеологией, что неизбежно должно было спровоцировать искусственный конфликт между наукой и религиозным мировоззрением, наиболее полно выразившийся в идеологии Просвещения, позитивизме, марксизме.

Современная цивилизация тесно связана с достижениями науки, и благодаря их внедрению в производство стал возможен впечатляющий технологический прогресс XX в. Переход к хозяйству интенсивного типа с последующим перерастанием ремесленно-ручного производства в индустриально-машинное, развитие промышленной экономики, интенсификация обмена и утверждение системы товарно-денежных отношений, раздвижение на этой основе характера и структуры всей общественной практики коренным образом трансформирует жизнь общества. Благодаря этому происходит становление техногенной цивилизации, радикально меняющей положение и условия жизнедеятельности индивида, детерминанты его духовности. По замечанию Э. Гидденса, отличительными особенностями техногенного общества становятся рациональность, инновации и динамизм [11].

Связывая контрнаучное движение с контркультурой, С. Тулмин выделил ряд наиболее значимых принципов, характерных для всех вариантов критики науки:

- 1) требование гуманизации знания;
- 2) противопоставление научной и художественной деятельности, поскольку научная деятельность не позволяет выразить индивидуальность ученого, подчиняя его интеллекту мнению профессиональной группы;
- 3) подавление в науке воображения;
- 4) пренебрежение качественной стороной явлений ради их количественной соизмеримости;

5) абстрактный характер научных идей, лишаящий науку гуманистического содержания [12].

Как мы показали ранее, в «современных условиях кризиса рационализма и осознания абстрактности современных теоретических построений все чаще встает вопрос о необходимости альтернативной науки» [13, с. 87]. Так, современный исследователь В. П. Филатов, отмечая изначально присущую науке ограниченность, невозможность полностью избежать негативных последствий, связанных с техническим воплощением ее результатов, считает, что необходима альтернативная наука, которая решит вопрос «...о преодолении отчуждения науки от жизненного мира людей, о ее совместимости с идеалами и ценностями гуманизма» [14, с. 154]. Новая наука должна формироваться на противопоставлении модернистскому сциентизму и классической науке, критиках которых выдвигает их «слабые» стороны: «Отрыв субъекта от объекта; логоцентризм, приводящий к игнорированию интуиции и воображения; неадекватное, упрощенное понятие об объекте; отсечение от субъекта познания ценностных характеристик; игнорирование особенного; противопоставление науки и религии» [15, с. 34].

В связи с осознанием важности нравственных аспектов современной науки начали активно обсуждаться вопросы ответственности ученого за возможные результаты своих исследований, механизмы демократического контроля за научной деятельностью, ее результатами и возможными сферами приложения. Возникают различные формы самоорганизации научной общественности, основной целью работы которых является регулирование деятельности ученых с точки зрения норм этической и социальной ответственности.

Наука, помимо выгод и преимуществ, принесла человечеству новые проблемы, которые в свою очередь порождают проблемы этики ученых, их социальной ответственности перед обществом и отдельным человеком. Этическая рефлексия над наукой должны быть осмыслена как необходимая составляющая самого научного поиска и научного исследования. Обратимся для начала к тому описанию морали научного сообщества, при-

знающего истину высшей ценностью, которое было предложено американским социологом Р. К. Мертоном. Он ввел понятие «этнос науки», включающее совокупность следующих норм: коммунизм (результаты исследований принадлежат всему научному сообществу); универсализм (оценка результатов исследований должна производиться объективно); незаинтересованность (исследователи должны быть заинтересованы исключительно в познании истины); организованный скептицизм (долг ученого критично оценивать любое свое и чужое суждение) [16].

В приведенном перечне норм научного сообщества можно обнаружить следующие ценностные установки. Во-первых, истина рассматривается как высшая ценность, ради которой ученый должен пожертвовать всеми личными или корпоративными амбициями, мнениями, предпочтениями и пр. Во-вторых, признается необходимым принять требования критического рационализма. Научное сообщество поддерживает внутри себя обстановку открытой дискуссии, свободной критики всех результатов, методов, предпосылок, способов аргументации и т. д. Иными словами, все, что касается содержания научной деятельности, открыто для аргументированной критики. В-третьих, наконец, важнейшей ценностью представляется автономия научного сообщества. Его деятельность не должна ни в какой мере определяться вне-научными интересами. Аргументы вненаучного характера не могут влиять на методы научных исследований и оценку результатов. Важно, что вторая и третья из названных ценностей производны от первой. Критический рационализм и автономия важны постольку, поскольку служат делу достижения научной истины. Интересно, однако, что именно из этих двух установок вытекают все моральные нормы научного сообщества. Получается, что роль морали в рамках этоса науки инструментальна. Она призвана обеспечить обстановку, благоприятную для достижения основной цели научной деятельности [17, с. 50–51].

Проблема нравственной ответственности науки актуализирует вопрос социокультурного измерения научного инновационного развития. Подобная постановка вопроса отпразднует, как отмечает В. Н. Порус, «к про-

блеме противоречий между культурой как горизонтом ценностей, выступающих ориентирами свободного поведения людей, и цивилизацией как системой формальных условий, необходимых для того, чтобы возможности этого ориентирования актуализировались» [17, с. 35–36].

Культура определяет ценностные смыслы общественного и личного бытия. Цивилизация обеспечивает формы социальной организации, технические средства, регламент общественного поведения и превращает идеальные планы культуры в реальные программы, определяет в них место и роль социальных институтов (в том числе — науки), как и отдельных людей, устанавливает правила общежития, в которых находят более или менее адекватное выражение культурные универсалии. Культурные идеалы и цели выступают как жизненные ориентиры в контексте цивилизации, и противостоять энтропийным и разрушительным процессам может лишь цивилизация, одухотворенная культурой.

Культура не является пассивной составляющей и способна сбрасывать с себя устаревшие и отжившие ее формы и проектировать новые. Формирующиеся в ней идеалы и ценности становятся общезначимыми благодаря традициям. В динамичных обществах традиции недостаточны, а идеалы и ценности воплощаются в принципах цивилизации. Но культура обладает автономией, внутренними импульсами саморазвития. Взаимобусловленность культуры и цивилизации может нарушаться. Наличные формы цивилизации имитируют культуру, «подменяют» ее. Поэтому Н. А. Бердяев называл цивилизацию «смертью духа культуры»: культура «сыхается» в цивилизацию, а цивилизация без культуры превращается в антигуманный механизм [18]. Что необходимо для сохранения их связи? Цивилизация должна направлять развитие культуры в контролируемое русло, но оставлять пространство свободы для творческой работы духа, культура должна формировать осознанные потребности и ожидания, осуществление которых ведет к преобразованию цивилизации, сохраняя ее от деструктивного бунта. Если этого не происходит, наступает кризис культуры, за которым следует и распад цивилизации.

Современная европейская культура находится в кризисе, один из признаков которой есть утрата связи науки с культурными универсалиями. Дело в том, что свою свободу наука охраняет от внешнего вмешательства постулатами о ценности «свободного и суверенного» научно-исследовательского труда и об органическом единстве всех частей и элементов своей грандиозной системы. Но если эта ценность трансформируется в самодовлеющую профессиональную ориентацию, в этом виден симптом неблагополучия культуры. «Чем более четко научное познание пытается выделить суверенную территорию, определяя свой предмет, объект и метод; чем более замкнутым хотелось бы видеть науке пространство ее интеллектуального и духовного суверенитета в сознании культуры, чем более прочны и устойчивы стены, тем, вероятно, все более и более шатким, зыбким, непрочным грозит оказаться ее самостояние-в-культуре» [19, с. 348–349].

В таких условиях научный прогресс уже не воспринимается как составная часть культурного развития. Г. Люббе констатирует: «Когнитивное содержание научного прогресса... уже никак не затрагивает нас ни в культурном, ни тем более в политическом отношении» [19, с. 228]. Оторванность науки от «человеческих масс», индифферентных по отношению к профессиональным ценностям науки, особенно сказывается в те периоды, когда само это развитие приносит не только блага, но и угрозы, что ставит по сомнению даже превосходство научного прогресса над донаучными формами культуры.

Итак, как было показано ранее, «социокультурная и экологическая критика научно-технического развития, науки как формы культуры абсолютно не случайна. На повестку дня ставится вопрос о более «мягких» формах технологии, более приспособленных к взаимодействию с целостными системами, с живым, с природой, прежде всего, с человеком. В подобных исследованиях начинают проступать контуры другой возможной цивилизации, другого отношения человека с окружающей средой с учетом всего многообразия социокультурного опыта» [20, с. 215]. Речь идет о формировании нового этоса современной науки.

Литература

1. *Merton R. K.* Science, technology & society in seventeenth century England. — Atlantic Highlands: Humanities Press; Hassoocks: Harvester Press, 1978. — 279 p.
2. *Волков Г. Н.* Социология науки. Социологические очерки научно-технической деятельности. — М.: Политиздат, 1968. — 241 с.
3. *Радаев В. В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. — Том IV. — №3. — С. 109–130.
4. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. / Ред. кол.; отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск: АО «Наука РАН», 1999. — 736 с.
5. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд., пер. и дополн.). — Новосибирск: СО РАН, 2001. — 140 с.
6. *Петров М. К.* Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. — М.: РОССПЭН, 2006. — 528 с.
7. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2-х тт. Т. 2. — М., 1955. — 564 с.
8. *Гессен Б. М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. — М.–Л.: Гостехтеориздат, 1933. — 79 с.
9. Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды. / Под ред. И. Т. Касавина. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2006. — 472 с.
10. *Воденко К. В.* Генезис и легитимация новоевропейской науки: роль мировоззренческих трансформаций. // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2009. — №2. — С. 45–49.
11. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1996. — 186 p.
12. *Civilization and Science: in Conflict or Collaboration?* — Amsterdam: Associated Scientific Publishers, 1972. — 227 p.
13. *Воденко К. В.* В поисках нового образа науки. // Вестник Ленинградского университета имени А. С. Пушкина. — 2010. — №3, Т. 2: Философия. — С. 87–94.

14. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. / Отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. — М.: Политиздат, 1990. — 464 с.

15. Чешков М. А. «Новая наука», постмодернизм и целостность современного мира. // Вопросы философии. — 1995. — №4. — С.24–34.

16. Merton R. K. The Institutional Imperatives of Science. // Sociology of Science. / Ed. V. Barnes. — L: Penguin Books, 1972. — 244 p.

17. Ответственность религии и науки в современном мире. / Под ред. Г. Гутнера. —

М.: Библейско-богосл. институт св. апостола Андрея, 2007. — 300 с.

18. Бердяев Н. А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. — 174 с.

19. Наука в культуре. / Ин-т философии РАН; Под ред. В. Н. Поруса. — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — 380 с.

20. Воденко К. В. Социальная ответственность ученого и этос современной науки. // Вестн. ЮРГТУ (НПИ). Сер. Соц.-экон. науки. — 2011. — №1. — С. 210–215.

Поступила в редакцию

15 сентября 2013 г.

Константин Викторович Воденко — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. Сфера научных интересов — философия науки, философия религии, институциональная социология.

Konstantine Victorovich Vodenko — Ph.D., Doctor of Philosophy, docent, head of Philosophy and Cultural Studies department at the Southern Federal University's Institute for Humanities and Social Science Teachers' Retraining and Refresher Training. Sphere of author's scientific interests includes philosophy of the science, philosophy of the religions and the institutional sociology.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 264-30-20; e-mail: vodenko-kv@rambler.ru

Ольга Сергеевна Иванченко — ассистент кафедры государственного и муниципального управления и экономической теории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Сфера научных интересов — социология научной деятельности, социальные аспекты муниципального управления.

Olga Sergeevna Ivanchenko — assistant lecturer at the Governmental and Municipal Management and the Economic Theory department of the Southern-Russian State Polytechnical University (NPI) of M. I. Platov name. Sphere of author's scientific interests includes the sociology of science and social aspects of the municipal management.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-26; e-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru

УДК 316

ИНСТАВРАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В КОНТЕКСТЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

© 2013 г. Э. Г. Позднякова-Кирбятъева

Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды

В статье предлагается обсудить возможность использования для решения задач модернизации позитивного опыта прошлого, сохраняющегося в социально-исторической памяти. В этом плане предлагается рассмотреть потенциал инставрации как механизма социальных преобразований с опорой на исторические достижения советского периода.

Ключевые слова: *жизненный мир; модернизация; инставрация; социальная память; советское прошлое.*

In the article author presents the idea to discuss the possibility of using the positive experience of the past, that is saved in the social and historical memory, as a way to perform the tasks of modernization. As a part of the plan, author suggests to consider the instauration potential as a mechanism of social transformation, based on the historic breakthrough of the Soviet period.

Key words: *vital world; modernization; instauration; social memory; Soviet past.*

Процессы современной модернизации сопровождаются изменениями в жизненном мире, которые негативно воспринимаются значительной частью населения. Социально-историческая память о советском периоде содержит образ прошлого жизненного мира состоящем из доступных социальных благ, гордости за страну, уверенности в будущем. Нельзя просто игнорировать такую память, а следует учитывать ее в программах модернизационных преобразований. Речь идет не о реставрации жизненного мира эпохи СССР (что невозможно), а об инставрации социума.

Социальная память, сохраняющая позитивные образы советского периода, благодаря инставрационным механизмам может стать важным фактором общественных преобразований.

Считаем необходимым обсудить возможности использования позитивного опыта прошлого, сохраняющегося в социально-исторической памяти, для решения задач модернизации. В этом плане предлагается рассмотреть потенциал инставрации как механизма социальных преобразований с опо-

рой на исторические достижения советского периода.

Социальные преобразования предполагают изменение жизненного мира. Мы имеем в виду не индивидуальный жизненный мир, а социетальный, т. е. распространяющийся на социум, а не ограниченный рамками индивида. Жизненный мир — очень удачный термин и его не обязательно нагружать громоздкими коннотациями, как это делается в рамках феноменологии (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер и др.). Жизненный мир мы рассматриваем как интегральное понятие, обозначающее комплекс материальных, ментальных, социетальных явлений, составляющих в своем единстве жизненную среду существования человека. Жизненный мир — включает и целостное восприятие социума. Иным словами, важны не только объективные характеристики социальной среды, но и восприятие их людьми.

Процессы современной модернизации сопровождаются изменениями в жизненном мире, которые негативно воспринимаются значительной частью населения. Появляются феномены, вызывающие резкую критику

«обычных» людей (понятие «обычный человек», в соответствии с недавним исследованием российских социологов [6], широко используется в обиходе лицами, которые идентифицируют себя с большинством населения). Приведем цитату, распространенную в социальных сетях: «Может быть, кому-то не хватало в СССР бандитов, проституток, ментов-палачей, безработицы, чиновников-коррупционеров, терактов, инфляции, международных конфликтов, беженцев, платного образования и платной медицины, тупых сериалов и бездарной попсы по телевизору, церквей, мечетей и синагог, наркомании, педофилов, Ксюши Собчак, Куршавелей для одних и помоек для других, дефолтов и экономических кризисов, монетизации совести и капитализации человечности? Мне все вышперечисленное было совершенно не нужно. Александр Коммари, 1/260-миллионная часть бывшего советского народа» [5].

Такая критика автоматически задействует социальную память о времени, когда подобных явлений не было. Недаром, именно в социальной сети «Дети перестройки», тематически объединяющей лиц с обостренной социально-исторической памятью о предрепорных годах, регулярно появляется критика современного общества.

Память о прошлом жизненном мире в его целостности, состоящем из бесплатного образования и здравоохранения, дешевого отдыха на море, натуральных продуктов, память о своей гордости за страну, уверенности в будущем, безмятежности составляет социально-историческую память об эпохе СССР.

Нельзя просто игнорировать такую память, а следует учитывать ее в программах модернизационных преобразований. Речь идет не о реставрации жизненного мира эпохи СССР (что невозможно), а об инставрации социума.

Инставрация (буквально — разглаживание) — термин постмодернистской философии и социологии, обозначающий диалектический, по сути, процесс преобразования, состоящий из комплексного применения (использования) новых и старых средств. В отличие от реставрации, инставрация предусматривает возвращение старого в новой преобразованной форме [4]. Относительно жизненного мира, инставрация означает про-

цесс возвращения некоторых черт, которые были присущи жизненному миру в эпоху СССР, но в новой форме и в новых условиях. Притом вопросом полемики является выбор вариантов инставрации: новая форма при прежнем содержании или новое содержание в прежней форме. Poleмика возникает при столкновении разных идеолого-политических и мировоззренческих позиций. Но общей является сама проблема необходимости инставрации, метода преобразований с учетом фактора социальной памяти.

Рассмотрим этот вопрос подробнее. Преобразования в жизненном мире имеют диалектический характер. Нельзя однозначно сказать, положительные или отрицательные последствия они имеют, поскольку все положительное содержит в латентной форме и отрицательное. Реформы, которые призваны улучшить качество жизни, часто приводят к противоположному результату. Разрушительный характер реформ порождает имитацию положительных черт нового жизненного мира и уменьшение их действительного позитивного потенциала. Для исправления ситуации требуется инставрация жизненного мира, которая предусматривает частичное возвращение к принципам организации жизненного мира, используемых ранее, но одновременно и обновления мировоззренческого багажа за счет различных средств коммуникации. Инставрация предусматривает учет особенности национальной ментальности, а не механическое копирование систем жизненного мира, сложившиеся в других культурных условиях. Радикальной новизной современного общества является коммерциализация социальной сферы или ее коммодификация. Напомним, что коммодификация — это «процесс, в ходе которого все большее число различных видов человеческой деятельности обретает денежную стоимость и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке» [1].

Настоящий запрос рынка, которому подчиняется сейчас жизненный мир, заключается в том, чтобы не просто получить некие социальные блага, но и обладать ресурсами для их обретения. Жизненный мир в современном обществе переживает кризис, причины которого определенным образом лежат в социетальных и институциональных преоб-

разованиях, связанных во многом с появлением рыночных и квазирыночных отношений. Можно сказать, что отдельные причины кризиса накладываются на также на причины глобального характера. Анализируя кризис жизненного мира можно отметить, что такой глобальной причиной является отставание запросов жизненного мира от возможностей развития общества. Это послужило катализатором масштабных реформ во многих странах мира.

Соответствующие реформы на протяжении многих лет осуществляются и в нашей стране. Но действительно ли они имеют тот эффект, на который рассчитаны? На наш взгляд, нет. Это стимулирует поиск новых подходов. Одним из них является инставрация жизненного мира. Опишем принципы инставрации жизненного мира и аргументацию относительно ее необходимости.

Инставрация — это особый тип исторического действия, практика реактуализации нереализованных исторических возможностей. Инставрация, в отличие от реставрации, — это не возвращение назад, а использование опыта прошлого в современных условиях [4]. Согласно виртуальной энциклопедии, «Инставрация — это действие, восстанавливающее разрушенное; завершающее незавершенное и недоделанное; освобождающее то, что было пленено, «залипло», «попало в складку»; наводящее справедливость и воздающее всем по заслугам» [4]. Российский философ Андрей Ашкеров, рассматривая сущность инставрации, отмечает, что инставрация предполагает освобождение сил, спрятанных в прошлом, для целей нового развития. Инставрация также имеет характер врачевания, целительства. Она залечивает, позволяет регенирироваться, начать расти заново. Это не практика восполнения, но практика возобновления. С инставрацией сопряжено начало некогда прерванного или заторможенного роста. Не возвращает потерянное, но исключает потерю, обращает ее в приобретение. Это радикальная процедура, по-настоящему возвращающая жизнеспособность, но никак не имитирующая ее сохранность «вопреки всему». Общий принцип инставрации: ее инициаторы неизменно принимают во внимание то, что *решение любой исторической задачи рано или поздно приводит*

к изменению ее начальных условий. Подобно реставрации, инставрация действительно предполагает некое возвращение, возобновление, повтор. Однако, в отличие от реставраторов, инставракторы прекрасно отдают себе отчет в том, что, возвращаясь, возобновляя или повторяя нечто, мы, тем же самым движением, смещаем исходную точку, к которой стремимся. Вектор смещения предусматривается изначально, поскольку инставракторы, как никто другой, понимают неизбежность дрейфа на пути к поставленной цели — и, более того, *стремятся* к этому [2].

Рассмотрим проблематику жизненного мира с позиции концепции инставрации. Принципиальной особенностью инставрационных преобразований является учет социально-исторической памяти.

В советские времена развитие жизненного мира планомерно и централизованно согласовывалось с возможностями общества. Разрабатывались балансы между развитием отдельных компонентов жизненного мира (здравоохранения, образования, рекреации и пр.) и ресурсной базой общества. Социальные функции жизненного мира реализовывались до определенного времени в целом четко и эффективно. Но на эту, четко работающую систему, оказали разрушительное воздействие два социетальных фактора. Во-первых, была разрушена централизованная система контроля за сохранение соответствующих балансов. Во-вторых, перестала существовать система уравнительного распределения, резко снизилась роль общественных фондов потребления. Оба обстоятельства стали следствием разрушения плановой, централизованной экономики, изменения общественно-политических отношений в обществе. Основные компоненты жизненного мира стали товаром и, соответственно, стали подчиняться законам рынка. «Свобода» воцарилась в области формирования и функционирования жизненного мира. Практически полностью была разрушена система балансов между ресурсами общества и запросами жизненного мира. Властвующая элита не в полной мере осознает опасность такого дисбаланса.

В закрытом обществе, каким был СССР, действовал экономический закон, согласно которому в обществе не возникают потребности, которые нельзя было бы удовлетво-

речь исходя из существующих экономических возможностей. В социальной памяти сохранился образ прошлого, в котором находили удовлетворение основные потребности людей в образовании, здравоохранении, отдыхе, безопасности и уверенности в будущем. Из внимания субъекта памяти упускается то обстоятельство, что потребности людей прошлого были значительно скромнее, чем нынешние. Современность отличается критическим превышением потребностей людей над возможностями их удовлетворения исходя из экономических возможностей страны. В открытом обществе, каковым и является современное постсоветское общество, потребности формируются во многом благодаря информации, поступающей из-за рубежа. Люди видят, как можно жить и хотят такого же. Кроме того, богатые люди перестали скрывать свое превосходство перед людьми, как это было во времена СССР. Богачи стали кичиться своим богатством, что порождает социальную зависть и непомерный рост потребностей вне зависимости от возможностей страны. Это-то и порождает социальную напряженность, неудовлетворенность жизнью, властями, временем. Одной из реакций на неудовлетворенность своим временем и является ностальгия по СССР.

Вот некоторые записи на форуме «Дети перестройки» [3]: «Я жил в период 70х и 80х и всегда считал, что наш СССР самая лучшая страна, родители по составу семьи получили 3х комнатную квартиру, учились и лечились, даже не думая о подарках и взятках. Да у нас в семье не было автомобиля, колбасу и сыр ели по праздникам, но я ни когда не считал, что это плохо. И при желании своей головой всегда можно было получить бесплатное образование». «Здравствуйте! В СССР у детей все было! Была школа, были спортивные клубы! Каждый хотел стать октябренок! Потом пионером! Было для чего учиться! Было всегда какая то общность и взаимопонимание! Сейчас этого нету!» «Я дочь Советского Союза и горжусь этим! Мои все воспоминания связаны только с хорошими воспоминаниями. Это образование, где учителя были в почете, потому что они стремились и считали своим долгом дать знания. Люди были очень добрые, открытые, щедрые никто не пройдет мимо прохожего если ему плохо, даже

если он пьян, в любой дом постучи, попроси кружку воды, тебя в дом позовут и еще на кормят, а сейчас что? злость, недоверие, закрытость, черствость и сплошные интриги. Медицина — ответственные врачи, которые боролись за жизнь каждого, кто поступил, чистота и порядок, всегда улыбчивые врачи, которые давали надежду на положительный результат» (орфография и пунктуация цитат сохранены).

Приведенные данные о содержании социально-исторической памяти относительно жизни в СССР нуждаются в теоретической рефлексии. Следует рассмотреть особенности социальной памяти.

Феноменологию социально-исторической памяти пронизывает проблематика «репрезентации прошлого». То есть, центром внимания является не само прошлое, а его репрезентация, его интерпретация носителем памяти, изложение содержания памяти реальным или воображаемым слушателям и читателям. Феноменологическая постановка вопроса предполагает не поиск истины, а интерпретацию образа прошлого, как он (образ) существует и воспроизводится субъектом.

Рассматривая содержание памяти надо избегать ошибки смешения собственно предмета воспоминания и его образа. Это две разные субстанции. Французский философ, специалист по проблемам социальной памяти П. Рикер считает, что существует распространенная ошибка, когда люди считают, что «присутствие, в котором, как кажется, заключается репрезентация прошлого, есть репрезентация образа». Философ поясняет: «Говорят без какого-либо различия, что представляют себе прошлое событие, или что имеют образ прошлого, который может быть почти зрительным или слуховым» [7]. Иными словами нельзя отождествлять образ прошлого и самое прошлое. Следует также обращать внимание не только на содержание высказывания о прошлом, но и на субъекта памяти. Опираясь на приведенные теоретические суждения отметим, что наиболее активными носителями позитивного в памяти об СССР, судя по тексту высказываний, являются пожилые люди из благополучных семей, не испытывавшие репрессий, или иных ущемлений со стороны властей того времени. Поэтому они воссоздают позитивный образ прошлого

го, который не надо смешивать с собственно прошлым. Мы сейчас не ставим вопроса об истинности приведенных суждений. Важен сам факт наличия в коллективной памяти позитивного образа советского прошлого, в котором значительное место отводится оценочным суждениям относительно жизненного мира того времени. Осуществляя социальные преобразования нельзя игнорировать этот факт. Процессы модернизации должны сопровождаться инставрационными акциями, одной из которых является выработка аргументов в пользу позитивных реформ с учетом содержания социальной памяти. Необходимо так формулировать аргументы, чтобы позитивный образ прошлого органично сочетался с позитивными явлениями настоящего. Модернизация должна рассматриваться в контексте решения задач, которые не до конца были решены в прошлом. Обращаясь к образу прошлого, следует извлекать из него позитивный смысл и вкладывать его в преобразования нового времени. Здесь инставрация выступает как когнитивный процесс и рассматривается в гносеологической плоскости, в плане целеполагания перспективы модернизации.

Другим, более сложным воплощением инставрационных преобразований является комплекс мер, идеологически опирающихся на позитивные образцы прошлого, но направленные на решение современных проблем. Эти меры могут рассматриваться как часть компенсаторных механизмов, корректирующих недостатки современного жизненного мира.

Инставрация может способствовать преодолению разрыва между двумя функциями жизненного мира. Первая из них предусматривает возможность получать комплекс благ, соответствующих представлениям о справедливости человека с определенным статусом. Эта функция предотвращает статусную неконсистентность, являющуюся источником жизненных фрустраций человека.

Вторая функция состоит в обретении смысла существования в контексте общенациональных перспектив, отвечающих требованиям ответственности перед будущим.

Непротиворечивое сочетание этих функций было характерной чертой жизненного мира советской эпохи, что объясняло пара-

докс оптимистического жизненного настроения при суженных, объективно скромных объемах потребления.

Наличие указанного разрыва функций жизненного мира не позволяет адекватно воспринимать результаты модернизации, обесценивает их значение.

В обществе есть понимание данной проблемы. Соответствующие руководящие институты инициируют реформы, призванные улучшить состояние жизненного мира. Присущая инставрации духовная составляющая может придать модернизации более отчетливый нравственный смысл. А. Ашкерев подчеркивает, что «инставрация представляет собой способ исторического действия, основанный на систематическом обнаружении морального подтекста истории. По сути, практика инставрации превращает историю в арену осуществления долга» [4].

Таким образом, модернизация «с человеческим лицом» предполагает тесную духовную связь с прошлым. В этом плане социально-историческая память, сохраняющая позитивные образы советского периода, благодаря инставрационным механизмам может стать важным фактором общественных преобразований, служащих, в конечном счете, формированию достойного жизненного мира современного человека. Инставрация жизненного мира предусматривает освобождение сил, спрятанных в прошлом, для целей нового развития, а также преемственность в использовании средств и институциональных условий модернизации.

Литература

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С., Ерофеева С. А. (ред.) Социологический словарь. — М.: Экономика, 2004.
2. Ашкерев А. Деконструкция и инставрация [Электронный ресурс] / Русский журнал. — Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Dekonstrukciya-i-instavraciya>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.
3. Дети перестройки [Электронный ресурс] / Форум. — Режим доступа: <http://ccsr.forblabla.com>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.
4. Инставрация [Электронный ресурс] / «Традиция». Русская энциклопедия. — Ре-

жим доступа: <http://traditio-ru.org/wiki/Инс-таврация, свободный> (20.05.2013). — Загл. с экрана.

5. *Коммари А.* Уважаемые советские коммунисты! [Электронный ресурс] / За Державу обидно! — Режим доступа: <http://swalker.org/statii/180-za-derzhavu-obidno.html>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.

6. Ментальность российской молодежи: политические ориентиры и кумиры [Электронный ресурс] / Журнал «Гефтер». — Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/8369>, свободный (20.05.2013). — Загл. с экрана.

7. *Рикер П.* Память, история, забвение. — М.: Изд-во гуманит. лит., 2004.

Поступила в редакцию

12 июля 2013 г.

Эллина Геннадьевна Позднякова-Кирбятьева — кандидат социологических наук, докторант кафедры политологии, социологии и культурологии Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды.

Ellina Gennadyevna Pozdnyakova-Kirbatyeva — Ph.D., Candidate of Sociology, competitor for Doctor's degree at the Kharkov National Pedagogical University of G. S. Skovoroda name department of Political Science, Sociology and Study of Culture.

69076, Украина, г. Запорожье, ул. Новгородская, 22А, кв. 92
22A Novgorodskaya st., app. 92, 69076, Zaporozhye, Ukraine
Тел.: + 38 (063) 316-44-99; e-mail: cobrian@mail.ru